

Р.Г. Магомедов

**МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ
КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ**

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Р.Г. Магомедов

**МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ
КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МАХАЧКАЛА - 2000

ББК 63.4 (Дат.)
М 12

Рецензенты:
доктор исторических наук М.С. Гаджиев
кандидат исторических наук Г.Д. Атаев

М 12 Магомедов Р.Г.

Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.
– Махачкала, 2000. – 120 с., ил.

В работе публикуются материалы нескольких погребальных комплексов эпохи бронзы, разрушенных у ст. Каякент (1959 г.) и сел. Великент (1982 г.) Республики Дагестан, дается анализ находок, рассматриваются вопросы датировки и историко-культурной интерпретации памятников, а также генезиса катакомбного обряда захоронений в Приморском Дагестане в бронзовом веке.

Книга рассчитана на археологов, историков первобытности, работников музеев и студентов исторических факультетов ВУЗов республики.

Книга подготовлена и издана при поддержке Международного научного фонда (Программа поддержки Дж. Соросом российских гуманитариев «Культурная инициатива», 1994 г.).

© Р.Г. Магомедов, 2000
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время куро-аракская культура, впервые выделенная Б.А. Куфтиным в 1944 г., оставалась археологическим образованием, характеристика которого в основном базировалась на данных изучения бытовых памятников. Это было справедливо и по отношению к северо-восточнокавказскому или дагестанскому варианту куро-аракской культуры. В середине 70-х гг. из более чем полусотни объектов эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа, связываемых с куро-аракской культурой, погребальные памятники были представлены лишь единицами. Такая односторонность источниковой базы не могла не отразиться на историко-хронологической и этнокультурной интерпретации указанного археологического образования. Традиционная датировка археологической культуры, основывающаяся на типологическом анализе инвентаря, при условии его ограниченности в составе и разнообразии своим поселенческим происхождением и отсутствии надежных радиоуглеродных дат может дать иногда сбой, что и произошло на примере северо-восточнокавказского (дагестанского) варианта куро-аракской культуры. Так, после открытия в 1979 г. и изучения в 80-х гг. катакомбных захоронений в окрестностях сел. Великент (Дербентский район Республики Дагестан) пришлось пересмотреть дату верхних слоев известного Великентского поселения I, заодно и некоторых других близких ему прикаспийских поселений (Каякентское Геме-тубе I, Мамай-кутан), ранее целиком рассматривавшихся в рамках III тыс. до н.э. в качестве одних из куро-аракских эталонных памятников. Стало ясно, что, по крайней мере, на этих памятниках на закате куро-аракской культуры жизнь не остановилась, как это предполагалось ранее, хотя и произошли кардинальные перемены во всех сферах материальной и, возможно, духовной, культуры местных племен.

Настоящая работа вводит в научный оборот яркие, неординарные материалы некоторых разрушенных погребальных комплексов эпохи ранней и средней бронзы Приморского Дагестана (т.н. «Каякентский 6-й могильник» и две катакомбы Великентского могильника I – рис. 1), что, несомненно, имеет важное значение для более полного и всестороннего представления не только погребального обряда, но и в целом культур эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа.

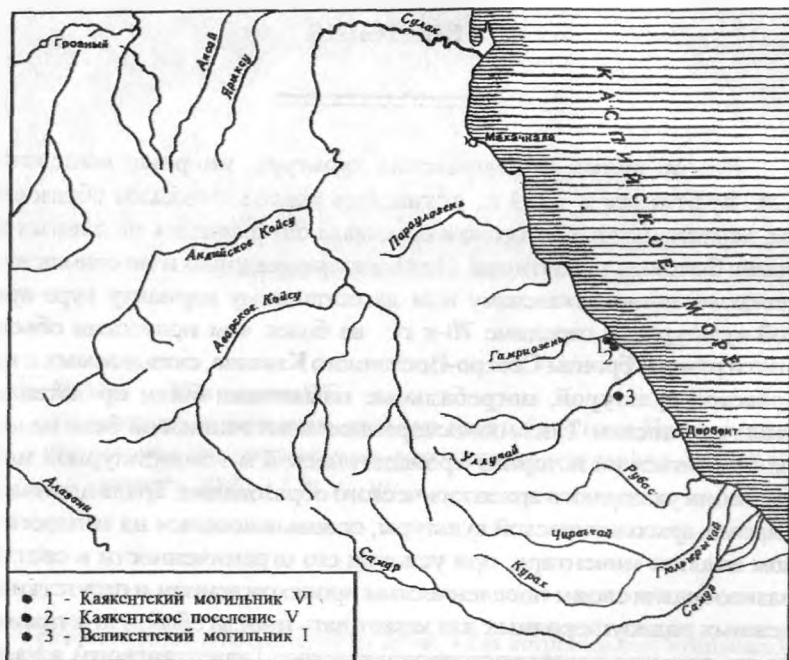

Рис. 1. Карта-схема Северо-Восточного Кавказа с указанием расположения рассматриваемых памятников

Археологические находки, о которых идет речь, хранятся в фондах Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее – ИИАЭ ДНЦ РАН), а также частично экспонируются в Археологическом музее института. Макет обложки книги, рисунки находок, за исключением оговоренных случаев, чертежи и фото выполнены автором. Компьютерный набор текста, верстка и техническая редакция книги осуществлены З.Г. Магомедовой. Автор выражает глубокую благодарность коллегам – проф. М.Г. Гаджиеву, д.и.н. М.С. Гаджиеву, к.и.н. Г.Д. Атаеву и другим, принявшим активное участие в обсуждении рукописи книги на заседаниях Отдела археологии и Ученого совета ИИАЭ ДНЦ РАН, а также в ее подготовке к печати.

Подготовка и издание данной работы стали возможны благодаря гранту Международного научного фонда (Программа поддержки Дж. Соросом российских гуманитариев «Культурная инициатива», 1994 г.).

КАЯКЕНТСКИЙ МОГИЛЬНИК VI

Район Приморского Дагестана в низовьях реки Гамри-озень (рис. 2) довольно богат археологическими древностями. Здесь, в окрестностях районного центра Каякент и одноименной железнодорожной станции, выявлено около двух десятков памятников различных эпох [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 183-185]. Наиболее известными среди них являются Каякентский могильник эпохи поздней бронзы, раскопанный В.И. Долбежеевым в 1898 г. в связи со строительством ж.д. станции и ставший впоследствии одним из эпонимных памятников каякентско-хороочевской культуры [Крупнов Е.И., 1940, с. 7-13; Круглов А.П., 1958, с. 51, 56-57, 62-65; Марковин В.И., 1969, с. 10, 26-27; Он же, 1994, с. 334-355], а также два поселения куро-аракской культуры – Геме-тубе I-II, изучавшиеся в 1939 г. А.П. Кругловым [1958, с. 20-30] и в 1977, 1979 гг. М.Г. Гаджиевым [1991, с. 163-168]. Большая же часть каякентских памятников известна по разведочным данным и изучена слабо. К ним можно причислить и т.н. «Каякентский 6-й могильник», помещенный в реестр «Археологической карты Дагестана» А.И. Абакарова и О.М. Давудова под № 861 [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 185]¹. До недавнего времени он не привлекал особого внимания археологов, хотя его материалы небезынтересны для изучения погребального обряда и в целом культуры куро-аракского населения Прикаспия.

К сожалению, информация об обстоятельствах обнаружения данного памятника, особенностях его конструкций и погребального обряда незначительна и очень скупа. Выявлен он был случайно в 1959 г., когда на сектор археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР поступило сообщение о разрушаемом могильнике у обрыва р. Гамри-Озень недалеко от ст. Каякент. Выехавшим по этому сигналу С.Ш. Гаджиевой (зав.-

¹ В лабораторной описи материалов, хранящейся в Отделе археологии ИИАЭ, памятник значится как «Каякентский грунтовый могильник». Учитывая существующие традиции в упорядочении названий археологических объектов, мы решили далее придерживаться названия «Каякентский могильник VI».

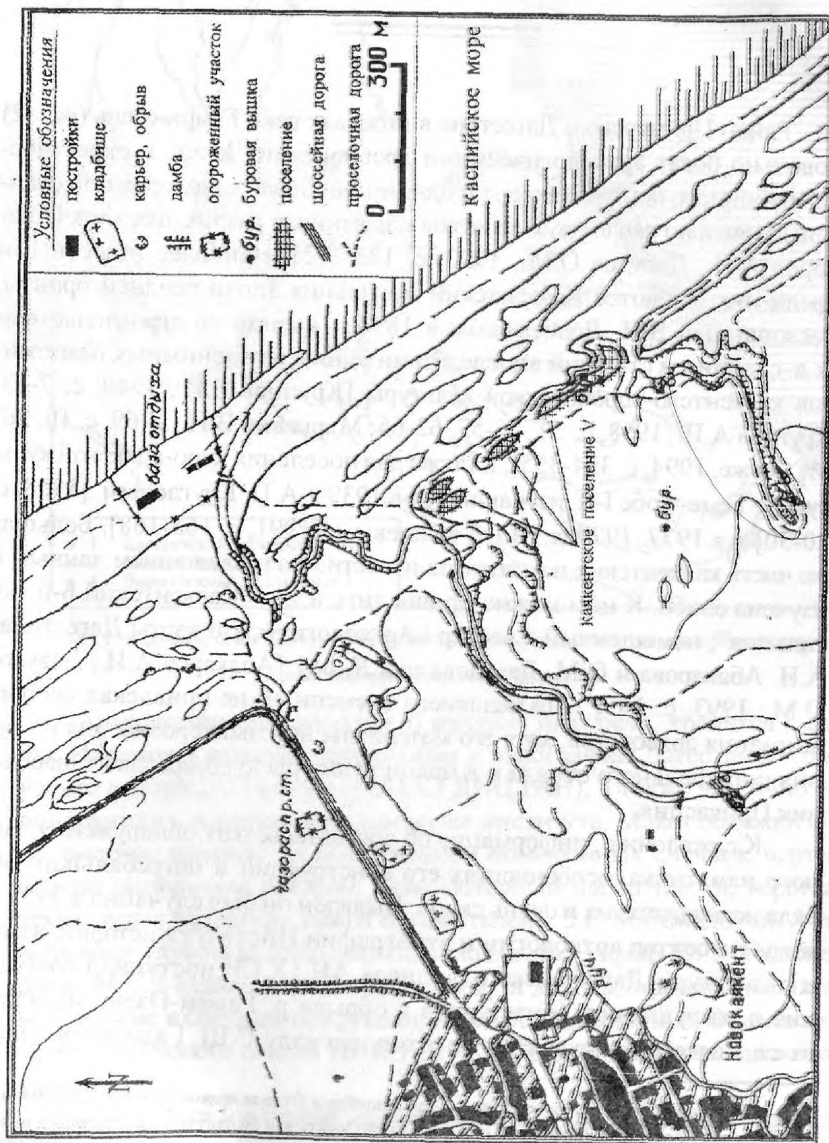

Рис. 2. Карта низовья р. Гамри-озень

сектором), Н.Д. Путинцевой (м.н.с.) и М.-М.А. Хизроеву (художник) показали место, где местные жители обнаружили множество глиняных сосудов, открывшихся при обвале берегового обрыва.

По словам С.Ш. Гаджиевой², могильник был расположен на правом берегу реки ниже моста через железную дорогу «Ростов-Баку». На глубине 1,0-1,5 м от дневной поверхности прямо в обрыве были обнажены глиняные сосуды, множество черепков от таких же сосудов, кости. Каких-либо деталей погребальных сооружений и обряда выявлено не было. На месте нахождения отсутствовали камни, плиты, которые можно было бы отнести к могильным конструкциям.

В археологические фонды Института ИАЭ ДНЦ РАН, судя по описи вещей, попала небольшая коллекция керамики из 7 более или менее целых сосудов и 49 обломков других сосудов. Зарисовки целых сосудов (рис. 3), кроме двух наиболее крупных образцов, были даны без комментариев в известной монографии С.Ш. Гаджиевой «Кумыки» [Гаджиева С.Ш., 1961, с. 19, рис. 1]. В 1996 г. в материалах конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена, были опубликованы тезисы нашего доклада с культурно-хронологической оценкой рассматриваемых каякентских находок и рисунками всех целых сосудов [Магомедов Р.Г., 1996, с. 69-72, рис. 1]. Происходят ли глиняные сосуды с одного места или же они относились к нескольким комплексам, а также ограничивался ли инвентарь лишь керамикой, теперь не ясно. Одно можно сказать, что мы имеем дело с бескурганскими грунтовыми захоронениями коллективного характера, сопровождавшимися большим количеством керамики.

Учитывая неординарный характер анализируемой керамической коллекции, мы решили воспроизвести здесь полностью текст описи вещей, проходящих под шифром

[ДАЭ - 59 г.
Каяк. гр. м. №]

instituteofhistory.ru

² Автор выражает благодарность главному научному сотруднику ИИАЭ, проф. С.Ш. Гаджиевой за любезно предоставленную информацию об обстоятельствах открытия могильника.

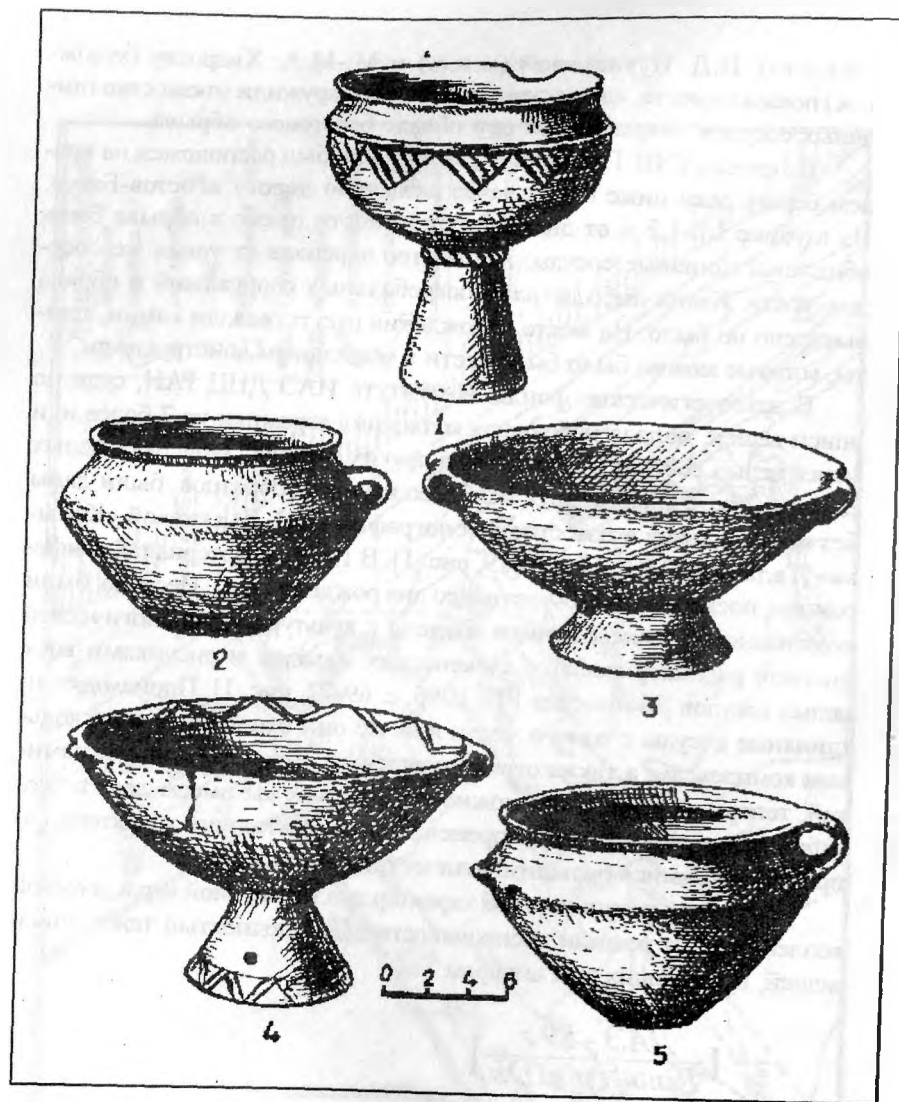

Рис. 3. Каякентский могильник VI. Керамика (по Гаджиевой С.Ш., 1961)

Таблица 1.

«Каякентский грунтовый могильник. 1959 г.
(Подъемный материал)»

п/п	Наименование и описание предмета	кол-во	Примечания
1	2	3	4
1	Красноглиняный сосуд с сильно расширенным туловом, которое сужено к низу. Ярко выраженный венчик сильно отогнут. Поверху тулова расположен геометрический орнамент в виде двух параллельных горизонтальных полос, между которыми – резные косые насечки. Ниже полос нанесена ломанная линия. Глина слабого обжига. Дв – 21 см, Дд – 11 см. К широкой части тулова прикреплены две ручки, расположенные рядом, очень маленького размера.	1	[Рис. 4,5. Дв – 24 см, Дт – 35 см, Дд – 11 см, Н – 33 см]
2	Часть сероглиняного сосуда с очень вытянутым туловом, с маленьким дном (Д – 10 см). Венчик прямой, резко отогнут от тулова. Сохранилась одна ленточная ручка, расположенная немного выше средней линии сосуда. Сосуд грушевидной формы.	1	[Рис. 4,6. Дв – 20 см, Дт – 34 см, Дд – 10 см, Н – 45 см]
3	Небольшая желтоглиняная чаша конусообразной формы с маленьким дном (Д – 3,5 см). Дв – 12 см. В верхней части сосуда – резкий перегиб к горловине. От края венчика к перегибу приделана ленточная ручка. С обратной стороны чаши (противоположно ручке) – сосцеобразный выступ с двумя вмятинами по бокам (по перегибу). Поверхность чаши заглажена. По бокам ручки – также вмятины.	1	[Рис. 3,5; 4,2. Дв – 14 см, Дт – 14 см, Дд – 4 см, Н – 8,5 см]
4	Небольшая желтоглиняная чаша с лощеной поверхностью. К верху чаша расширена. В широкой части перегибается и переходит в венчик. Дд – 5,5 см, Дв – 10 см. В широкой части чаши – ленточная ручка.	1	[Рис. 3,2; 4,1. Дв – 12 см, Дт – 13,5 см, Дд – 5,5 см, Н – 8,5 см]

1	2	3	4
5	Красноглиняная чаша на высоком поддоне, полом внутри. Края чаши несколько отогнуты, образуя венчик. Немного ниже венчика – лепной валик, под которым – резной геометрический орнамент в виде ломанной линии со штрихами внутри с одной стороны. На границе поддона и чаши – орнамент в виде косых насечек. Одна ленточная ручка прикреплена концами к валику и венчику. Дпод – 7 см, Дв – 12 см.	1	[Рис 3.1, 4.4. Дв – 14,5 см, Дт – 15 см, Дпод – 7,5 см, Н – 16 см h – 9 см.]
6	Сероглиняная миска с небольшим поддоном, расширенным книзу. По бокам миски у края находятся две ложные ручки. Поверхность заглажена. Дпод – 12 см, Дв – 29 см.	1	[Рис 3.3; 5.6. Дв – 29 см, Дпод – 13 см, Н – 12 см, h – 2,6 см]
7	Желтоглиняная миска на высоком поддоне, расширенном книзу. У края миски находится 1 ленточная маленькая ручка, с противоположной стороны миски располагаются 2 своеобразных выступа. В середине поддона по кругу имеются 4 сквозных отверстия. По нижнему краю поддона и по краю миски с внутренней стороны – резной орнамент в виде двух параллельных ломаных линий. Дпод – 13 см, Дв – 27 см. Поверхность залощена.	1	[Рис 3.4; 4.3. Дв – 28 см, Дпод – 14 см, Н – 17 см, h – 7 см]
8	Фрагменты стенок сероглиняных сосудов с ленточными ручками, от основания которых отходят полукруглые валики, соединяя концы ручек. На одном фрагменте над ручкой – своеобразный выступ.	2	[Рис 5.2]
9	Фрагмент гемносерого глиняного сосуда с ленточной ручкой, отходящей от венчика. От основания ручки отходят лепные валики. На фрагменте – следы лощения.	1	[Рис 5.5]
10	Фрагмент желтосерого глиняного сосуда с частью венчика, отогнутого наружу, и ленточной ручкой, прикрепленной к венчику одним концом. Фрагмент носит следы лощения.	1	[Рис 5.4]
11	Фрагменты тонкостенного красноглиняного сосуда с частью венчика, резко отогнутого наружу. Глина хорошо обожжена. Поверхность лощеная.	2	[Рис 5.10]

1	2	3	4
12	Фрагмент сероглиняной миски, покрытой лощением, с ложной ручкой в виде валика по краю миски со сквозным отверстием в нем.	1	
13	Фрагменты сероглиняной миски с заглаженной поверхностью. Край миски образует валик на внутренней поверхности, немного сплюснутый.	5	[Рис 5.3]
14	Фрагменты венчиков желтосерого глиняного сосуда. Венчики плавно отогнуты наружу, на краю ребристые. В изломе керамика с черным цветом в изломе. Поверхность гладкая.	4	[Рис 5.8]
15	Фрагменты желтосероглиняных венчиков сосуда с небольшим отгибом во внешнюю сторону с черным цветом в изломе. Поверхность гладкая.	2	[Рис 5.9]
16	Фрагмент венчика желтоглиняного сосуда (в изломе черный). Венчик слегка отклонен во внешнюю сторону. Ниже по горловине проходит валик с вмятинами.	1	[Рис 5.7]
17	Фрагмент сероглиняной миски с несколько загнутым краем (вовнутрь). Тесто с большой примесью дресвы и шамота. Наружная поверхность лощеная.	1	
18	Фрагменты венчиков желтосерого глиняного сосуда с хорошо выраженным отклонением его во внешнюю сторону. Поверхность заглажена.	2	[Рис 5.9]
19	Фрагмент горловины желтоглиняного сосуда с прямым незагнутым краем. Поверхность хорошо заглажена. Тесто хорошо вымешано и обожжено.	1	
20	Фрагменты стенок красноглиняного сосуда с грубой обмазкой глиной. По поверхности проходит валик лепной (с вдавлениями по валику). На одном валике – косые насечки.	3	[Рис 5.10, см. также рис 5.7]
21	Фрагменты стенок красноглиняного сосуда с заглаженной поверхностью, с лепным валиком, на котором нанесены параллельные косые насечки.	2	[Рис 5.10]
22	Фрагмент стенки желтоглиняного сосуда с двумя лепными валиками и косыми насечками по валику.	1	[Рис 5.10]
23	Фрагменты дна желтосерого глиняного сосуда с заглаженной поверхностью. Тесто с большой примесью дресвы и шамота.	2	[Рис 5.9]

1	2	3	4
24	Фрагмент стенки желтосерого глиняного сосуда. Одна половина покрыта грубой обмазкой желтой глины. Вторая – заглажена и орнаментирована кольцеобразным рельефным валиком.	1	[Рис. 5,1]
25	Фрагменты сероглиняной керамики с заглаженной поверхностью и рельефными валиками, образующими полукольца.	2	
26	Фрагменты желтосерой керамики с неглубокой бороздкой по гладкой поверхности, нанесенной горизонтально. Ниже бороздки находятся ложные ручки в виде маленьких выступов с двумя с глубокими вдавлениями, но не образующими отверстие. От ручек отходят концентрические резные окружности.	3	[Рис. 5,9]
27	Фрагменты желтосерой керамики с тремя резными полукруглыми полосами. Тесто хорошо вымешано с большой примесью шамота.	2	[Рис. 5,9]
28	Фрагмент желтоглиняной керамики с грубой обмазкой желтой глиной. Тесто с большой примесью шамота.	1	
29	Фрагмент керамики очень толстостенного желтоглиняного сосуда. Внешняя сторона хорошо заглажена. Тесто хорошо вымешано, очень хорошего обжига.	1	[Рис. 5,11]
30	Фрагменты керамики черноглиняного сосуда. Тесто с большой примесью шамота. На одном фрагменте – лепной валик. Заметны следы лощения.	2	[Рис. 5,5]
31	Фрагменты керамики сероглиняных сосудов. Поверхность заглажена. Тесто хорошо вымешано, с примесью шамота. Обжиг хороший. На двух фрагментах заметно лощение.	6	[Рис. 5,9]

Пояснения к описи:

в первой графе даны инвентарные №№ находок, а в последней («примечания» отсутствуют в оригинале лабораторной описи) – уточненные размеры целых сосудов (Дв – диаметр венчика; Дт – д-р тулова; Дд – д-р дна; Дпод. – д-р поддона; h – высота поддона; Н – высота сосуда) и ссылки на соответствующие рисунки находок.

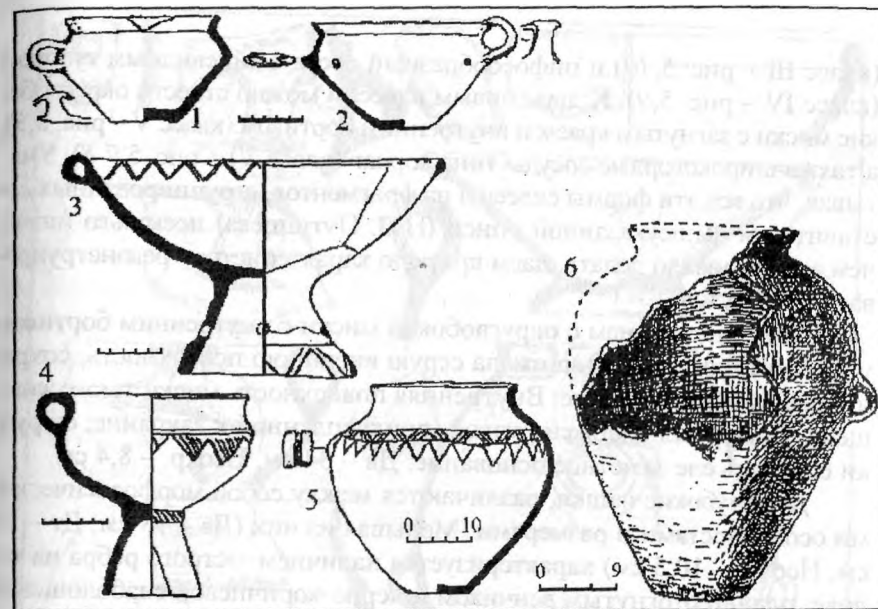

Рис. 4. Каякентский могильник VI. Керамика

Керамика, найденная в Каякенте – лепная, но отличается выработанностью форм сосудов и их пропорций. Обжиг, за редким исключением, относительно качественный; тесто промешано тщательно, в нем заметны примеси шамота, реже дресвы. Внешняя поверхность сосудов, как правило, желто-серая, реже розовато-охристая.

Морфологически целые сосуды делятся на следующие классы: I) глубокие чаши небольших размеров (высотой не более 8,5 см) с реберчатым перегибом в верхней части тулова и резко отогнутым низким венчиком (рис. 4,1-2); II) вазы на полых высоких и низких колоколовидных поддонах (рис. 4,3-4; 5,6); III) горшкообразный сосуд с раздутым туловом и плавно отогнутым венчиком (рис. 4,5) и IV) пифособразный сосуд с высоким (ок. 45 см) яйцевидным туловом и воронкообразной горловиной (рис. 4,6).

Кроме того, при непосредственном осмотре коллекции керамических обломков, происходящих из Каякента, нам удалось восстановить формы еще 7 сосудов. Они также распределяются по 5 классам, из которых 3 совпадают с предыдущими классами. Это глубокие чаши (класс I – рис. 5,4-5); горшкообразный сосуд с раздутым туловом

(класс III – рис. 5,10) и пифосообразный сосуд с яйцевидным туловом (класс IV – рис. 5,9). К двум новым классам можно отнести округлобокие миски с загнутым краем и внутренним бортиком (класс V – рис. 5,3), а также широкогорлые сосуды типа корчаг (класс VI – рис. 5,7-8). Учитывая, что все эти формы склеены из фрагментов, сгруппированных составителем вышеуказанной описи (Н.Д. Путинцева) несколько иначе, чем это следовало делать, даем краткую характеристику реконструированных сосудов.

Описание начнем с округлобокой миски с внутренним бортиком у венчика (рис. 5,3). Она имела серую внешнюю поверхность, сохранившей слабое лощение. Внутренняя поверхность миски также залощена. Сосуд был снабжен ручкой, прикрепленной к закраине: от ручки осталось еле заметное основание. Дв – 34 см, Нсохр. – 8,4 см.

Две глубокие чашки, различаются между собой морфологически особенностями и размерами. Меньшая из них (Дв – 18 см, Дт – 20 см, Нсохр. – 10,5 см) характеризуется наличием острого ребра на тулове, плавно отогнутым венчиком и черно-коричневой слаболощеной внешней поверхностью (рис. 5,5). Обжиг сосуда плохой, черепок крошится; на поверхность выступают частицы шамота. К закраине и наибольшему расширению тулова прикреплена ленточная ручка с «усатым» основанием. Вторая чаша (рис. 5,6) отличается от предыдущей, главным образом, крупными размерами (Дв – 28 см, Дт – 29,8 см, Нсохр. – 11 см). Внешняя поверхность сосуда – лощеная серая с коричневыми пятнами; обжиг – хороший. Ручка этой чаши прикреплена к закраине и плечикам; основание ручки имеет более короткие и утолщенные «усики».

Два сосуда, отнесенные нами к классу корчагообразных, сильно разнятся между собой. Один из них (рис. 5,8) имеет плавноотогнутый венчик с кососрезанным внешним краем, широкую горловину и коричневатую-черную (закопченную), грубо заглаженную поверхность; обжиг – плохой, черепок рыхлый, крошится. Размеры сосуда: Дв – 24 см, Дт – 28 см, Нсохр. – 8 см. Второй сосуд характеризуется прямым высоким венчиком с косым срезом, и яйцевидным туловом, по плечикам которого идет горизонтальный рельефный валик с округлыми вдавлениями (рис. 5,7). Главная особенность данного сосуда – это наличие в нижней части тулова обмазки жидкой глиной. Остальная часть тулова и шейка сосуда имеют заглаженную поверхность желтовато-охристого цвета с коричневыми пятнами. Обжиг – слабый. Размеры: Дв – 20 см, Дт – 24,6 см, Нсохр – 12 см.

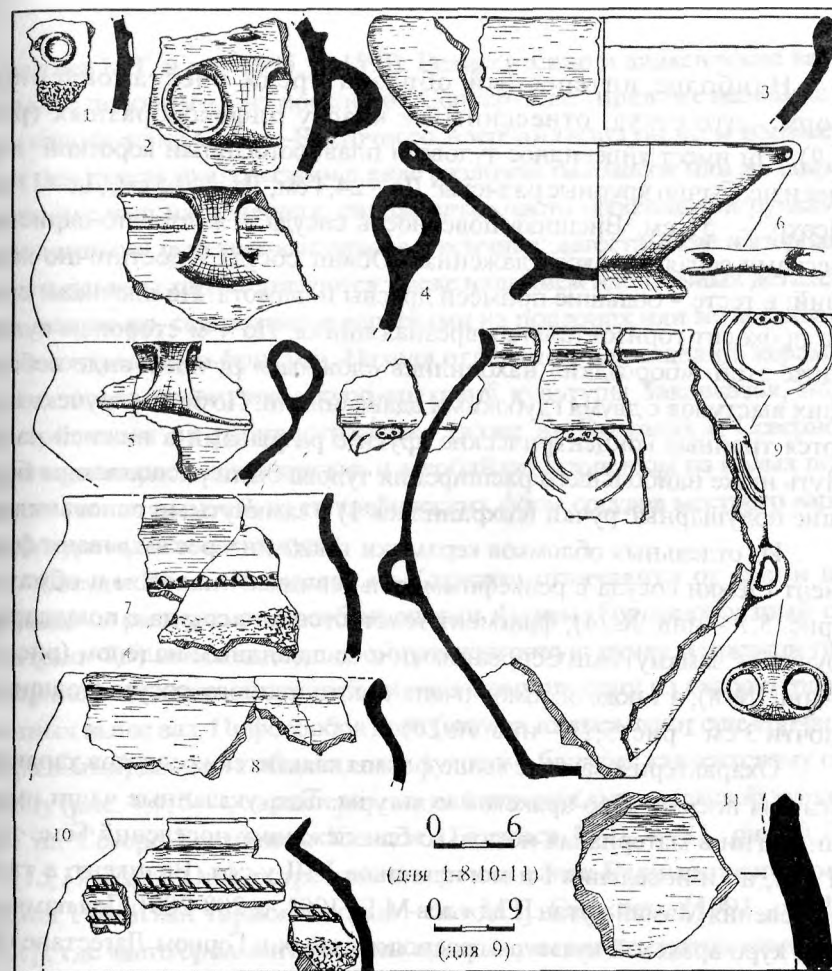

Рис. 5. Каякентский могильник VI. Керамика

Форма еще одного сосуда, имеющего также в нижней части тулова обмазку, восстанавливается на основе 5 обломков (рис. 5,10). Сосуд этот отличается прямым венчиком, резко отогнутым от шаровидно раздутого тулова, и двумя параллельными горизонтальными валиками, рассеченными косыми семечковидными насечками. Необмазанная часть внешней поверхности имеет желто-охристую заглаженную поверхность с серыми пятнами. Размеры реконструированного сосуда: Дв – 14 см, Дт – 26,4 см, Нсохр. – 11,7 см.

Наиболее интересный образец среди восстановленных форм – это сосуд, отнесенный к классу пифосообразных (рис. 5,9). Он имеет яйцевидное тулово и плавноотогнутый короткий венчик и необычно крупные размеры: Дв – 24,4 см, Дг – 40,5 см, Дд – 13 см, Нсохр. – 51 см. Внешняя поверхность сосуда – желтовато-охристая, местами серая, гладкозаглаженная. Обжиг сосуда – достаточно хороший; в тесте – большие примеси дресвы и шамота. По плечикам сосуда проходит горизонтальная врезная линия. По 4-м сторонам тулова ниже этой «бороздки» находились «ложные» ручки в виде небольших выступов с двумя глубокими вдавлениями. По бокам «ручек» имеются тройные концентрические круги с разрывами в нижней части. Чуть ниже наибольшего расширения тулова были расположены большие полушарные ручки (сохранилась 1) с замкнутыми основаниями.

Из отдельных обломков керамики также интерес вызывают фрагмент стенки сосуда с рельефным кольцевидным налепом и обмазкой (рис. 5,1 – инв. №24), фрагмент толстостенного сосуда с полушарной ручкой с замкнутыми основаниями и сосцевидным налепом (рис. 5,2 – инв. № 8), а также обломок очень толстостенного сосуда (толщина – почти 3 см – рис. 5,11 – инв. № 29).

Охарактеризованные выше формы каякентских сосудов характерны для посуды куро-аракской культуры. Так, указанные чаши имеют аналогии в материалах не только близлежащих поселений Геметюбе I и II, но и поселения I и могильников I-III у сел. Великент, а также поселения Мамай-кутан [Гаджиев М.Г., 1991, с. 208-209]. Для памятников куро-аракской культуры, расположенных в Горном Дагестане (Мекеги, Галгалатлы, Чиркей и др.), такие чаши не характерны, но часто они встречаются на памятниках куро-аракской культуры Закавказья.

Каякентские вазы на высоких колоколовидных поддонах до недавнего времени были уникальны для территории Дагестана. Среди прочих на обломок подобного сосуда из Геметюбе I (из раскопок А.П. Круглова [Круглов А.П., 1958, с. 28, рис. 5,5]) ссылается Д.Л. Мусаев, не найдя точной аналогии вазам из Северо-Восточного Азербайджана [Мусаев Д.Л., 1992, с. 114-116]. Между тем разнообразные вазы на поддонах, в том числе и типа «погремушек», обнаружены в ряде ранних катакомб Великента (катакомба №8, могильник I [Гаджиев М.Г., 1991, с. 211, рис. 26,17]; катакомба №1, могильник II

[Гаджиев М.Г. и др., 1995, с. 159]). Великентские и каякентские вазы схожи с подобными из поселения Серкер-тепе (прежнее название – Борисполь-тепе) Северо-Восточного Азербайджана по всем параметрам: мы имеем дело с вазами в виде разложистых мисок или же широкогорлых чаш на поддонах, снабженных часто небольшими ручками или ложными ручками-выступами у венчика; дагестанские и азербайджанские вазы характеризуются также наличием идентичных деталей, как, например, сквозными отверстиями на поддонах или же врезными орнаментальными фризами. Находя отдельные параллели в керамике не только памятников куро-аракской культуры Закавказья, но и за пределами их распространения (даже на Балканах и Северном Причерноморье), дагестанские и азербайджанские вазы на полых поддонах являются одной из специфических форм сосудов местного варианта куро-аракской культуры.

Сосуды III и IV классов из Каякента отличаются от чаш и ваз крупными размерами и особенностями формы. Горшкообразный сосуд (рис. 4,5) имеет редкую двойную ленточную ручку и врезной геометрический декор, подобный нанесенному на одну из охарактеризованных выше ваз. Пифосообразные (иногда их называют еще корчагообразными) сосуды с яйцевидным туловом, близкие каякентскому образцу (рис. 4,6; 5,9), характерны на памятниках куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе [Гаджиев М.Г., 1983, рис. 5,16; 10,15,17 и др.]. Они встречаются в верхних слоях Великентского поселения I (4-й тип тарной посуды – по М.Г. Гаджиеву [1991, с. 210-211]), где часто орнаментированы налепными концентрическими узорами. В посткуроаракское время такие сосуды широко распространяются, среди них много и обмазанных жидкой глиной [Котович В.Г., 1961, рис. 20,3; Магомедов Р.Г., 1998, с. 100-101, рис. 72; 130].

Завершая характеристику керамики, отметим, что внешняя поверхность большинства целых сосудов тщательно заглажена; одна из ваз на полом поддоне (рис. 4,3) залощена. Среди обломков других сосудов встречаются как залощенные, так и заглаженные образцы. В коллекции есть также 5 фрагментов стенок сосудов, грубообмазанных желтой глиной. На трех обломках сохранились налепные валики с вдавлениями и косыми насечками.

Анализ материала показывает некоторую его разнородность. С одной стороны, чаши и вазы, аналогичные каякентским, обнаружены в ранних катакомбах Великента, датируемых в пределах первой половины III тыс. до н.э. При этом подобные вазы в Великенте в поздних комплексах пока не встречены. С другой стороны, сосуд IV класса яйцевидной формы (рис. 4, б) имеет близкие образцы среди керамики конца ранней бронзы в Прикаспийском Дагестане. Обмазка тулов сосудов, зафиксированная на отдельных фрагментах каякентской керамики (рис. 5, 1, 7, 10), также является, как это установил М.Г. Гаджиев, поздним явлением [Гаджиев М.Г., 1991, с. 213]. Впервые на прикаспийских памятниках обмазка жидкой глиной появляется только с середины III тыс. до н.э. Таким образом, мы можем допустить две возможные версии хронологической интерпретации Каякентского могильника VI: а) имеющийся материал относится к различным комплексам с ранней и поздней датировкой в пределах эпохи ранней бронзы; б) материал происходит с одного или нескольких близковременных комплексов, датируемых серединой III тыс. до н.э., и допускающих хронологическое уточнение в ту или иную сторону.

Каякентский могильник VI относительно далеко отстоит от известных поселений куро-аракской культуры Геместюбе I и II, и вряд ли функционально связан с ними. С другой стороны, есть сведения, что разрушенные катакомбные сооружения были случайно обнаружены в свое время поблизости и от этих памятников «в ходе реконструкции дороги от трассы Ростов-Баку до с. Каякент» [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 34, 40].

Точное местоположение Каякентского могильника VI пока неизвестно. Результатов в этом плане мало дал и неоднократный осмотр нами обрывистых берегов низовий р. Гамри-озень. Однако следует обратить внимание на то, что в 1,5 км к востоку от ж.д. ст. Каякент, на правом берегу р. Гамри-озень имеется еще одно поселение куро-аракской культуры (рис. 2). В разное время в Институт ИАЭ ДНЦ РАН доставлялся подъемный материал, в основном керамического характера, происходящий с этого поселения. В частности, в 1982 г. в Археологические фонды Института Т.И. Лесневской (преподаватель художественно-графического ф-та ДГПИ) была передана нижняя часть вазы на полом поддоне (рис. 6, 5). В том же году студент одного из московских

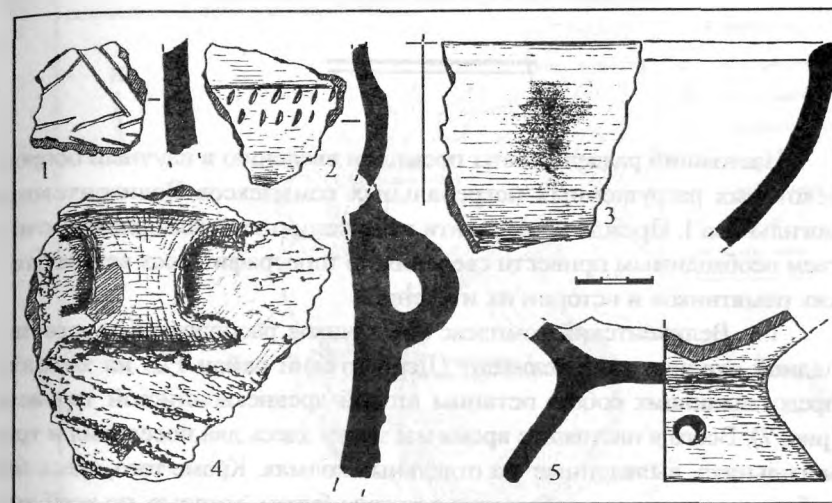

Рис. 6. Каякентское поселение V. Керамика (подъемный материал)

вузов (МГРИ) Кесеги Аттила (гражд. Венгрии) привез в Махачкалу небольшую коллекцию достаточно выразительных обломков глиняных сосудов (рис. 6, 1-4), собранных им, судя по краткой сопроводительной записке, на ряде невысоких холмов (один из них имел высоту где-то около 4-х м), протянувшихся вдоль берега моря прямо перпендикулярно к р. Гамри-озень (недалеко от крайнего южного холма находилась скважина №614-м). Возможно, именно к этому поселению, расположенному на четырех буграх-останках каспийской террасы, как это обычно для куро-аракских памятников, и относится описываемый нами могильник.

О характере погребальных конструкций Каякентского могильника VI у нас нет никаких достоверных данных. По косвенным моментам (отсутствие курганов, каменных конструкций, устройство могил на останках приречных террас и др.), можно допустить, что здесь вполне могли существовать катакомбные бескурганные захоронения типа великентских.

ВЕЛИКЕНТСКИЙ МОГИЛЬНИК I

Настоящий раздел работы посвящен введению в научный оборот некоторых разрушенных погребальных комплексов Великентского могильника I. Прежде чем перейти к описанию этих материалов, считаем необходимым привести сведения по топографии всех великентских памятников и истории их изучения.

Т.н. Великентский комплекс памятников расположен на юго-западной окраине сел. Великент (Дербентский район РД) на холмах, представляющих собою останцы второй древнекаспийской террасы (рис. 7). Всего в настоящее время мы знаем здесь два поселения и три могильника, выявленные на отдельных холмах. Кроме того, здесь же поблизости имеются небольшие останцы-бугры, которые, по всей видимости, использовались древними жителями в хозяйственных целях.

Великентское поселение I – наиболее известный из великентских памятников, традиционно относившийся к куро-аракской культуре и известный в литературе как «Великентское поселение». Расположено на центральном, наиболее крупном по площади холме, называемом местными жителями «Земовар-тепе»¹. У южной подошвы холма протекает небольшая речка Кубу-чай. Холм отличается в плане овально-вытянутой в меридиональном отношении формой. Размеры холма: длина – 175 м, ширина – 150 м, высота – в среднем около 9 м. По всей видимости, нынешние форма и размеры холма сильно подверглись изменениям: вся восточная подошва холма обрешана при строительстве зданий МТФ; подобные же постройки в свое время были и на верхней площадке холма. Многочисленные строительные работы, а также сельскохозяйственные распахивания сильно перемешали верхний горизонт культурных наслоений, начинающийся непосредственно с уровня нынешней дневной поверхности.

Великентское поселение II расположено на округлом холме (местное название – «Гъарасу-тепе» (в переводе с тюрк. «Черная вода»))

¹ Местные жители затрудняются в объяснении этого топонима.

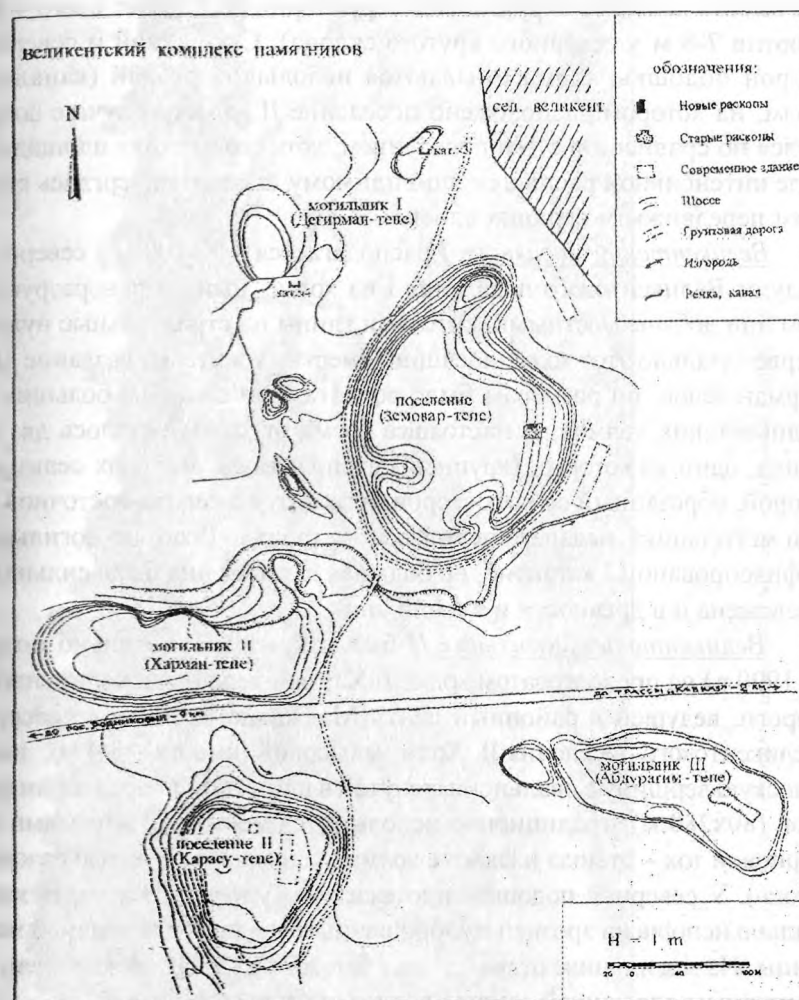

Рис. 7. Карта Великентского комплекса памятников

яйцевидной в плане формы в 200 м к юго-западу от Великентского поселения I. Холм сам находится к югу от асфальтированной дороги, ведущей в районный центр Кайтагского района – сел. Маджалис и узким концом верхней площадки ориентирован на юг. Вершина холма (120x100 м) отличается заметной покатостью в южную сторону,

где высота холма от окружающей территории составляет всего 4-5 м (против 7-8 м у северного крутого склона). С западной и северной сторон подошвы холма оmyаются небольшой речкой (каналом). Холм, на котором расположено поселение II, заметно лучше сохранился по сравнению с I-м поселением, хотя его верхняя площадка в ходе интенсивной распашки, по-видимому, также подверглась сильным передвижкам верхних слоев.

Великентский могильник I располагается в 80-100 м к северо-западу от Великентского поселения I на холме, ныне сильноразрушенном при добыче местными жителями глины на строительные нужды. Первоначально этот холм, носящий у местных жителей название «Дегирман-тепе», по размерам было сопоставимо с самым большим из великентских холмов. В настоящее время от холма осталось два останца, один из которых (крупный) расположен в огородах сельчан, а второй, обрезанный со всех сторон, находится в северо-восточной части могильника, недалеко от колхозного гаража. Всего на могильнике зафиксировано 12 катакомб, но большая часть из них была сильно потревожена и в древности и в наши дни.

Великентский могильник II был открыт сравнительно поздно (в 1990 г.) на продолговатом холме («Харман-тепе»), расположенном у дороги, ведущей в районный центр Маджалис, в 100 м к северу от Великентского поселения II. Холм невысокий (высота – 3-4 м), имеет плоскую вершину с овально-вытянутой в широтном направлении формой (80х280 м); традиционно используется местными жителями под зерновой ток – отсюда название холма («харман» в переводе с тюрк. – «ток»). У северной подошвы протекает р. Кубу-чай. Эта часть холма сильно испорчена эрозией и заброшенным каналом для водяной мельницы. На могильнике открыта одна катакомба (№1) с инвентарем, характерным для ранней группы великентских захоронений.

Великентский могильник III находится на возвышенности («Абдурагим-тепе»), аналогичной предыдущей, тянувшейся уже с южной стороны вдоль дороги на сел. Маджалис к юго-востоку от Великентского поселения I и в 170 м к востоку от Великентского поселения II. Холм (сохранившиеся размеры: длина – 240 м, ширина – 60-70 м, высота – 3-4 м), на котором располагается могильник, по существу разделен на несколько больших останцев и очень сильно разрушен из-за карьеров, где добывают глину на строительные нужды. Могильник и

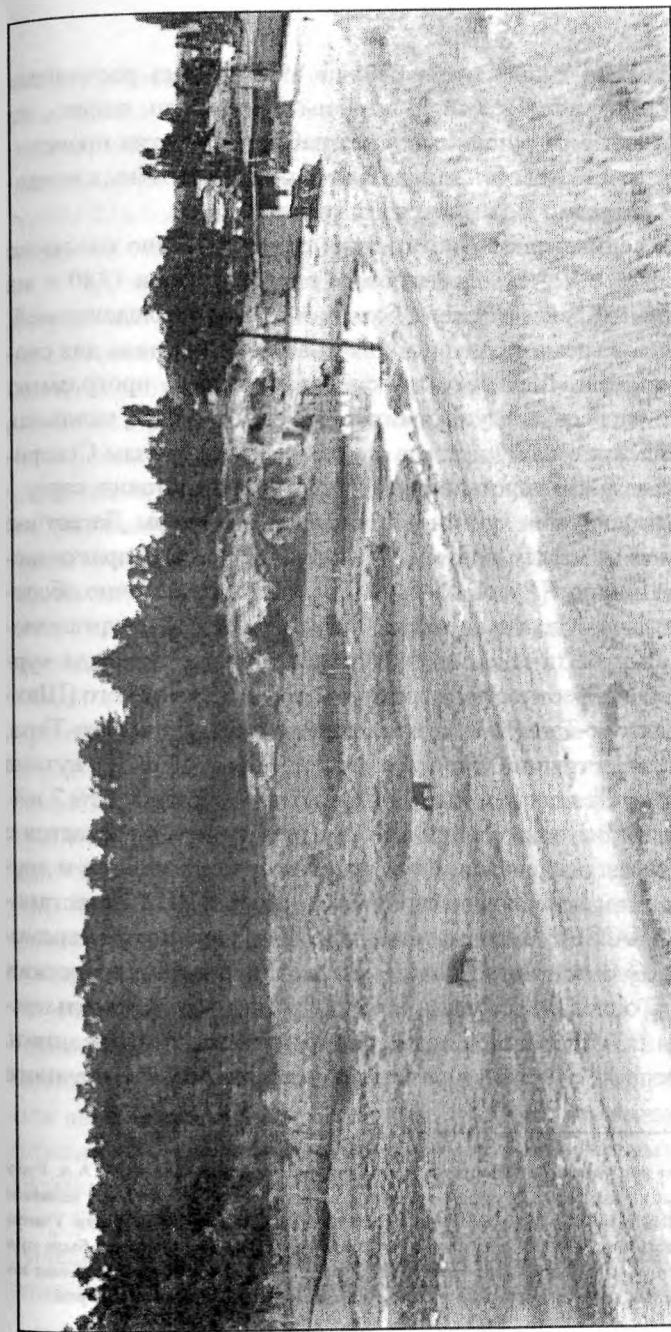

Рис. 8. Великентский катакомбный могильник I (вид с юга)

был открыт случайно в ходе таких работ в 1994 г. Здесь расчищена полуразрушенная катакомба с очень ранним материалом, однако, из множества полностью разрушенных и разграбленных могил происходит немало предметов, в особенности из металла, аналогичных находкам из поздних катакомб Великентского могильника I.

Впервые о великентских памятниках стало известно накануне открытия в Тифлисе V Археологического съезда, когда в 1880 г. на Северо-Восточный Кавказ выехала большая группа исследователей, которая за короткое время с большим энтузиазмом проделала для своего времени колоссальный объем исследовательский программы. Здесь, в первую очередь, следует отметить имя А.А. Русова, человека, который по существу стоял у истоков изучения эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. За короткое время А.А. Русов составил карту - схему месторасположения курганных насыпей в Южном Дагестане («курганогграфия»), между прочим, не потерявшую свое практическое значение до сих пор [Русов А.А., 1882, с. 115]⁴; разведочно обследовал Великентское, Махачкалинское, Мамайкаутанское, Гяуртапинское и Джемикентское поселения, провел раскопки целого ряда курганных насыпей в окрестностях Дербента и поблизости от него (Шах-Насиб-Тапа, Харкют-Тапа, 2-й Безыманный курган, Катарач-Тапа, курганы №№ 2 и 9 в группе Уварова, курганы №№ 3, 10 и 17 у кутана Савича), а также у Дешлагара (ныне - Сергокала) - курганы №№ 2 и 4.

Новый этап в изучении великентских памятников начинается с 50-х гг. XX в., когда исследование памятников бронзового века и других эпох проводится археологической экспедицией ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Надо сказать, что в Дагестане к этому времени уже был свой опыт самостоятельного ведения археологических работ, правда, в основном ограничившихся разведочной деятельностью вне рамок действовавшей тогда Северокавказской экспедиции. Речь идет, в первую очередь, о разведочно-полевой работе научного

⁴ Несмотря на некоторую условность азимутальной ориентации карты-схемы А.А. Русова, зафиксированные им курганные группы и отдельные насыпи с указанием местных названий в целом могут быть привязаны к нынешней географической карте Южного Дагестана. Учитывая, что большая часть курганов этого региона попала под плантаж виноградников и была скрыта, то, возможно, что при помощи карты-схемы А.А. Русова и аэрофотоснимков, есть еще надежда обнаружить и изучить глубокие подкурганные захоронения, впущенные в материк.

сотрудника ИИЯЛ тогда еще Дагестанской базы АН СССР М.И. Исакова (потом он перешел на работу в Республиканский краеведческий музей), которую он провел в 1948 г. «по выявлению и обследованию археологических памятников по плоскостной и предгорной части Южного Дагестана, начиная от ж.д. станции Манас и до Самура» [Исаков М.И., 1948, л. 1].

Эта поистине подвижническая работа М.И. Исакова, когда он за 37 рабочих дней практически без транспорта и помощников, обнаружил и описал 114 разновременных памятников, в том числе относящихся к эпохе бронзы, до сих пор не оценена по достоинству специалистами. Среди памятников, впервые учтенных М.И. Исаковым, много первоклассных объектов, впоследствии изученных стационарными раскопками: курганные группы у ст. Манас и сел. Карабудахкент, раннесредневековое городище Таргу, покоящееся на наслоениях куро-аракского времени и др. В описаниях М.И. Исакова, конечно, достаточно неточностей. Например, известное Великентское поселение у М.И. Исакова фигурирует как «городище»; в дневнике дан его топоплан, очень далекий от действительности. Небольшие бугры - останцы холмов, на которых также имеются культурные остатки, часто производственного назначения, М.И. Исаков интерпретирует как курганы и т.д. и т.п. При всем этом дневник автора изобилует информацией об уже уничтоженных памятниках; он фиксирует сведения о грабительских «раскопках» и по крупицам собирает данные о находках. Между прочим, М.И. Исаков является первооткрывателем Великентского катакомбного могильника I. Холм, на котором в материковой глине вырублены самые древние в Европе катакомбы, М.И. Исаков именует опять же «курганами» и отмечает, что он «стоит в 30-40 м к С-З от городища. Вытянутый с С. на Ю. окр. [ужность] по осн. [ованию] 203 м, при отв. [есной] высоте - 5 м. Курган раскопан колхозниками для лепки саманного кирпича. Гробницы, попадавшиеся во время копания, обойдены, видимо, по религиозным соображениям. Эти гробницы, обойденные колхозниками, они сами показывали нам» [Исаков М.И., 1948, л. 76-77].

Одним из первых памятников, подвергшихся раскопкам археологической экспедицией ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, стало Великентское поселение I. В 1953 г. Южный отряд археологической экспедиции

ИИЯЛ под рук. В.Г. Котовича впервые провел раскопки в Великенте, которые заключались в сборе подъемного материала и раскопках остатков ... [гончарной – Р.М.] печи» на останце невысокого возвышения у обрывистого края р. Кубу-чай недалеко от самого крупного Великентского поселения I [Котович В.Г., 1959, с. 123-124]. В.Г. Котович провел также расчистку остатков сильноразрушенных коллективных захоронений на Великентском могильнике I [Котович В.Г., 1953, л. 17], но почему-то не дал об этом информацию в своей известной статье «Новые археологические памятники Южного Дагестана» [Котович В.Г., 1959], хотя именно на эту статью ссылается М.И. Исаков, говоря о работах В.Г. Котовича на Великентском могильнике [Исаков М.И., 1959, с. 209; 1966, с. 20]. Что касается Великентского поселения, то его по характеру материала автор поставил в один ряд с каякентскими поселениями, датировав «концом энеолитической эпохи» [Котович В.Г., 1959, с. 132]. При этом следует обратить внимание еще на 2 момента: а) в Великенте впервые был обнаружен импортный сосуд алазано-беденской культуры Восточной Грузии [Котович В.Г., 1959, с. 132, табл. IV, 7]; б) появление обмазанной керамики в Дагестане на основе ее обнаружения в комплексе с керамикой энеолитического типа В.Г. Котович отнес ко времени «не в середине бронзового века, а значительно раньше» [Котович В.Г., 1959, с. 132-133].

В 1954 г. на центральном великентском холме разведочные раскопки целью установления характера и мощности культурного слоя поселения произвел Р.М. Мунчаев [1958, с. 51-52; 1961, с. 15, 22]. В 1974 г. Великент посетил О.М. Давудов, который дочистил остатки практически полностью разрушенной погребальной конструкции на северном холме [Давудов О.М., 1984, с. 2].

Новый этап в изучении великентских памятников бронзового века наступил в 1977 г., когда М.Г. Гаджиев начал на Великентском центральном поселении широкомасштабные исследования с вскрытием больших площадей [Гаджиев М.Г., Маммаев М.М., 1978, с. 112]. Работы на поселении были продолжены в 1979 г. Тогда же М.Г. Гаджиеву удалось спасти от полного ограбления местными жителями погребальное сооружение “круглой в плане грунтовой могилы диаметром около 6 м с коллективными захоронениями”, сильно разрушенное при добыче глины [Гаджиев М.Г., 1980а, с. 101; 1980б, с. 1-3]. Погребение

содержало поразительно большое количество инвентаря (сотни глиняных сосудов, более 1,5 тысяч бронзовых орудий труда, предметов вооружения и украшений и т.д.) [Гаджиев М.Г., 1983, с. 100; Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 7-27]. Стало ясно, что археологи имеют дело с ярким, неординарным памятником, который вносит много нового и неожиданного для уточнения культурно-исторической и хронологической интерпретации всего Великентского комплекса памятников эпохи бронзы.

К большому несчастью для археологической науки Дагестана, именно этот могильник с богатейшими захоронениями подвергся наибольшим разрушениям и ограблениям в течение многих лет в ходе разработки глиняного карьера. Сейчас трудно даже сказать, сколько же древних могил «погибло» здесь под ковшом экскаватора. От некогда большого холма, имевшего высоту около 5-6 м и протяженность не менее 250 м, к концу 70-х гг. остались разрозненные останцы в северной и юго-западной частях могильника (рис. 8). Огромное количество вещей из разрушенных захоронений разошлось по рукам местных жителей, многое было поломано и выкинуто. Незначительная часть находок осела в средней школе сел Великент, в музее Школы-интернат горянок в пос. Даг. Огни, а также в фондах Историко-этнографического музея ДГУ.

В 1982 г. автору этой работы, тогда младшему научному сотруднику Отдела археологии ИИЯЛ, будучи на сельхозработах в сел. Великент (уборка винограда), довелось в спешном порядке спасти от полного ограбления и разрушения выявленное в стенке карьера погребальное сооружение⁵. В ходе раскопок впервые удалось установить тип погребальных конструкций, характерный для Великентского могильника – катакомбу⁶. Нами была собрана информация о

⁵ В спасательных работах принимал активное участие также старший лаборант Отдела археологии ИИАЭ Багдудин Салихов, недавно трагически погибший. Всестороннюю помощь в организации спасательных работ на Великентском могильнике I оказали А.И. Османов (в те годы – зам. директора ИИЯЛ), М.Г. Гаджиев (зав. отделом археологии ИИЯЛ), а также А.И. Абакаров, Р. Джамалудинов и Д.М. Магомедов, руководившие в 1982 г. отрядом сотрудников ИИЯЛ на уборке винограда в сел. Великент.

⁶ Следует отметить, что открытие катакомбной погребальной конструкции в Великенте была интуитивно предсказано М.Г. Гаджиевым при получении от нас по телефону первого сообщения о разрушаемом могильном сооружении.

некоторых других варварски уничтоженных могилах; благодаря учителю истории местной школы Бахшаты Киласову, удалось собрать у школьников довольно значительное количество предметов из этих захоронений, в т.ч. относящихся к доисследованной нами катакомбе. Кроме того, часть находок была рассмотрена и зарисована нами в кабинете истории Великентской средней школы.

Первые планомерные шаги к спасению остатков Великентского могильника I были предприняты в 1983-1984 гг. археологической экспедицией ИИЯЛ. В течение двух полевых сезонов удалось получить богатейшие новые материалы для изучения погребального обряда эпохи бронзы местных племен [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1984, с. 3-4; Давудов О.М., 1984; Он же, 1985, с. 116-117; Магомедов Р.Г., 1985б; Он же, 1986б, с. 100; Он же, 1986в, с. 4-5]. Дальнейшее разрушение и ограбление могильника было приостановлено. С 1986 г. усилия дагестанских археологов-«бронзовиков» были уже направлены на спасение памятников эпохи средней бронзы, расположенных в зоне затопления Ирганайской ГЭС. Поэтому работы в Великенте были приостановлены.

Ко времени возобновления охранных работ на Великентском комплексе памятников бронзового века в 1994 г. Дагестанско-Американской археологической экспедицией, в Великенте был открыт второй по счету катакомбный могильник [Магомедов Р.Г., 1994, с. 3-4]. В 1994-1995, 1997-1999 гг. в рамках выполнения совместного Дагестано-Американского исследовательского проекта (руководители – проф. М.Г. Гаджиев и проф. Ф.Л. Кол) на основе “Меморандума о согласии”, заключенного между ДНЦ РАН и Колледжом Уэлсли (Массачусетс, США), а в 1997-1999 гг. и по программе «Интеграция фундаментальной науки и высшего образования» (проект №778 «Полевые археологические исследования в Прикаспийском Дагестане», руководитель – проф. М.Г. Гаджиев), в Великенте проведен колоссальный объем работы практически на всех памятниках:

Великентское поселение I. Расчищены старые раскопы М.Г. Гаджиева 1977 и 1979 гг. с целью взятия проб на радиоуглеродный анализ; продолжены раскопки многокамерного прямоугольного сооружения хозяйственного назначения, выявленного в восточной части памятника в 1979 г.; разбит небольшой раскоп в северной оконечности

холма с целью выявления стратиграфии этой части и возможного обнаружения фортификационных сооружений.

Великентское поселение II. Несомненной удачей экспедиции является проведение широкомасштабных раскопок на этом памятнике, выявивших, во-первых, неизвестные до этого культурные пласты очень раннего этапа куро-аракской культуры с неожиданно высоким уровнем развития (круглоплановые жилища из сырцового кирпича, применение обожженного кирпича, изготовление высококачественной красноангобированной керамики на гончарном круге); во-вторых, открытие впервые в Великенте раннесредневековых комплексов, перекрывающих куро-аракские слои.

Великентский могильник I. В 1997 г. экспедиция на северном останце холма, на котором располагался могильник, раскопала две катакомбы (№№ 11-12). Первая из них была сильно потревожена в наше время местными жителями, отличалась грандиозными размерами (наибольший диаметр камеры – около 7 м) и содержала огромное количество погребенных и сопутствующего инвентаря. Среди керамических сосудов попался один образец и алазано-беденской культуры. Недалеко от катакомбы №11 в том же 1997 г. расчищена сильноразрушенная в древности катакомба (№12) небольших размеров, содержавшая исключительно детские и подростковые захоронения, что в Великенте наблюдается впервые. Инвентарь катакомбы состоит из нескольких сотен глиняных сосудов, большого количества украшений из бронзы, пасты и других материалов. Катакомбы №№ 11 и 12 по характеру инвентаря близки к катакомбам №№ 1, 3 и относятся к поздней группе великентских катакомб.

В 1994-1995 гг. экспедиция открыла на Великентском могильнике II сильнопотревоженную еще в древности катакомбу (№1), содержавшую много костяков, инвентаря (особо следует отметить бронзовый топор майкопского типа и золотую серьгу в 1,5 оборота). Катакомба относится к ранней группе великентских погребений.

На Великентском могильнике III в 1994 г. экспедиция расчистила небольшую катакомбу (№1), частично разрушенную до этого экскаватором. В ней обнаружено сравнительно небольшое количество перемешанных костяков, но инвентарь очень разнообразен и многочислен и в основном состоит из керамики. Среди сосудов отличается ваза на

полой подставке – «погремушке». Данная катакомба по инвентарю близка катакомбе №8 Великентского могильника I и датируется временем ранних катакомбных захоронений.

Характеризуя в общем работу Дагестано-Американской экспедиции, в которой участвовали самые разные специалисты (археологи, палеоантрополог, палеозоологи, палеогеоморфолог, архитектор, топограф и т.д.) из России, США, Великобритании, Испании, Грузии, следует отметить комплексный ее характер: наряду с традиционно археологическими аспектами работы уделяется внимание палеогеоморфологическому описанию местности, палинологическим, палеоботаническим и палеозоологическим методам; получена целая серия (более 20) радиоуглеродных дат, охватывающих все памятники Великента, заложено начало обработки естественнонаучными методами керамики и металла, а также обсидиановых орудий. Экспедиция провела широкие разведки в Южном Дагестане (Ахтынский, Магарамкентский и Сулейманстальский районы), выявлено около десятка новых поселений куро-аракской культуры, среди которых особо можно отметить Бугда-тепе, Ханжал-кала и Новый Гапцах I. В 1997-1998 гг. проведены разведочные раскопки поселения куро-аракской культуры Кабаз-кутан (Фил-тепе) в 7 км к западу от Великента. Памятник отличается очень оригинальной топографией, мощным культурным слоем (более 5 м), насыщенным разнообразным инвентарем, очень близким материалу Великентского поселения II.

Плодотворная работа Дагестано-Американской экспедиции получила большой резонанс у научной общественности страны и мира. Сотрудники экспедиции издали две статьи в научных журналах Великобритании [Gadjiev M. et al., 1995, p. 139-147] и Германии [Gadzhiev M. et al., 1997, p. 181-222], выступили с докладами на XIX-XX «Крупновских чтениях» в Москве (1996 г.) [Гаджиев М.Г. и др., 1996а, с. 51-52; Они же, 1996б, с. 49-50], Железноводске (1998 г.) [Гаджиев М.Г. и др., 1998а, с. 28-30], международных научных конференциях «Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы» в г. Тбилиси (1997 г.) [Гаджиев М.Г. и др., 1997, с. 62-66; Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.Г., 1997, с. 92-94], «Археологическая конференция Кавказа» в г. Тбилиси (1998 г.) [Гаджиев М.Г. и др., 1998в, с. 68-70; Гаджиев М.Г. и др., 1998г, с. 70-72], «Кавказ и степной мир в древности и средние века» в

Махачкале (1999 г.) [Гаджиев М.Г. и др., 1999а, с. 27-28], «Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей» в Челябинске (1999 г.) [Кол Ф.Л. и др., 1999, с. 88], «Late Exploitation of the Eurasian Steppe» в Кембридже (2000 г.) [Kohl Ph.L. et al., 2000, p. 141-148], Всероссийской конференции «Интеграция фундаментальной науки и высшего образования: (Состояние и перспективы)» в Самаре (1998 г.) [Гаджиев М.Г. и др., 1998б]. Информация о работе Дагестано-Американской экспедиции нашла отражение в ежегодниках «Археологические открытия» Института археологии РАН (г. Москва) [Гаджиев М.Г. и др., 1995, с. 158-159; Гаджиев М.Г. и др., 1999б, с. 163-164], широко освещалась в средствах массовой информации Дагестана, России и США.

Многолетние широкомасштабные исследования по изучению Великентского комплекса памятников эпохи ранней и средней бронзы предполагают большую кропотливую работу по обработке полученных материалов и их публикации. Необходимым этапом такой работы являются также сбор информации по ранее разрушенным и ограбленным погребальным комплексам Великентского могильника I, ее систематизация и быстрее введение в научный оборот.

Катакомба №3⁷

В августе 1982 г. экскаваторщик, выбирая ковшом глину у северо-восточного края холма, на котором некогда располагался могильник I (недалеко от колхозного гаража), в вертикальном срезе обрыва наткнулся на древнюю могилу. О ней свидетельствовали посыпавшиеся вниз человеческие кости, глиняные сосуды, другие находки. Работа механизма была прекращена. Потом в течение нескольких дней местные школьники вели здесь «самостоятельные раскопки», основательно разрушив при этом большую часть погребения. Обнаруженные человеческие кости были выкинуты, а глиняные сосуды и другие приметные вещи из бронзы и камня ребята присвоили.

⁷ При описании данной катакомбы и инвентаря из нее использован текст нашей плановой работы за 1983 г. [см.: Магомедов Р.Г., 1983].

В сентябре месяце того же года, когда мы обнаружили свежевскрытую могилу, то на фоне материковой глины желтого цвета на высоте около 3 м от поверхности дороги четко выделялось полусферическое пятно заполнения могилы. В разрезе были видны беспорядочно лежавшие человеческие кости, обломки керамики, попадались мелкие пастовые бусинки и другие украшения.

В целях спасения памятника мы решили доисследовать его, оставив центральную часть погребения незатронутой (мог обрушиться свод) (рис. 9). Расчистка проводилась вдоль северной стенки могилы. Здесь был зафиксирован сплошной завал (высота — 0,40 м, ширина 0,90 м) человеческих костей вместе с инвентарем. Кости скелетов лежали в хаотическом беспорядке без всякой анатомической связи между собой. В нижней части завала, лежавшей непосредственно на полу погребения, костный материал превратился в спрессованную труху. Описав вместе с северо-восточной стеной погребального сооружения плавный полукруг, завал костей в западной части, там, где стенка начала заворачиваться на юго-запад, сошел на нет, а достигнув большого (0,25х0,45х0,30 м) камня конусовидной формы, лежавшего на полу совсем закончился. Всего в этом завале было зафиксировано примерно 16 человеческих черепов, 15 глиняных сосудов, 1 каменный топор 3 напершия булавы, много бусин и других украшений.

Учитывая то обстоятельство, что стенка сооружения не отвесная, а сводчатая, и на потолке отсутствовали признаки входного отверстия, было предположено, что перед нами в данном случае погребальная камера катакомбы, входной колодец которой и лаз из него в камеру еще предстояло найти. Для их поисков на дневной поверхности холма, примыкающей с запада и юго-запада к исследуемой могиле, были заложены маленькие раскопы (2х2 м). В западном раскопе сразу после снятия верхнего слоя толщиной 0,10-0,15 м пошел материковый грунт желтоватого цвета, однородный и по цвету и по консистенции. В юго-западном раскопе же после углубления стало встречаться множество мелких обломков керамики. Хотя земля здесь по цвету мало отличалась от материковой глины, но ее рыхлая структура, а также насыщенность мелкими фрагментами глиняных сосудов, обломками костей говорили о том, что мы имеем дело с входной ямой катакомбы. Вскоре на глубине примерно 0,25-0,30 м от поверхности был выявлен

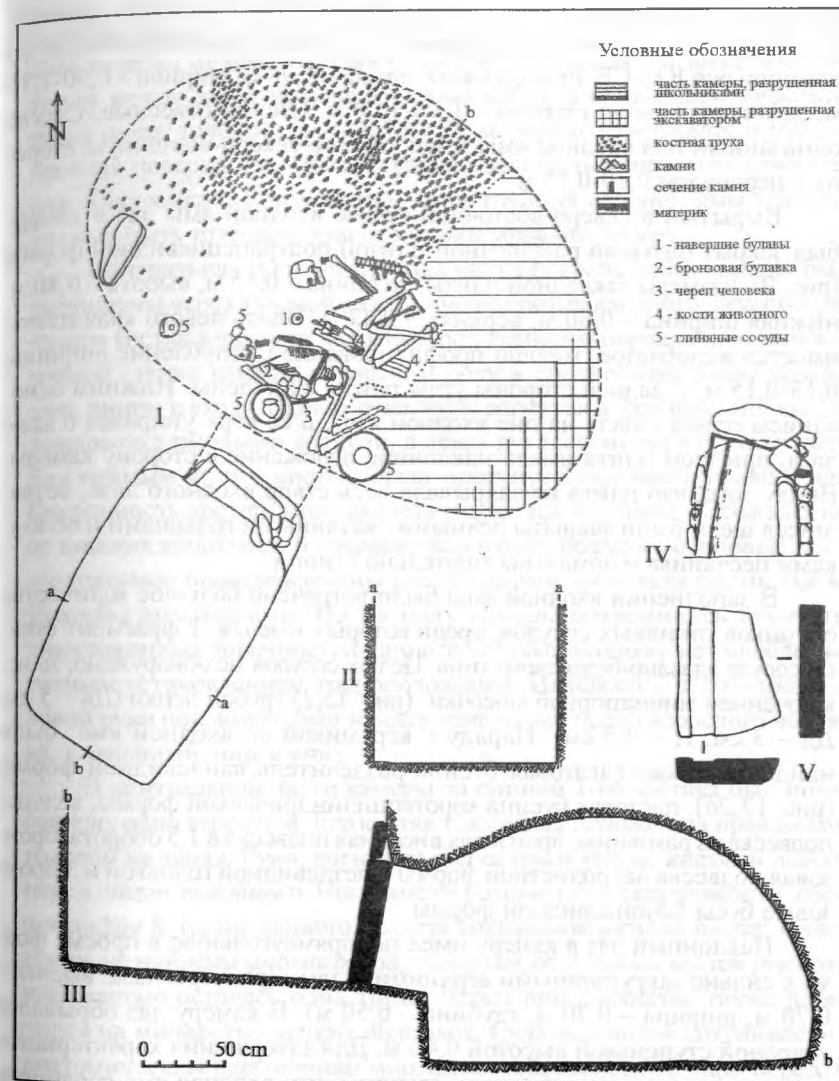

Рис. 9. Великентский могильник I. Катакомба №3. Общий план (I), разрезы входной ямы и погребальной камеры (II-III), заклад входного лаза (IV) и основная плита заклада (V)

верхний контур входной ямы. Последняя имела подпрямоугольную в плане форму с заметно закругленными углами, ориентированную по длинной оси ЮЗ-СВ. Размеры ямы: длина – 1,90 м, ширина – 0,90-1,10 м, зафиксированная глубина – 0,90-1,00 м. Стенки отвесные. Слегка обмазанный пол входной ямы имел уклон в северо-восточную сторону с перепадом 0,10-0,15 м.

Вырытый в северо-восточной стенке входной ямы лаз в камеру был закрыт большой ракушечной плитой подтрапещевидной формы (рис. 9). Размеры закладной плиты: толщина – 0,15 м, высота – 0,80 м, нижняя ширина – 0,60 м, верхняя – 0,42 м. Вдоль левого края плиты имеется желобчатое, хорошо профилированное, углубление шириной 0,13-0,15 м. С задней стороны углы плиты скруглены. Нижним основанием плита стояла на дне входной ямы, а ее верх упирался о край лаза, при этом плита имела наклонное положение в сторону камеры. Ввиду того, что плита не закрывала весь створ входного лаза, оставшиеся щели были закрыты речными окатанными глыбами и обломками песчаника и обмазаны тщательно глиной.

В заполнении входной ямы было встречено большое количество обломков глиняных сосудов, среди которых имелся 1 фрагмент стенки сосуда алазано-беденского типа. Целых сосудов не обнаружено, за исключением миниатюрной мисочки (рис. 13,1) грубой лепки (Дв – 5 см, Дд – 3 см, Н – 2,5 см). Наряду с керамикой во входной яме были найдены также гагатова бусина-разделитель каплевидной формы (рис. 17,26), пастовая бусина короткоцилиндрической формы, кольцо подвеска из раковины, бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота, бронзовая подвеска лавролистной формы с петлевидной головкой и 3 бронзовые бусы бочонковидной формы.

Наклонный лаз в камеру имел подпрямоугольную в просеке форму с сильно закругленными верхними углами (размеры лаза: высота – 0,70 м, ширина – 0,70 м, глубина – 0,50 м). В камеру лаз обрывался отвесной ступенькой высотой 0,40 м. Для завершения характеристики погребальной конструкции, заметим, что входная яма соединена «Т»-образно с камерой подэллипсоидной (яйцевидной формы), ориентированной длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Размеры камеры: максимальная ширина – 2,25 м, максимальная длина – 3,40 м (с учетом разрушенной части). Стенки камеры, прямые до высоты 0,30-0,40

м, образовывали сводчатый потолок. В центральной части камеры высота потолка от пола составила 1,45 м. Учитывая тот факт, что слой земли между дневной поверхностью холма и наивысшей точкой потолка имеет толщину всего 0,25-0,30 м, можно утверждать о том, что древняя поверхность холма должна была быть выше, чем современная поверхность. Естественно, что и глубина входной ямы при этом должна быть глубокой, чем это зафиксировано теперь.

Центральная и юго-восточная части погребальной камеры были расчищены через входной лаз. Прямо напротив входного лаза был расчищен костяк взрослого человека, положенного параллельно юго-восточной стенке камеры на правом боку в среднескорченном положении, лицом к входу. Правая рука, чуть согнутая в сочленении, кистью лежала над тазовыми костями, а левая рука, согнутая в суставе почти под прямым углом, кистью была просунута под кисть правой руки. Сохранность костей этого скелета оказалась хорошей. К сожалению, от нижних конечностей сохранились только большие берцовые кости – остальные были извлечены школьниками до начала расчистки как-токомбы археологами. Но на полу камеры сохранились отпечатки уничтоженных конечностей данного костяка, поэтому нет проблемы с точным установлением трупоположения. Интересно, что над кистью левой руки покойника был найден отдельный череп взрослого человека, уложенный лицом вниз.

В центральной части камеры за спиной 1-го костяка был погребен еще один взрослый. Его костяк также был положен на правом боку головой на запад. Руки, согнутые под острым углом, кистями лежали перед лицом покойного. Ноги имели разные углы скорченности, образуя цифру 8. Кости данного скелета сохранились очень плохо; в частности, не найдены многие ребра, позвонки, от лучевых костей рук большей частью осталась одна труха. Череп при расчистке также развалился на множество мелких обломков. Судя по плохой сохранности и анатомическим нарушениям многих костей, скелет №2 явно передвинут от первоначального его положения в камере. По всей видимости, это произошло в то время, когда многие анатомические связки костей все еще остались в целости. Отметим также, что при расчистке костей рук, позвонков и ребер данного костяка были найдены детские молочные зубы.

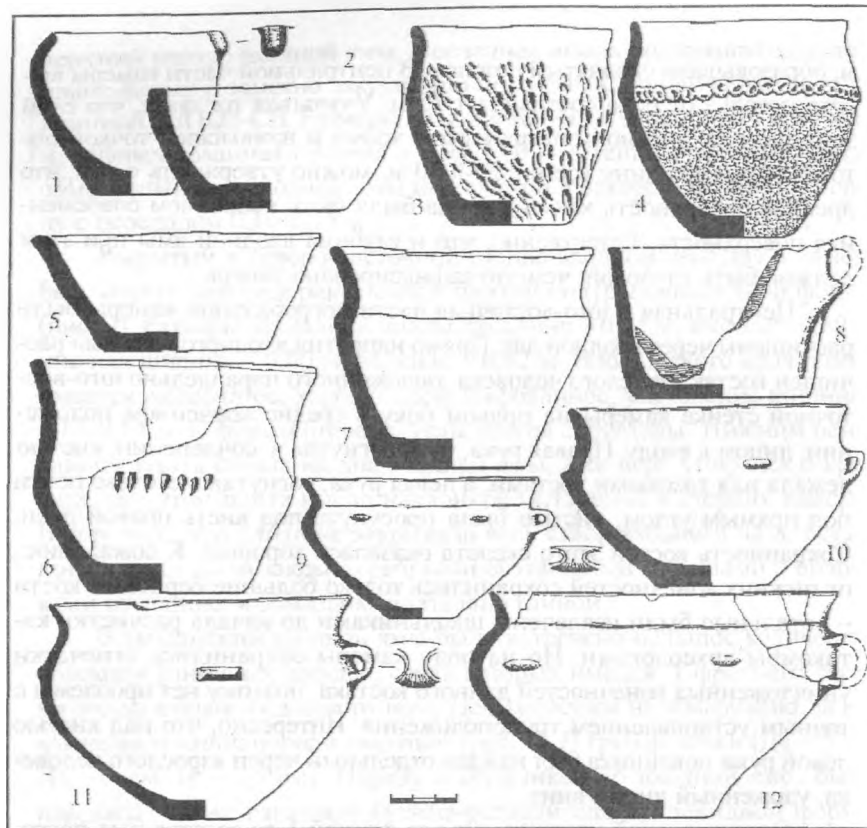

Рис. 10. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика

Непосредственно за спиной скелета №1 и между коленями и кистями рук второго скелета на полу была обнаружена компактно уложенная груда костей (конечности) КРС.

Покойники лежали на коричневатом тлене, оставшемся от какой-то подстилки, покрывавшей все дно погребальной камеры. Подстилка густо была посыпана мелом, угольками, иногда встречались мелкие кусочки красной охры.

В катакомбе найдено большое количество инвентаря. В первую очередь, опишем вещи, которые можно отнести к сохранившимся костякам.

Над ребрами правого бока первого костяка найдена бронзовая прямостержневая булавка (рис. 16,9). Она лежала верхним концом у эпифиза берцовой кости правой руки. В расплющенной части стержня немного выше его середины пробито маленькое отверстие. Верхний конец булавки тупой, а нижний – заострен. Длина булавки – 19 см. Рядом с булавкой найдены две полусферические бусы из гагата, лежавшие друг к другу плоскими основаниями. Тут же вместе обнаружены две бронзовые спиральные пружины (рис. 16,7), одна сделанная из плоской ленты, другая – из проволоки круглого сечения. Около черепа погребенного найдены 2 бронзовые массивные височные подвески в 1,5 оборота (рис. 16,18,20), а при расчистке тазовых костей – небольшая бусина цилиндрической формы из белой пасты. Над сгибом правой руки лежала большая серолощенная миска с округлыми боками и раструбно расширяющейся горловиной (рис. 12,9). К тулову сосуда прикреплена одна ленточная ручка. На уровне ручки на выпуклой части корпуса сосуда имеются 3 группы тройных наlepных шишечек. Размеры миски: Дв – 30 см, Дд – 8,5 см, Н – 19 см. Внутри этой миски находился другой серолощенный сосуд с вытянутым туловом и маленьким дном (рис. 12,4). Он также имел раструбную короткую горловину. На выпуклой части тулова – 2 сосцевидных и 2 горизонтальных наleп, расположенные по сторонам сосуда. Размеры сосуда: Дв – 14 см, Дд – 4,5 см, Н – 12,5 см. За затылком погребенного в лежачем положении найден миниатюрный сосудик серого цвета с уступчатой высокой шейкой и плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 13,5). Поверхность заглажена. Размеры сосуда: Дв – 6,5 см, Дд – 3,5 см, Н – 8,5 см. Недалеко от сосуда на полу обнаружен миниатюрный наконечник стрелы (длина – 2,6 см) из кремневой пластины (рис. 15,7); он имеет подтреугольную форму, нижнее основание, где имеется ударный бугорок, остался не обработанным, а боковые края обработаны односторонней ретушью. Напротив лицевой части скелета лежала большая пощенная чаша с округлыми боками и раструбно расширяющимся устьем (рис. 12,8). На выпуклой части тулова – 4 наlepные горизонтальные наleпы, а на них – косые семечковидные вмятины. Размеры сосуда: Дв – 26 см, Дд – 7 см, Н – 16 см. Внутри этой чаши находилась другая чаша меньших размеров (Дв – 11,5 см, Дд – 4 см, Н – 8 см) с биконическим туловом и резко

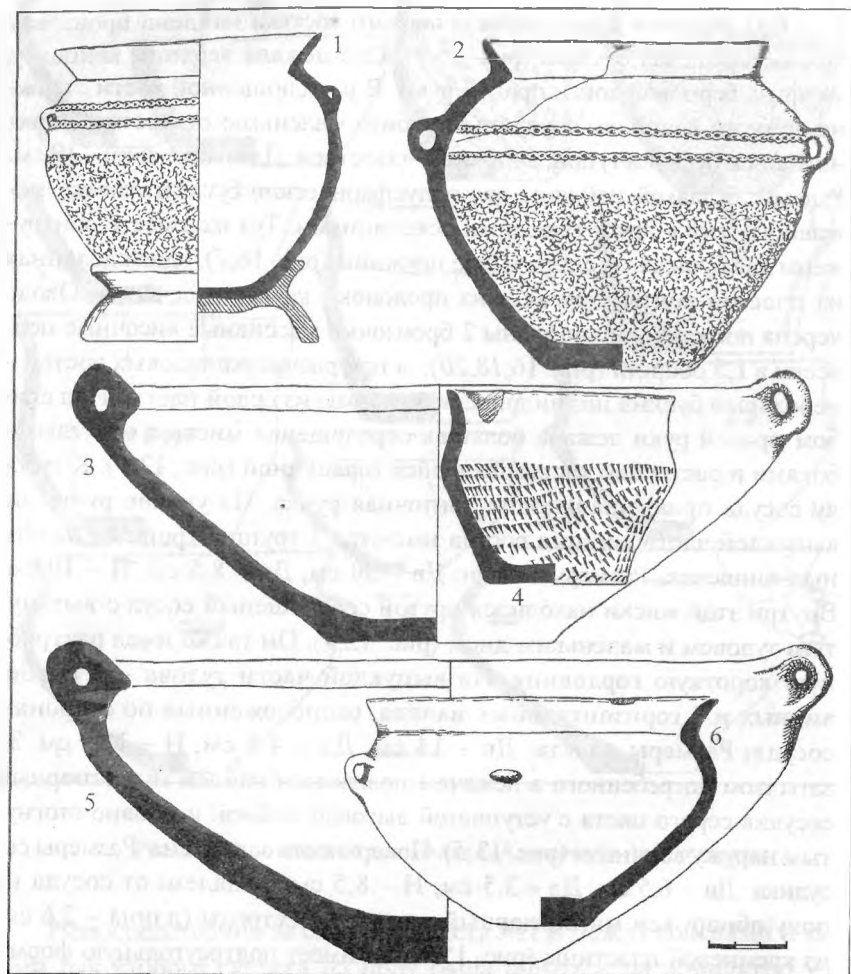

Рис. 11. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика

отогнутым невысоким венчиком (рис. 14,6). На наибольшем расширении тулова сосуда имеется одна ленточная ручка, основания которой горизонтально удлинены. На уровне ручки находятся 3 горизонтальные наклепные шишечки, расположенные по сторонам сосуда. Рядом с этими сосудами к югу от них найдены: каменный топор

(мрамор) кабардино-пятигорского типа (рис. 15,11) с круглой проушиной и резной орнаментацией (общая высота топора – 10,2 см); навершие булавы из мергеля очень плохой сохранности (рис. 15,5); тут же у стенки камеры в вертикальном положении обнаружена 1/2 часть бронзового шила (рис. 15,2) длиной – 7 см. В 0,30 м к западу от черепа первого покойника на полу верх дном обнаружена миниатюрная лощеная кружка с биконическим туловом и немного отогнутым венчиком (рис. 13,7). Сосуд имеет ленточную ручку, прикрепленную к закраине сосуда. Напротив ручки – округлая вмятина, нанесенная под приподнятой частью ребристого уступа. Размеры сосуда: Дв – 9,5 см, Дд – 3,5 см, Н – 8,3 см.

В разрушенной школьниками части камеры у самой стенки у правого борта входного лаза в земле заполнения сохранился ясный отпечаток от большой глиняной миски, лежавшей верх дном непосредственно у ног первого костяка. Судя по этому отпечатку, сосуд имел округлые бока и резко отогнутый венчик (размеры сосуда: Дв – 30 см, Дд – 8,5 см).

Завершая описание инвентаря, которого можно отнести уверенно к первому из расчищенных костяков, остается добавить, что среди его ребер найден 1 астрагал МРС.

Находки, связанные со вторым костяком, в основном представляют собою мелкие украшения. Около щиколоток ног найдено большое количество бисера (рис. 17,1), удлиненно-трубчатых бус из белой пасты (рис. 17,4-14), сердоликовых бус плоской подтреугольной формы. Видимо, щиколотки ног покойного были обвязаны ожерельями из мелких бус и бисера. Напротив лицевой части костяка обнаружено навершие булавы из мрамора хорошей сохранности (рис. 15,8). Кроме того, около костей КРС, о которых шла выше речь, найдены несколько бронзовых бусин дисковидной и бочонковидной форм (рис. 17,16-17) и 1 астрагал МРС.

В неразрушенной части завала костей, шедшего широкой лентой вдоль северной стенки камеры, были сделаны следующие находки (описываются в порядке их обнаружения в ходе зачистки завала):

1. Миниатюрная миска с уступчатой шейкой (рис. 14,1). Поверхность серого цвета, заглаженная. На месте перехода тулова к шейке – невысокий валик с вертикально нанесенными ногтевыми насечками. Внутри сосуда найдена кость животного (сопоставление ноги КРС).

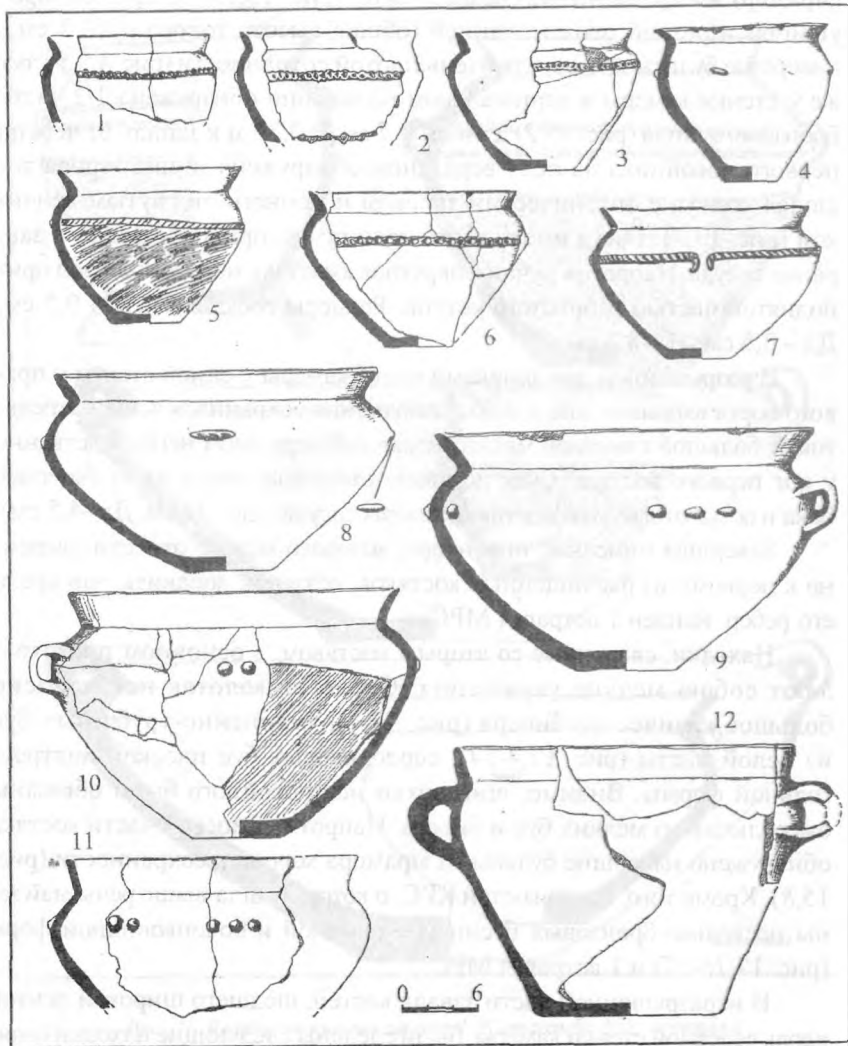

Рис. 12. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика

Размеры сосуда: Дв – 13 см, Дд – 5,6 см, Н – 8,5 см. Сосуд лежал непосредственно под завалом костей верх дном.

2. Миниатюрная лощеная кружка биконической формы с одной ленточной ручкой с опущенными “усиками” у закраины (рис. 13,4). Шейка уступчато отделена от тулова. Цвет поверхности – серый. Размеры сосуда: Дв – 6,5 см, Дд – 2,5 см, Н – 6,8 см. Сосуд найден на дне могилы у стенки.

3. Миниатюрная миска с округлыми боками и серозаглаженной поверхностью (рис. 13,2). Размеры: Дв – 10,3 см, Дд – 3,0 см, Н – 5 см. Лежала устьем вверх среди костей.

4. Миниатюрная миска-плоска с округлыми боками и невысоким отогнутым венчиком (рис. 14,4). К выпуклой части тулова прикреплена ручка, основания которой удлинены в виде горизонтальных “усиков”. Размеры: Дв – 13 см, Дд – 5,5 см, Н – 8 см. Миска обнаружена верх дном около вышеописанного сосуда.

5. Миниатюрная миска-плоска с округлыми боками с серой поверхностью (рис. 13,3). Размеры: Дв – 10,3 см, Дд – 4 см, Н – 6,3 см. Найдена верх устьем в середине завала костей.

6. Миниатюрный сосудик с биконическим туловом (рис. 13,12). На плечиках ближе к закраине имеются два выступа в виде ручек с 2 вертикальными отверстиями в каждом. Поверхность сосудика серого цвета, лощеная. Дно – вдавленное внутрь. Размеры: Дв – 6,5 см, Дд – 3 см, 3 см, Н – 7 см. Сосуд найден около предыдущей миски.

7. Миниатюрный сосудик в виде горшочка с туловом опрокинутого усеченного конуса и резко отогнутым венчиком (рис. 13,9). На наибольшем расширении тулова – рельефный валик, рассеченный мелкими округлыми вдавлениями. С двух сторон сосуда на валике имеются горизонтально-удлиненные выступы округлой формы со сквозными отверстиями. Нижняя часть тулова обмазана жидкой глиной, а верхняя вместе с закраиной – заложена. Размеры: Дв – 8 см, Дд – 2,5 см, Н – 10,2 см. Сосуд обнаружен в середине завала костей.

8. Миниатюрный горшочек с лощеной коричневой поверхностью, с биконическим туловом и невысоким отогнутым наружу венчиком (рис. 13,6). На ребре тулова имеется рельефный валик с округлыми вдавлениями, концы которого опущены вниз в виде крючков. На месте перехода плечиков сосуда в шейку просверлены рядом два

отверстия. Размеры сосуда: Дв – 9 см, Дд – 2,5 см, Н – 8 см. Горшочек расчищен недалеко от предыдущего сосуда.

9. Лощеный сосуд с серой поверхностью, с округлыми боками и резко отогнутым невысоким венчиком (рис. 12, 7). На плечиках – рельефный налепной валик с косыми (влево) семечковидными насечками. Концы валика опущены вниз в виде крючков. У основания закраины – 2 сквозных отверстия (рядом). Размеры: Дв – 16,5 см, Дд – 4,5 см, Н – 12,5 см. Внутри сосуда найдено несколько костей животного (МРС). Сосуд найден в середине завала костей рядом с предыдущими двумя сосудами.

10. Сосуд крупных размеров типа глубокой чаши (Дв – 27 см, Дд – 15 см, Н – 21,5 см) с серой лощеной поверхностью и выделенным отогнутым венчиком (рис. 12, 12). Сосуд снабжен двумя массивными ленточными ручками, основания которых вытянуты в виде “усиков”. Сосуд не сохранился полностью, форма и размеры реконструированы. Найден на дне камеры под предыдущими тремя сосудами.

11. Миниатюрный горшочек с яйцевидным туловом, резко отогнутым венчиком и серолощенной поверхностью (рис. 13, 10). На плечиках – рельефный валик с круглыми вдавлениями, от которого к закраине идут 3 вертикальные рельефные валики. Размеры сосуда: Дв – 9 см, Дд – 3 см, Н – 8,8 см. Лежал в центральной части завала среди костей верх дном.

12. Аналогичный сосудик, только более приземистой формы и без вертикальных валиков-отростков (рис. 13, 8), найден верх дном в 0,15 м восточнее от предыдущего сосуда. Размеры: Дв – 9 см, Дд – 2,5 см, Н – 7,2 см.

13. Миниатюрный горшочек с выпуклыми боками, плавно отогнутым утолщенным венчиком и серой заглаженной поверхностью (рис. 14, 5). На расширении тулова нанесены 4 параллельные горизонтальные линии, прерванные в 4 местах двойными вертикальными валиками. Размеры: Дв – 10 см, Дд – 7 см, Н – 8,8 см. Найден севернее камня у самой стенки под завалом верх устьем.

14. Миниатюрный горшок с яйцевидным туловом и коротким резко отогнутым венчиком (рис. 14, 10). На плечиках имеются 2 параллельных рельефных валика, прерванные в двух местах ленточными полусферическими ручками. Верхний валик рассечен округлыми вдавлениями, а на нижнем нанесены ногтевые нарезки. Верхняя часть

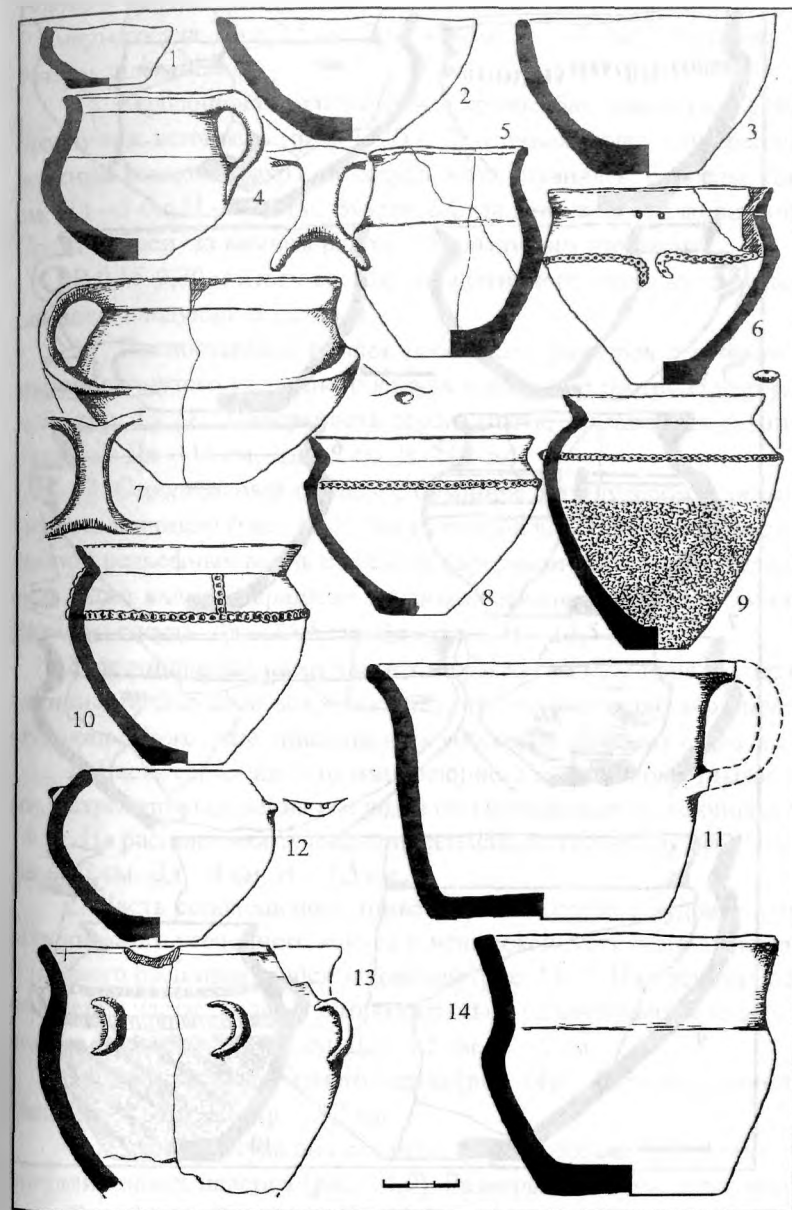

Рис. 13. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика

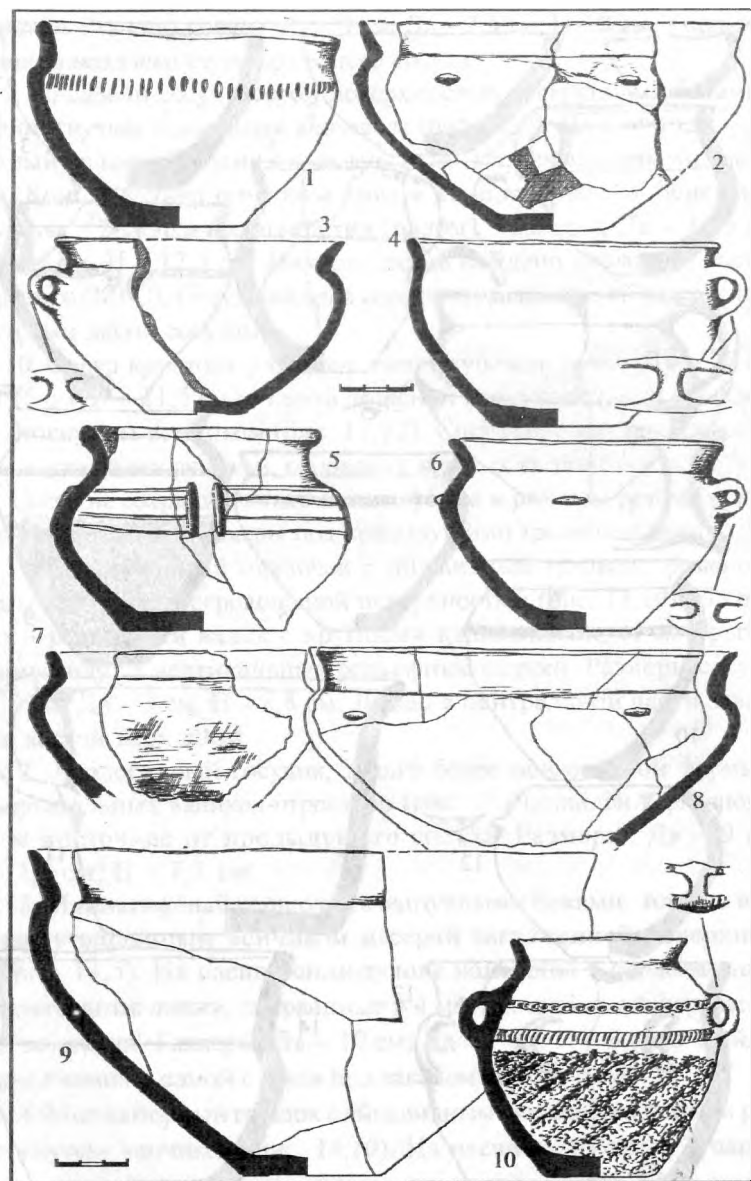

Рис. 14. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика

тулова и венчик имеют лощение, а нижняя обмазана жидкой глиной. Размеры сосуда: Дв – 7,5 см, Дд – 4,5 см, Н – 10 см. Сосуд лежал верх устьем за камнем.

15. Серолощенная толстостенная кружка баночного типа с плавно отогнутым венчиком (рис. 13,11). Ленточная ручка, прикрепленная верхним концом к закраине сосуда, не сохранилась. Размеры: Дв – 14 см, Дд – 9 см, Н – 10,3 см. Внутри сосуда лежали кости животного (?). Сосуд найден за камнем рядом с предыдущим горшком.

В 0,15-0,20 м к юго-востоку от массивного камня на полу камеры найдены следующие 2 сосуда:

16. Толстостенный горшок небольших размеров с туловом формы опрокинутого усеченного конуса и широкой раструбной горловиной (рис. 13,14). Поверхность серого цвета, заглажена и закопчена. Размеры: Дв – 12 см, Дд – 7 см, Н – 10 см.

17. Серолощенный горшок с биконическим туловом и резко отогнутым венчиком (рис. 12,5). На выпуклой части тулова проходит напечной рельефный валик с косыми нарезными насечками. Тулово сосуда ниже валика украшено врезными косонанесенными линиями. Размеры сосуда: Дв – 14,5 см, Дд – 5 см, Н – 12,5 см.

В расширенной нами части камеры катакомбы наряду с целыми глиняными сосудами встречалось большое количество керамических обломков. Ниже даем описание всех восстанавливаемых форм сосудов.

1. Часть серолощенного миниатюрного сосуда с округлыми боками, уступчато выделенным и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 14,3). На расширении тулова прикреплена ленточная ручка. Размеры: Дв – 12 см, Дд – 4 см, Н – 7,5 см.

2. Часть серолощенного тонкостенного сосуда с туловом формы опрокинутого усеченного конуса и невысокой, уступчато выделенной и немного расширяющейся закраиной (рис. 14,2). На плечиках сохранившейся части тулова – 2 горизонтально удлиненные напечные шишечки. Размеры: Дв – 16 см, Дд – 4,5 см, Н – 9 см.

3. 1/2 часть аналогичного сосуда (рис. 14,8). Размеры реконструкции: Дв – 18 см, Нсохр. – 8,5 см.

4. 1/3 часть сосуда аналогичной формы, только без горизонтально-удлиненных напечей (рис. 14,9). Размеры восстанавливаемого сосуда: Дв – 24 см, Дд – 6 см, Н – 13,7 см.

5. Часть серолощенного сосуда с биконическим туловом и уступчато выделенной, расширяющейся закраиной (рис. 12,3). На выпуклой части тулова – налипной валик, рассеченный округлыми вдавлениями. Восстанавливаемые размеры сосуда: Дв – 14 см, Дд – 6 см, Н – 11,5 см.

6. 1/2 часть аналогичного сосуда (рис. 12,6). Вдавления на валике более крупные. Размеры восстанавливаемого сосуда: Дв – 17 см, Дд – 5 см, Н – 12,7 см.

7. 1/3 часть аналогичного сосуда (рис. 12,1). Размеры: Дв – 13 см, Нсохр. – 7 см.

8. 1/2 часть сосуда аналогичной формы (рис. 12,2). Поверхность заглаженная розоватого цвета. Вдавления на валике косой неправильной формы. Восстанавливаемые размеры сосуда: Дв – 14 см, Нсохр. – 9 см.

9. Обломок большого серолощенного горшка с выпуклыми округлыми боками и высоким расширяющимся устьем (рис. 12,11). На плечиках сосуда имеются группы сосцевидных наливов (в каждой группе – по 3). Размеры восстанавливаемого сосуда: Дв – 23 см, Нсохр. – 12,5 см.

10. Обломок миниатюрного сосуда с биконическим туловом и прямым невысоким венчиком (рис. 14,7). Поверхность отслоилась до шероховатости. Восстанавливаемые размеры сосуда: Дв – 11 см, Нсохр. – 6,5 см.

11. 1/2 часть небольшого сосуда с яйцевидным туловом и плавно отогнутой закраиной (рис. 13,13). Поверхность серого цвета, заглаженная. На плечиках сосуда имеются налипные дуги. Восстанавливаемые размеры сосуда: Дв – 12 см, Нсохр. – 9,8 см.

Кроме того, в катакомбе найдено большое количество мелких фрагментов керамики, не склеиваемых при лабораторной обработке материала.

Как отмечалось выше, от школьников нами получена довольно большая и разнообразная коллекция глиняной посуды. Происхождение этих сосудов из катакомбы №3 особого сомнения не вызывает, т.к. почти все типы этих сосудов представлены и в раскопанной нами части катакомбы. В ходе обработки материала неоднократно наблюдались случаи, когда мелкие фрагменты керамики из входного колодца и погребальной камеры катакомбы оказывались утерянными частями сосудов, переданных нам школьниками.

Приводим описание этих сосудов.

1. Миниатюрная толстостенная миска с слегка округлыми боками (рис. 10,2). Поверхность серого цвета, снаружи и изнутри аккуратно заглажена. Размеры сосуда: Дв – 11 см, Дд – 6,5 см, Н – 5,5 см.

2. Миниатюрная толстостенная миска в виде перевернутого усеченного конуса (рис. 10,5). Венчик имеет снаружи утолщение. Поверхность сосуда коричневого цвета, имеются следы закопченности. Размеры миски: Дв – 12,5 см, Дд – 7,5 см, Н – 5 см.

3. Миниатюрная кружка баночного типа с слегка отложистыми стенками и заглаженной поверхностью серовато-коричневого цвета (рис. 10,8). К закраине была прикреплена ленточная ручка, от которой сохранилось нижнее основание с длинными, вертикально направленными “усиками”. Часть стенок сосуда также отсутствует. Размеры кружки: Дв – 9,7 см, Дд – 7,5 см, Н – 6,5 см.

4. Миниатюрный горшочек яйцевидной формы с косо срезанным и наклоненным внутрь венчиком и серой лощеной поверхностью (рис. 10,1). У закраины имеется ложная ручка – в виде выступа вертикально-удлиненной формы. Размеры: Дв – 7,5 см, Дд – 3,5 см, Н – 7,5 см.

5. Миниатюрный сосуд баночного типа с слегка выпуклыми боками, плавно отогнутой закраиной и заглаженной поверхностью коричневого цвета (рис. 10,3). На всей поверхности тулова сосуда нанесен орнамент в виде прямо- и косовертикальных рядов двусторонних защипов. Размеры сосуда: Дв – 9 см, Дд – 5,5 см, Н – 9 см.

6. Миниатюрный биконический сосуд баночного типа с слегка отогнутой закраиной и заглаженной поверхностью серого цвета (рис. 11,4). Тулово ниже ребра орнаментировано клиновидными штампованными вдавлениями, сгруппированными в вертикальные и горизонтальные ряды. Размеры сосуда: Дв – 8,8 см, Дд – 5,5 см, Н – 7,7 см.

7. Сосуд баночного типа с туловом в виде перевернутого усеченного конуса и уступчато выделенной расширяющейся кверху горловиной (рис. 10,7). Верхняя часть сосуда отличается толстостенностью. Цвет поверхности снаружи – серый с черными пятнами, изнутри – черный, закопченный. Сосуд снаружи тщательно заглажен. Размеры сосуда: Дв – 11,7 см, Дд – 6,7 см, Н – 8 см.

8. Сосуд баночного типа с биконическим туловом, плавно расширяющейся горловиной и заглаженной, сильно закопченной (снаружи и изнутри) поверхностью (рис. 10,6). С одной стороны сосуда на уровне ребра имеется горизонтальный ряд из 7 клиновидных вдавлений. Размеры сосуда: Дв – 12,5 см, Дд – 7 см, Н – 10 см.

9. Миниатюрный сосуд баночнообразного типа с округлыми боками, невысоким прямым венчиком и заглаженной серовато-коричневой поверхностью (рис. 10,4). На расширении тулова – грубо наклепанный рельефный валик с вдавлениями неправильной формы. Ниже валика тулово сосуда обмазано жидкой глиной. Размеры: Дв – 9,5 см, Дд – 4,5 см, Н – 9,5 см.

10. Большая толстостенная миска с округленными боками, косо срезанным внутрь венчиком и лощеной серой поверхностью (рис. 11,5). К закраине сосуда прикреплены две ручки. Размеры: Дв – 27,5 см, Дд – 7 см, Н – 12 см.

11. Аналогичная миска с отбитой частью стенки (рис. 11,3). Размеры: Дв – 26 см, Дд – 9 см, Н – 10,5 см.

12. Миниатюрный сосудик в виде горшочка с туловом формы перевернутого усеченного конуса, отогнутым наружу венчиком и залощеной поверхностью черного цвета (рис. 10,9). На плечиках имеется одна маленькая ручка ленточной формы с удлиненными основаниями. На уровне ручки – 4 горизонтальные наклепанные шишечки. Изнутри сосуд имеет следы кругового заглаживания. Размеры сосуда: Дв – 10,5 см, Дд – 2,7 см, Н – 6 см.

13. Миниатюрный сосуд в виде горшочка с биконическим туловом, короткой расширяющейся шейкой и серой лощеной поверхностью (рис. 10,10). На плечиках сосуда – ленточная ручка и 3 горизонтально удлиненные налепы. Размеры: Дв – 12 см, Дд – 5 см, Н – 7,8 см.

14. Часть сосуда (2/3) типа горшка с округлыми боками, резко отогнутым венчиком и серолощенной поверхностью (рис. 11,6). На уровне ручки, прикрепленной к наибольшему расширению тулова, имелись горизонтально-удлиненные налепы (сохранился 1). Размеры: Дв – 13,7 см, Дд – 3,5 см, Н – 9 см.

15. Сосуд аналогичного типа с серой лощеной поверхностью (рис. 10,11). На выпуклой части тулова – налепы с треугольным сечением и вытянуто-удлиненной формой, всего их 3. Размеры сосуда: Дв – 13 см, Дд – 3 см, Н – 9,3 см.

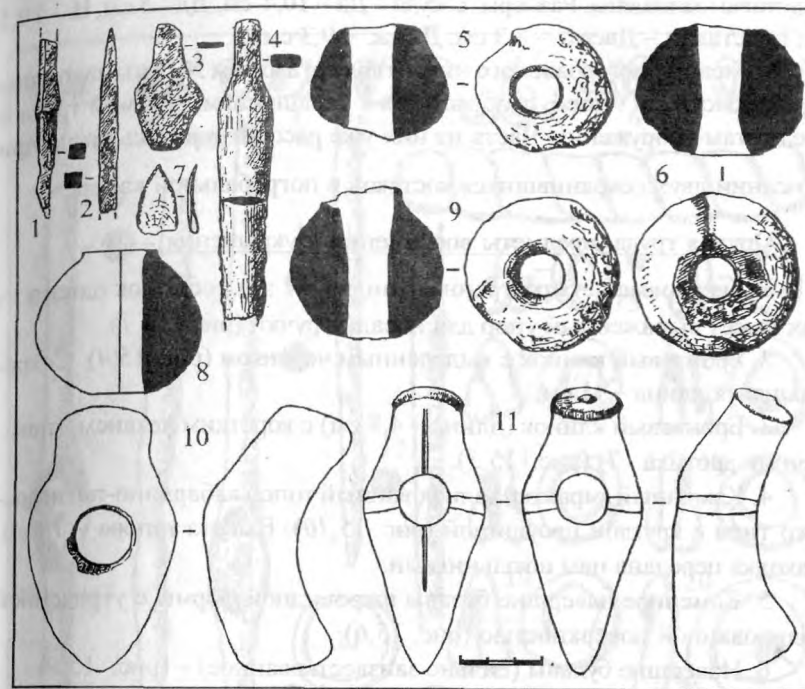

Рис. 15. Великентский могильник I. Катакомба №3. Орудия труда и предметы вооружения: из бронзы (шилья – 1-2, клинки – 3-4,) и камня (наконечник стрелы – 7, наконечники булавы – 5-6, 8-9, топоры – 10-11)

16. Сосуд аналогичного типа с серой лощеной поверхностью (рис. 10,12). Стенки тулова в донной части прогнуты внутрь. От ленточной ручки остались одни основания. Налепы удлиненно-овальной формы, всего их 5. Размеры сосуда: Дв – 15 см, Дд – 4,5 см, Н – 9,7 см.

17. Горшок с яйцевидным туловом и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 11,2). На наибольшем расширении тулова – 2 рельефных параллельных валика, расчлененных округлыми вдавлениями. В двух местах эти валики прерваны ленточными ручками. Нижняя часть тулова обмазана жидкой глиной. Верхняя часть вместе с закраиной заглажена. Размеры сосуда: Дв – 11 см, Дд – 5,8 см, Н – 13,2 см.

18. Аналогичный сосуд вместе с биконической подставкой (рис. 11,1). Поверхность необмазанной части тулова и поверхность

подставки заложены. Размеры: сосуда – Дв – 10,4 см, Дд – 5 см, Н – 10,5 см; подставки – Дверх. – 8,3 см, Дниж. – 9,3 см.

Описание погребального инвентаря катакомбы № 3 мы закончим характеристикой вещей, относящихся к украшениям, орудиям труда и предметам вооружения. Часть из них уже рассматривалась выше при описании двух сохранившихся костяков в погребальной камере.

Орудия труда, предметы вооружения и украшения:

1. Бронзовые четырехгранные шилья – 2 экз., обломок одного из них имеет выраженный упор для насадки ручки (рис. 15,1).

2. Бронзовый клинок с выделенным черенком (рис. 15,4). Сохранившаяся длина – 11 см.

3. Бронзовый клинок (длина – 4,8 см) с коротким лезвием (наконечник дротика – ?) (рис. 15,3).

4. Каменный (мрамор) шлифованный топор кабардино-пятигорского типа с круглой проушиной (рис. 15,10). Высота топора – 10 см. Находка передана нам школьниками.

5. Каменное навершие булавы шаровидной формы с утраченной полированной поверхностью (рис. 15,6).

6. Навершие булавы (сильно заизвесткованное) – (рис. 15,9).

8. Бусина из белой пасты цилиндрической формы, насаженная на тонкий бронзовый стержень (рис. 17,2).

9. Бусина из белой пасты плоской овальной формы (рис. 17,18).

10. Бусина плоской округлой формы из раковины.

11. Бусина круглой дисковидной формы из известняка.

12. Бронзовая бусина удлиненно-цилиндрической формы (рис. 17,15).

13. Бронзовые бусы бочонковидной формы – 5 экз.

14. Бронзовые спиральки – 4 экз. (рис. 16,1-3,8).

15. Большая бронзовая трубочка с утолщением в средней части и с ornamentацией на гранях (рис. 16,29).

16. Бронзовые височные подвески в 1,5 оборота – 7 экз. целых и 27 обломков (рис. 17,13-17,19).

17. Бронзовые кольца – 2 экз. (рис. 17,21-22).

18. Бронзовый браслет из округлого в сечении стержня (рис. 16,28 и 2 обломка от подобного браслета (16,27).

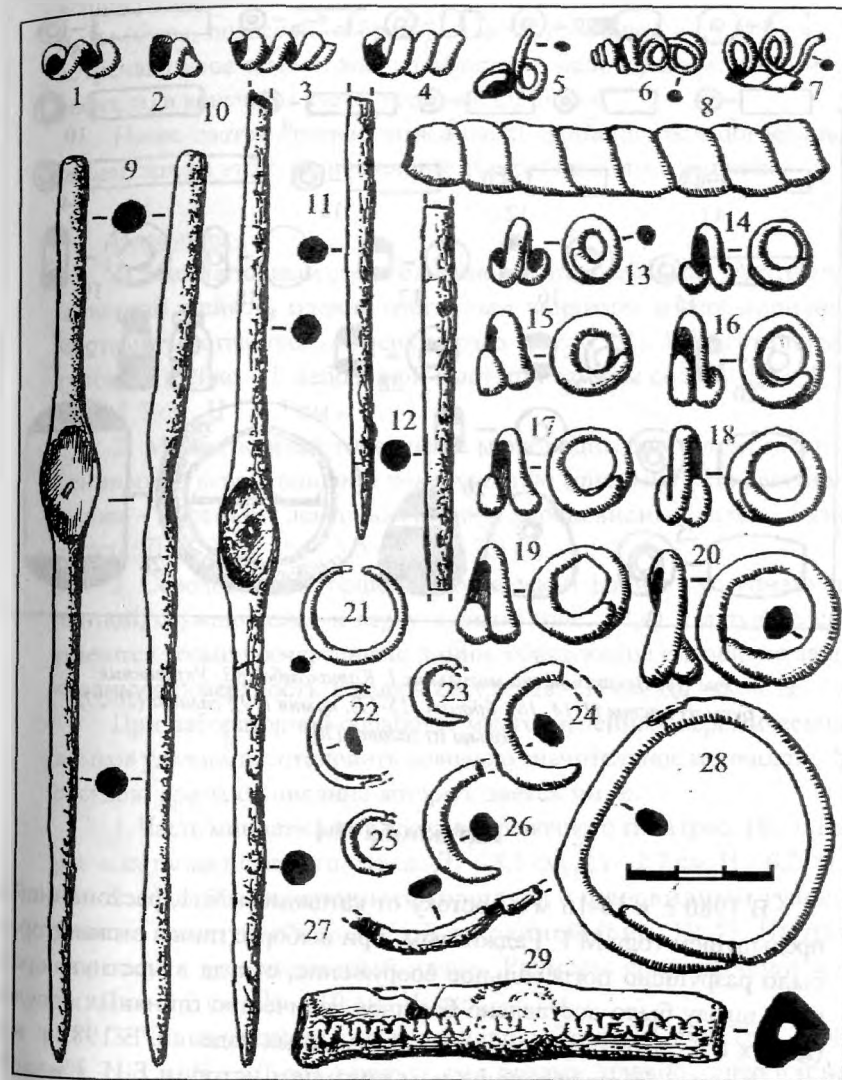

Рис. 16. Великентский могильник I. Катакомба №3. Украшения из бронзы (спирали – 1-8, булавы и их обломки – 9-12, височные подвески и их обломки – 13-20, 23-26, кольца – 21-22, браслет – 28, обломок браслета – 27, трубчатая пронизь с трехгранным сечением – 29)

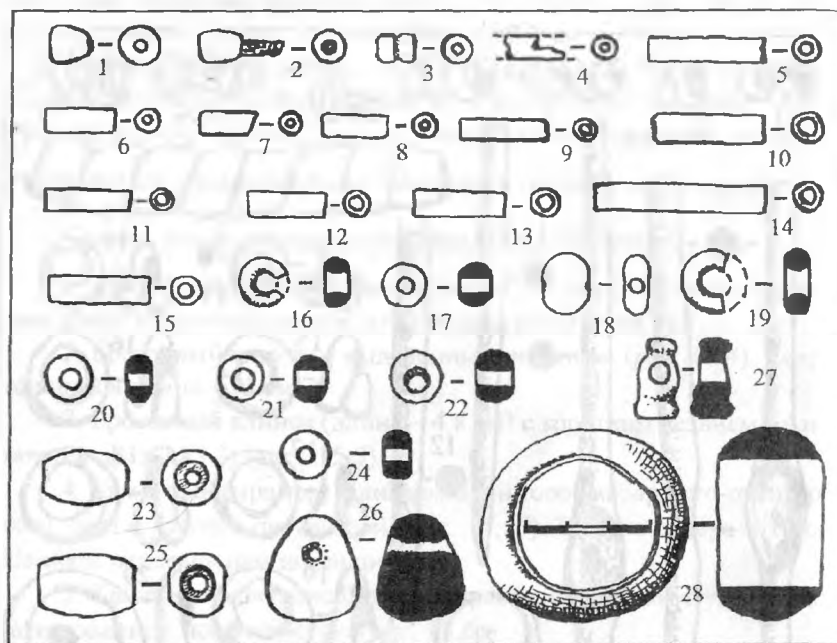

Рис. 17. Великентский могильник 1. Катакомба №3. Украшения:
бусы из пасты (1-14, 18), бронзы (15-17), камня (19), гагата (20-27);
кольцо из гагата (28)

Катакомба №4

В 1980 г. в 15-16 м к востоку от катакомбы № 1, раскопанной в предыдущем году М.Г. Гаджиевым, при выборке глины экскаватором было разрушено погребальное сооружение, откуда в местную среднюю школу было доставлено большое количество глиняных сосудов (целых и в обломках), бронзовых и каменных изделий. В 1982 г. все эти находки были переданы нам учителем истории Б.И. Киласовым. Переданная нам часть вещей не представляет собою полную коллекцию находок из этой разрушенной катакомбы, которой мы дали порядковый № 4. Какая-то часть предметов была разломана и утеряна при открытии погребального сооружения; неопределенное количество

вещей разошлось по рукам местных жителей. Некоторые мелкие предметы (бусы, подвески из бронзы, камня, раковины и др. материалов), встречавшиеся в массовом количестве, мало привлекали внимание ребят, и, в конечном счете, утеряны для науки.

Ниже дается краткое описание сохранившегося погребального инвентаря из этого разрушенного и ограбленного комплекса.

Керамика:

1. Миниатюрный сосуд баночного типа с высокой, уступчато выделенной шейкой, плавно отогнутым венчиком и серо-коричневой, местами закопченной, поверхностью (рис. 19,1). На месте перехода тулова к шейке – 1 небольшой выступ. Размеры сосуда: Дв – 8,5 см, Дд – 5,5 см, Н – 8,5 см.

2. Миниатюрный горшочек с шаровидным туловом, отогнутым венчиком и серой лощеной поверхностью (рис. 19,2). На расширении тулова – маленькая ленточная ручка и 3 сосцевидных налепа. Размеры сосуда: Дв – 9 см, Дд – 3,5 см, Н – 7,9 см.

3. Серолощенный горшок биконической формы с уступчато выделенной, сужающейся к верху шейкой (рис. 19,4). На тулове сосуда имеются косые прочерченные линии, образующие сплошную заштрихованную поверхность. Размеры сосуда: Дв – 17 см, Дд – 8 см, Н – 18 см.

При лабораторной обработке многочисленных керамических обломков удалось восстановить довольно значительное количество форм сосудов, краткое описание которых дается ниже.

1. Часть миниатюрного сосуда баночного типа (рис. 19,3). Размеры восстанавливаемого сосуда: Дт – 8,5 см, Дд – 2,7 см, Н – 6,2 см.

2. Часть миниатюрного горшочка с шаровидным туловом и плавно отогнутой невысокой закраиной (рис. 19,5). На плечиках сосуда – сосцевидный налп. Размеры сохранившейся части: Дв – 8,2 см, Дт – 10 см, Нсохр. – 8 см.

3. Часть чаши крупных размеров (Дв – 30,4 см, Дт – 33,4 см, Дд – 9 см, Н – 20 см) с округлыми боками, плавно отогнутой невысокой закраиной и лощеной поверхностью (рис. 18,11). На плечиках сосуда сохранился горизонтально удлиненный налп.

4. Часть сосуда типа горшка с яйцевидным туловом, раструбно расширяющейся горловиной и лощеной поверхностью (рис. 19,10).

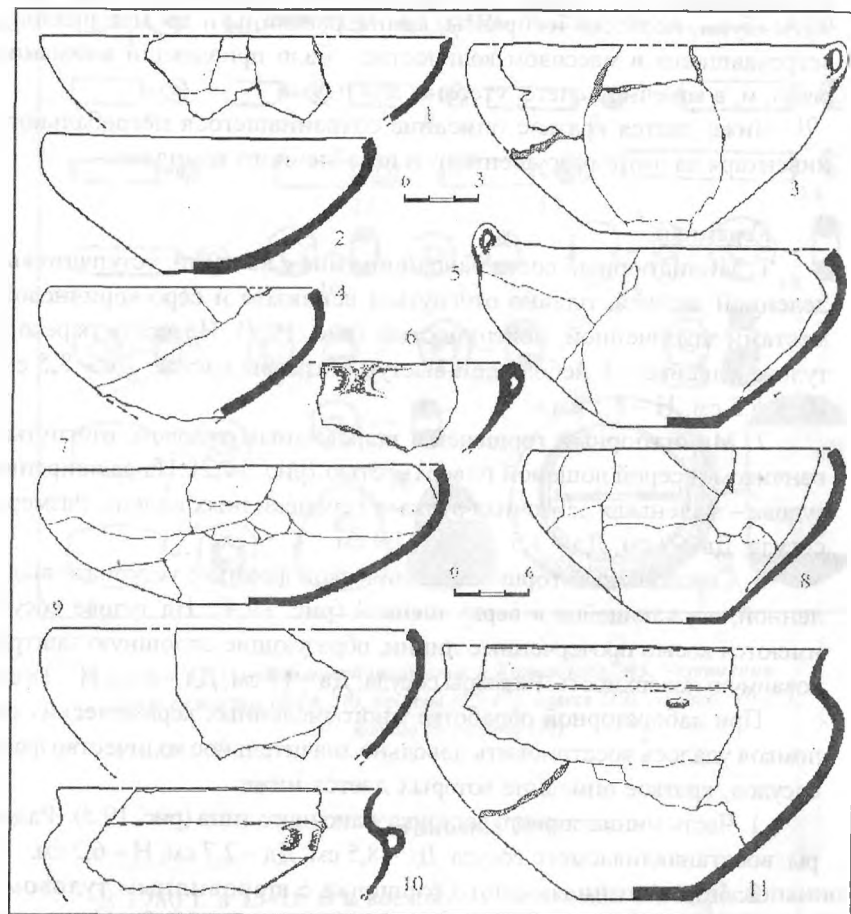

Рис. 18. Великентский могильник I. Катакомба №4: керамика

Сохранилась большая часть сосуда. Размеры: Дв – 22,3 см, Дт – 25 см, Дд – 8 см, Н – 21,3 см.

5. Часть сосуда типа горшка со слабо выпуклым туловом, слегка отогнутой закраиной и лощеной поверхностью (рис. 19,6). Размеры восстанавливаемой формы: Дв – 26 см, Дт – 26 см, Нсохр. – 12,6 см.

6. Часть сосуда типа горшка с шаровидным раздутым туловом, резко отогнутым прямым венчиком и лощеной поверхностью (рис. 19,7). На

плечиках сохранившейся части тулова имеются ленточная ручка и пара сосцевидных налепов. Размеры восстанавливаемой формы: Дв – 20 см, Дт – 26 см, Нсохр. – 17 см.

7. Часть сосуда типа горшка с яйцевидным туловом, раструбно расширяющейся закраиной и лощеной поверхностью (рис. 19,9). На плечиках сохранившейся части тулова – ленточная ручка и сосцевидный налеп. Размеры восстанавливаемой формы: Дт – 21 см, Дд – 6 см, Нсохр. – 18 см.

8. Миниатюрная миска с округлыми боками, слабо загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком с внутренним утолщением и лощеной поверхностью (рис. 18,2). Не сохранилась донная часть сосуда. Размеры: Дв – 12,7 см, Дт – 13,3 см, Дд – 3 см, Н – 5,5 см.

9. Миска с округлыми боками, слабо загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком и лощеной поверхностью (рис. 18,3). Сосуд снабжен одной ленточной ручкой, прикрепленной к закраине верхним основанием. Размеры миски: Дв – 14 см, Дт – 14,7 см, Дд – 4 см, Н – 7,5 см.

10. Глубокая миска с округлыми боками, слабо загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком и лощеной поверхностью (рис. 18,8). Размеры: Дв – 25 см, Дт – 25,6 см, Дд – 2,6 см, Н – 14 см.

11. Глубокая миска с округлыми боками, слабо загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком с внутренним утолщением и лощеной поверхностью (рис. 18,5). К закраине сосуда прикреплена ленточная ручка с выступающей над сосудом верхней площадкой. Размеры: Дв – 28 см, Дт – 29,6 см, Дд – 4,2 см, Н – 14 см.

12. Часть миски с округлыми боками, загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком и лощеной поверхностью (рис. 18,9). Размеры восстанавливаемой формы сосуда: Дв – 28,4 см, Дт – 30,2 см, Нсохр. – 10 см.

13. Часть миски с округлыми боками, загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком и лощеной поверхностью (рис. 18,4). Размеры восстанавливаемой формы сосуда: Дв – 21,4 см, Дт – 22,4 см, Нсохр. – 10,6 см.

14. Плоская миска с округлыми боками, слабо загнутой внутрь закраиной, кососрезанным венчиком со слабым утолщением у внутреннего бортика и лощеной поверхностью (рис. 18,7). Размеры восстановленной миски: Дв – 32 см, Дт – 32,6 см, Дд – 9 см, Н – 11 см.

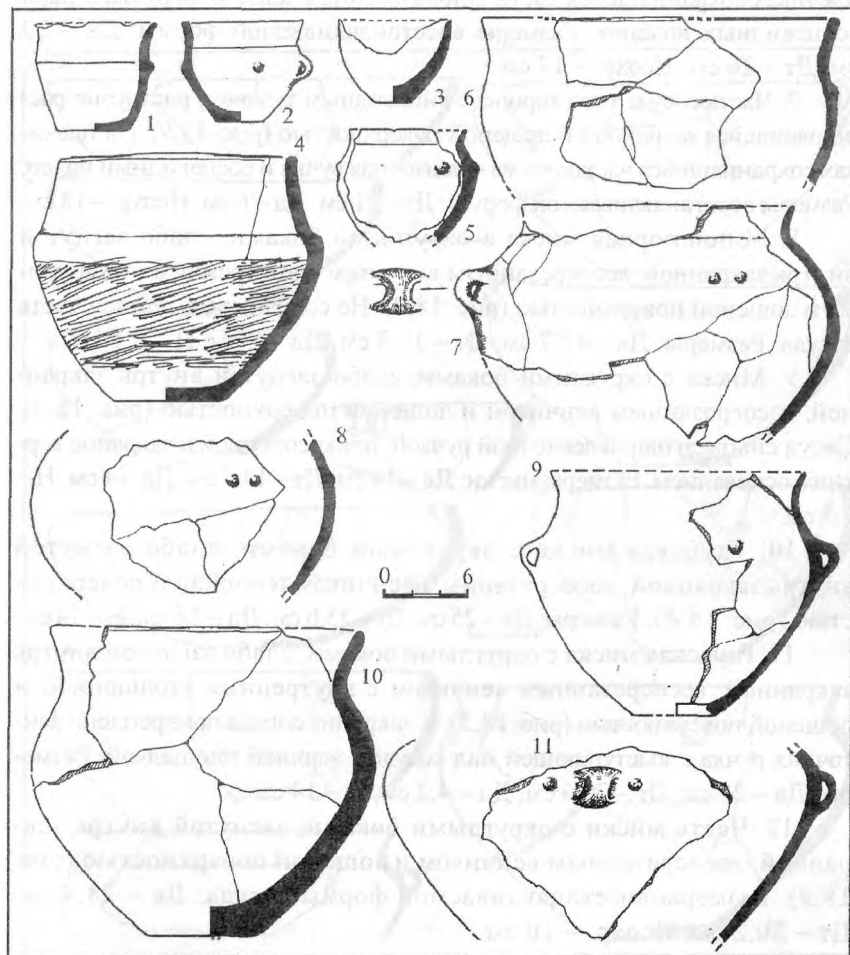

Рис. 19. Великентский могильник I. Катакомба №4: керамика

15. Часть открытой миски со слабовыпуклыми стенками и кососрезанным венчиком и лощеной поверхностью (рис. 18,1). Размеры восстанавливаемой формы миски: Дв – 18 см, Нсохр. – 3,3 см.

16. Часть миски с округлыми боками, с загнутым внутрь венчиком с кососрезанным краем и лощеной серо-коричневой поверхностью

(рис. 18,6). Сохранилась одна ленточная ручка, прикрепленная верхним концом к венчику сосуда. Размеры: Дв – 21(?) см, Нсохр. – 7 см.

17. Часть стенки и закраины сосуда типа чаши с выпуклыми округлыми стенками, отделенными уступом от слабоотогнутого венчика, и с серолощенной поверхностью (рис. 18,10). На плечиках тулова имеется ленточная ручка.

18. Часть тулова шаровидной формы сосуда типа горшка с серолощенной поверхностью (рис. 19,8). На плечиках сосуда сохранилась пара рельефных сосцевидных нащепов. Дг- 22 см.

19. Часть тулова сосуда типа горшка с серолощенной поверхностью (рис. 19,11). На наибольшем расширении тулова имеется одна ленточная ручка, по обе стороны от которой прилеплены по одной сосцевидной шишечке. Дг – 32 см.

Украшения

1. Обломок бронзовой височной подвески в 1,5 оборота из стержня с крупным сечением (рис. 20,1).

2. Бронзовая подвеска в виде лопаточки (рис. 20,2).

3. Бронзовая спираль, сделанная из широкой ленты. Длина украшения – 4 см.

4. Бронзовые пронизки-трубочки трехгранной формы с рельефными зигзагообразными линиями на спаянных ребрах – 2 экз.

5. Бронзовая подвеска-медальон с 3 зигзагообразными концентрическими линиями.

6. Бронзовая подвеска явровидной формы с литым узором в виде переплетенного шнура и ряда спиральнообразно закрученных крутов (рис. 20,4).

7. Обломки браслетов из сплава серебра и олова (?) из крупного стержня с утолщениями на концах – 3 экз. (рис. 20,3,5).

8. Бронзовая булава прямостержневой формы с пробитым небольшим отверстием в утолщенной и расширенной центральной части (рис. 20,6). Верхний конец булавки – тупой, нижний – заостренный. Длина украшения – 17,4 см.

9. Обломок (верхняя часть) бронзовой булавки посоховидной формы. Выше расплюсченной части, где пробито отверстие, и где обломилась сама булава, идет напаянный орнамент из тонкой проволоки. Сохранившаяся длина булавки – 8,5 см.

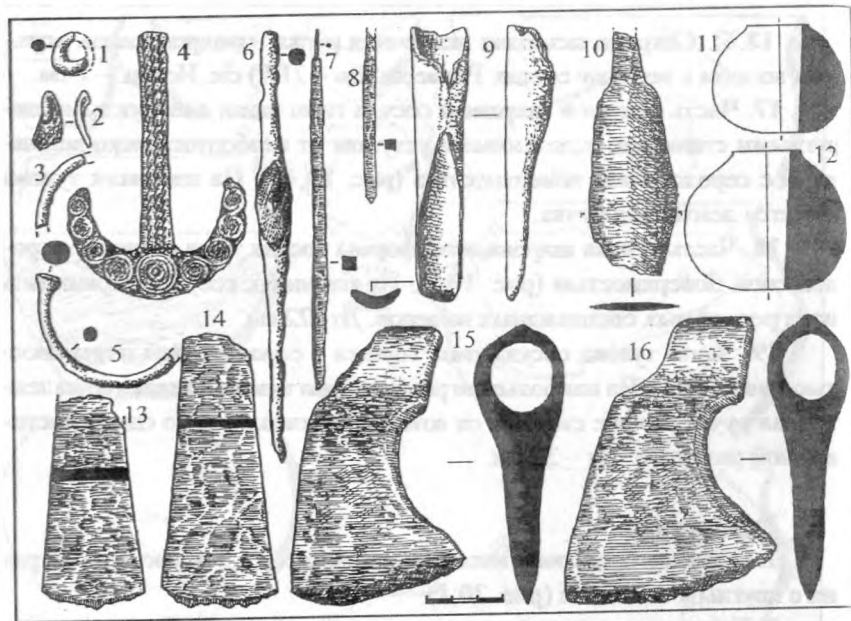

Рис. 20. Великентский могильник I. Катакомб №4. Украшения из бронзы (височная подвеска – 1, лопаточкообразная подвеска – 2, якоревидная подвеска – 4, булава – 6) и серебра (фрагменты браслетов – 3, 5); орудия труда и предметы вооружения из бронзы (шилья – 7-8, долото – 9, клинок – 10, тесла – 13-14, топоры – 15-16) и камня (навершия булав – 11-12)

Орудия труда и предметы вооружения:

1. Бронзовое четырехгранное шило (рис. 20, 7). Длина – 14,5 см.
2. Обломок аналогичного бронзового шила длиной 7 см (рис. 20, 8)
3. Бронзовые топоры-тесла – 2 экз. (рис. 20, 13-14). Размеры: длина – 8,5 см и 10,5 см соответственно. Лезвия орудий полукруглые.
4. Бронзовое долото с разрезанной втулкой и полукруглым лезвием (рис. 20, 9). Длина орудия – 11 см.
5. Бронзовый клинок с выделенным черенком и отломанным острием (рис. 20, 10). Сохранившаяся длина – 9,8 см.
6. Вислообушнные бронзовые проушные топоры с полукруглыми лезвиями (рис. 20, 15-16). Отверстия для рукояток имеют овально-вытянутые очертания – 2 экз. Размеры: высота тулова – 10 и 11 см, длина лезвия – 7 и 8,5 см соответственно.

7. Каменные навершия булав шаровидной формы с выступающим кантом вокруг отверстия – 3 экз. (рис. 20, 11-12).

Сведения о размерах и характере погребальной конструкции, об особенностях погребального обряда отсутствуют. Единственная деталь, на которую обратили внимание школьники и учитель – это большое количество человеческих костей, черепов.

Анализ инвентаря

В двух вышеописанных погребальных комплексах, подвергнувшихся варварским разрушениям и ограблениям, был найден довольно многочисленный и разнообразный по составу инвентарь. Следует отметить, что в нем преобладает керамика, в отличие, допустим, от некоторых других катакомб Великентского могильника I (№№ 1, 11), в которых глиняные сосуды зачастую занимают как бы второстепенное место по сравнению с богатейшими коллекциями бронзовых изделий [см. например: Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1974, с. 7-9, рис. 1]. Всего в катакомбах №№ 3-4 зафиксировано не менее 70 целых сосудов и восстанавливаемых форм, из них около 50 приходится на катакомбу №3. Трудно сказать, сколько сосудов находилось в этих катакомбах до начала их разрушений. Судя по многочисленным керамическим фрагментам, их было значительно больше, чем попало в руки археологов.

Вся глиняная посуда из катакомб вылеплена вручную, но отличается симметричностью, изяществом и выработанностью форм, выдержкой определенных пропорций и стандартов. Подавляющая часть керамических сосудов характеризуется серо-коричневой, реже черной лощеной поверхностью. Довольно много сосудов, особенно миниатюрных размеров, имеет гладкую заглаженную поверхность. Относительно мало сосудов, имеющих обмазку жидкой глиной. Обращает на себя внимание, что среди посуды из катакомбы №4 их совсем нет; в катакомбе №3 имеется 5 целых сосудов с подобной характеристикой обработки внешней поверхности (рис. 10, 4; 11, 1-2; 13, 9; 14, 10), что составляет примерно 10% от общего количества целых форм из этой катакомбы. Типологически обмазанные сосуды делятся на два типа: а) миниатюрные сосудики с яйцевидно вытянутым туловом и

воротной расширяющейся горловиной (рис. 10,4 и 13,9) – у них аккуратной обмашке подвергнуты нижние части тулов, отделенные от остального тулова горизонтальными налепными поясками; б) сосуды средних размеров в виде горшочков, имеющих на плечиках по две ленточные ручки, основания которых как бы связаны двойными налепными валиками, рассеченными округлыми вдавлениями и ногтевидными насечками (рис. 11,1-2; 14,10). Обмашка последних сосудов отличается более грубой фактурой, а в одном случае зафиксированы несоизмеренные палочковые борозды по обмашке.

Орнаментацией подвергнута более половины целых сосудов. Е. Пилинцис и обмашку можно принять за один из вариантов украшения сосудов. В этом плане интерес вызывают два сосуда из катакомб (рис. 12,5 и 19,4), у которых части тулова ниже ребра украшены восходящими врезными линиями – бороздками. Такой прием декорации посуды отмечен и в целом ряде других катакомб поздней группы Великентского могильника I. За пределами Приморского Дагестана сосуда со «штрихованной» поверхностью, очень близкие великентским известны из Восточной Грузии – на памятниках алазано-беденской культуры (Бериклессби, Цихиагора). По мнению З.Э. Махарадзе, керамика бессистемно покрыта «гребенчатым штампом», характерная для поселений беденской культуры [Махарадзе З.Э., 1994, с. 79].

По технике орнаментации различаются 2 вида орнаментов – гравированный и рельефный. Набор орнаментальных мотивов достаточно велик и разнообразен: 1) *гравировка* – насечки ногтевые и семечковидные, круглые ямки, вдавления, врезные линии, палочковые завитки, намоты круглой, овальной и треугольной форм и т.д.; 2) *рельеф* – налепы сосцевидные, удлинненно-линзовидные, усеченно-пирамидальные, дуговидные, котлысвидные, в виде рогов, спиралей, выступов ложных ручек и т.д. Иногда трудно разделить орнаментальные мотивы по такому принципу: например, налепные валики, рассеченные различными вдавлениями и насечками, сочетают гравированные и рельефные мотивы.

Композиционное оформление орнамента на великентской посуде довольно бедно и просто. Гравированные орнаментальные мотивы группируются в горизонтальные ряды единичны случаи, когда такой орнамент покрывает значительную часть тулова сосуда (рис. 11,4

Рельефные мотивы располагаются чаще всего по одному и парами на плечиках и на наибольшем расширении тулова сосуда.

Орнамент великентской посуды, как правило, не поддается семантике. Он имеет мало общего с орнаментацией керамики катакомбных культур Восточной Европы и целиком находится в русле орнаментальной традиции керамики Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы [Магомедов Р.Г., 1984, с. 54].

Всю совокупность сосудов, найденных в двух разрушенных комплексах великентских катакомб, можно разделить на следующие классы: I) плошки и мисочки, II) миски, III) чаши, IV) кружки, V) чайнички, VI) горшочки, VII) горшки и VIII) банки. К сожалению, не все сосуда могут быть распределены легко по этим классам; некоторые отличаются такими чертами, которые позволяют отнести их к двум классам. Внутри классов обозначены типы сосудов, – типобразующими в данном случае являются морфологические особенности формы сосуда, а также его относительные размеры и пропорции. Типы, в свою очередь, исходя из наличия ручек и их местоположению делятся на подтипы.

Класс I. Сосуды этого типа (плошки и мисочки) отличаются миниатюрными размерами (Дв < 10 см), плоским дном и открытостью формы; встречаются как залощенные с наружу образцы, так и с заглаженной гладкой поверхностью. По характеру стенок различаются плошки и мисочки 2 типов: 1 тип – прямые стенки (рис. 10,5); 2 тип – округлые стенки (рис. 10,2; 13,1-3). Сосуды 2 типа превалируют по количеству образцов. Сосуды данного класса были обнаружены практически во всех катакомбах Великентского могильника I, за исключением, катакомбы №9; особенно много их было в инвентаре детской катакомбы №12 (более 10 экз.). Плошки и мисочки, как правило лишены ручек.

Среди материалов раскопок манасских катакомб, а также подкурганых склепов в местности «Гентал» сосуды данного класса не встречаются, но они имеются в комплексах эпохи средней бронзы предгорной [Косточенко И.П., 1959, рис. 165, табл. III,7 и др.] и горной [Магомедов Р.Г., 1998, с. 82-83, рис. 64,1-10] зон Дагестана; есть они и в Юго-Восточной Чечне. Подобные формы сосудов характерны, впрочем, и для памятников эпох ранней и поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Класс II характеризуют плоскодонные приземистые сосуды с широким устьем и разложистыми боками – миски. Внешняя и внутренняя поверхности мисок, как правило, серо-коричнево-чернолощеные. По своей форме они очень похожи на сосуды предшествующего класса, но отличаются от последних типологической разработанностью и более крупными размерами (Дв > 10 см). Морфологически миски этого класса обычно делятся на два типа: тип 1 – миски с округлыми боками и загнутым внутрь, кососрезанным, краем венчика (рис. 11,3,5; 18,2-9) и тип 2 – миски с прямыми стенками и внутренним утолщением-бортиком у венчика. Надо сказать, что подавляющее большинство мисок класса II в великентских поздних комплексах относится именно к типу 1; они найдены во всех поздних катакомбах Великентского могильника I, за исключением сильноразрушенной катакомбы №7 и катакомбы №9. В последней, кстати, была обнаружена единственная миска, относящаяся к типу 2. Миски обычно лишены орнамента. Безручных мисок совсем мало. Большая часть мисок – одноручная; ручки ленточные, соединяют край закраины с наибольшим расширением тулова. В катакомбах №№ 3 (рис. 11,3,5) и 11 были найдены и двуручные миски, у которых ручки размещены друг против друга.

Округлобкие миски с загнутым внутрь кососрезанным краем венчика весьма специфичны для поздних катакомб Великентского могильника и имеют мало прямых аналогий на других памятниках эпохи средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе. Например, для памятников гинчинской культуры наиболее характерны миски с прямыми разложистыми стенками [Магомедов Р.Г., 1998, с. 83-85, рис. 64-65, 130]. В манасских катакомбах и гробницах «Гентал» миски представлены образцами, отличающимися наличием узора и желобка на внешней поверхности ниже края закраины [Мунчаев Р.М., Смирнов Р.М., 1956, с. 193-196, рис. 4,1 и др.; Магомедов М.Г., 1977, с. 17, табл. II, 11-12]. В миатлинских и чиркейских подкурганных комплексах эпохи средней бронзы миски практически не обнаруживались. В ранних катакомбах Великента, особенно в катакомбе №8 Великентского могильника I, представлены миски, аналогичные мискам типа 2 великентских поздних катакомб, они имеют прямые разложистые стенки и внутреннее утолщение-бортик у венчика [см.: Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 7, рис. 1,13]. Что касается памятников каякентско-

хорочевской культуры, то миски для них не очень характерны, а те образцы, которые там представлены, сильно отличаются от великентских мисок своим обликом.

К классу III «чаши» относятся сосуды приземистой формы и несколько большей глубины, имеющие широкое, слегка закрытое устье и «S»-образно профилированные стенки (рис. 10,9-12; 12,6-11; 14,1-4,6-9; 18,10-11). Чаши по своим типологическим особенностям очень близки к мискам и часто рассматриваются исследователями вместе. По морфологическим особенностям чаши в основной массе характеризуются округлыми боками тулова, наибольшее расширение которого находится в верхней части, резко отогнутым прямым венчиком и серо-коричнево-черной лощеной поверхностью. У большинства подобных чаш венчик заостренный, у некоторых имеется характерный внешний «наплыв» – утолщение. Практически все чаши этого типа орнаментированы рельефными налепами округлого, удлиненного и дуговидного характера, размещенными по плечикам, иногда попарно. Реже встречаются налепные горизонтальные валики, рассеченные округлыми вдавлениями (рис. 12,6); есть случаи, когда концы таких валиков в виде дуговидных отростков свисают вниз (рис. 12,7). Добавим, что чаши подобного типа были найдены почти во всех катакомбах Великентского могильника I, кроме катакомб №№ 2 и 7. Примерно половина выделяемых чаш является одноручной – ленточные ручки, также как и орнаментальные налепы, размещены на плечиках сосудов.

Прямые аналогии сосудам класса «чаши» из поздних великентских катакомб имеются, в первую очередь, в ранних катакомбах Великента. Например, в катакомбе №8 Великентского могильника I они представлены весьма многочисленно [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 35, рис. 3,18]. Ранние аналогии подобным чашам не ограничиваются великентскими примерами. Подобные чаши были обнаружены в свое время и в разрушенных погребальных комплексах Каякентского могильника VI, рассмотренных в данной работе ранее. Встречаются чаши и в слоях поселений Великент I, Мамай-кутан, Джемикент, Гемс-тубе I и II, но для памятников куро-аракской культуры, расположенных в горной зоне Северо-Восточного Кавказа такие чаши не характерны. В то же время в комплексах куро-аракской культуры в Закавказье близкие по форме чаши встречаются относительно часто. Эти примеры можно

дополнить также находками чаш в манасских подкуранных катакомбах [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 195, рис. 6,1-3,6,9 и др.]. На памятниках присулакской группы [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, рис. 2а,2; 3,1; 5,9] и гинчинской культуры [Магомедов Р.Г., 1998, с. 86-87] также можно встретить чаши, очень близкие типологически великентским образцам, но представлены они там небольшим количеством. В инвентаре каякентско-хорочоевской культуры чаши, можно сказать, практически отсутствуют, если не иметь в виду единичные случаи их находок на могильниках Берикей (Дагестан) и Ведено (Чечня) [см.: Марковин В.И., 1969а, с. 81, рис. 34,1,3-4]; кстати, веденские находки, на наш взгляд, скорее можно отнести к кругу памятников гинчинской культуры [Магомедов Р.Г., 1998, с. 12].

Следующим классом анализируемой посуды являются т.н. «кружки» (класс IV). Название, подчеркиваем, такое весьма условное и не общепринятое. В данном случае под кружками мы подразумеваем одноручные миниатюрные сосудики (Дв < 10 см, Н < 13-15 см), у которых высота примерно соответствует максимальному диаметру тулова или слегка превышает его. Среди керамики из катакомбы №4 кружек нет, а из материалов катакомбы №3 можно выделить несколько образцов, которых можно связать с этим классом. По особенностям формы их можно разделить на два типа. Первый тип характеризуют кружки с вогнутыми стенками и отогнутым наружу венчиком (рис. 10,8; 13,11). Аналогичные сосуды были найдены также при расчистке катакомбы №12. Ручки у кружек этого типа прикреплены верхним концом к закраине; они лишены орнамента, все имеют лощеную внешнюю поверхность серо-коричнево-черного цветов. Второй тип кружек отличается сильно выпуклыми, иногда ребристыми, туловами, отделенными от резко-отогнутых коротких венчиков (рис. 13,4,7). Еще одной особенностью этих кружек является уступчатое выделение шейки сосудов от остальной части тулова. Помимо катакомбы №3, кружки 2-го типа были найдены в катакомбах №№ 11-12.

Надо сказать, что кружки являются довольно характерной формой посуды на памятниках эпохи бронзы, вернее ранней и средней бронзы, на Северо-Восточном Кавказе. На куро-аракских памятниках кружки встречаются довольно часто и в типологическом разнообразии - правда, наиболее распространенным типом являются кружки

баночного характера с ручкой у закраины. В катакомбе №8 Великентского могильника I представлены кружки самые разнообразные, в целом соответствующие составу кружек поздних катакомб этого же могильника [Гаджиев М.Г., 1986б, рис. 3,12]. На памятниках эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа за пределами Великентского комплекса кружки также являются довольно распространенной формой посуды. В инвентаре манасских катакомб наиболее преобладают кружки со сложнопрофилированными стенками и отогнутыми венчиками [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, рис. 6,10-11 и др.]. На присулакских памятниках кружки также часты и они хорошо сопоставляются с некоторыми кружками великентских поздних катакомб [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, рис. 2а,1; 3,2, табл. IV,10; Костюченко И.П., 1959, табл. II,9, рис. 13,3]. Для каякентско-хорочоевской культуры кружки практически не характерны и редко встречаются.

К классу VI «горшочки» мы относим миниатюрный сосудик из катакомбы №3, характеризующийся закрытой формой, яйцевидным туловом и отсутствием четко выделенного венчика (рис. 13,12). Аналогичные сосудики известны в инвентаре катакомб №№ 1, 5 и 12. Все они имеют гладкую заглаженную поверхность серого и охристого цветов; ручки отсутствуют, нет и орнамента, за исключением небольших налепов-выступов с двумя вертикальными отверстиями у сосудика из катакомбы №3.

За пределами великентских памятников прямых аналогий выделяемым горшочкам в эпоху средней бронзы вроде бы нет, хотя в керамике гинчинской культуры различаются 4 типа горшочков [Магомедов Р.Г., 1998, с. 92-95, рис. 130], но они сильно отличаются от великентских образцов.

Класс VII «горшки» по материалам рассматриваемых комплексов представлен несколькими типами. К 1-му типу можно отнести горшки с округло-шаровидными) посажен «намертво в подставку. Практически идентичный туловами с лощеной поверхностью и с плавно отогнутыми венчиками из катакомбы №4 (рис. 19,7-11); как правило, такие сосуды снабжены одной или двумя ленточными ручками и имеют на щечках наклепные шишечки или горизонтальные выступы. 2-й тип горшков представлен единственным сосудом из катакомбы №3 (рис. 14,5), несколько напоминающий типичные горшки катакомбной

культуры. Сильновыпуклые бока этого сосуда украшены зоной из 4-х параллельных врезных горизонтальных линий, в двух местах прерванных парами вертикальных рельефных валиков. К 3-му типу можно отнести довольно представительную группу сосудов из катакомбы №3, отличающихся вытянутыми туловами яйцевидной формы, отделенными от резко отогнутых венчиков (рис. 12, 1-5). Почти все горшки этого типа отличаются гладкой лощеной поверхностью тулов и шеек, размещением на плечиках налепных валиков, рассеченных различными вдавлениями и заостренным краем венчика. Наконец, к последнему (4-му) типу горшков относится серия сосудов из катакомбы №3, о которых уже шла речь выше (рис. 11, 1-2; 14, 10). Все они характеризуются шаровидно-раздутыми туловами и резко отогнутыми венчиками. На плечиках всех указанных сосудов этого типа имеются по две ручки и двойные параллельные валики, отделяющие обмазанные нижние части тулов от лощеных плечиков и шеек. Один из них (рис. 11, 1) посажен «намертво» в подставку. Практически идентичный сосуд, только меньших размеров, был найден среди инвентаря катакомбы №12. Между подставками двух этих сосудов имеются различия — у подставки сосуда из катакомбы №3 имеется промежуточный поддон, а подставка сосуда из катакомбы №12 лишена его. Интересно, что в катакомбе №12 найден еще один сосуд, морфологически близкий к рассматриваемым сосудам на подставках. Отличия данного сосуда состоят в том, что у него короткая шейка, имеющая слабое отклонение наружу, отсутствуют ручки, а дно оформлено в виде «ложной» подставки. Тулово сосуда ниже налепного валика, проходящего по плечикам сосуда, обмазано жидкой глиной.

Прежде чем сказать об аналогиях сосудам, рассмотренным в рамках класса «горшки», отметим, что подставки под сосуды, найденные вместе с некоторыми горшками, довольно редки в керамических древностях эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Самые ранние образцы подобного рода на Северо-Восточном Кавказе были найдены на Карабудахкентском могильнике [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958, с. 151-166, рис. 5, 3, 4]. На памятниках куро-аракской культуры в Закавказье Анатолии и других областях распространения этой культуры подставки под глиняные сосуды давно известны: они там представлены самыми разными формами и пропорциями, в том числе богато орнаментированными

[см.: Sagona A.G., 1984, p. 540-547, fig. 96-99]. На памятниках эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа за пределами Великентского комплекса керамические подставки под сосуды нам пока не известны. Обращает на себя внимание, что в Великенте подставки пока происходят только из погребальных комплексов. Правда, среди керамических материалов, найденных в раскопках поселений, попадались некоторые обломки, которые, возможно, являлись частями подобных подставок, но могли относиться и к полым ножкам сосудов типа ваз или кубков.

Что касается самых горшков, рассмотренных выше, то по своей форме они известны с предшествующих времен, но такая их особенность, как обмазка тулов жидкой глиной, стала распространяться на памятниках Северо-Восточного Кавказа, начиная лишь с середины III тыс. до н.э.

Класс VIII включает в себя многочисленные сосуды, которые в целом можно интерпретировать как «банки». Они распадаются на несколько типов, и надо сказать, что ни один из них трудно однозначно трактовать как баночные сосуды. Тем не менее, считаем, что у них есть много общего, позволяющего объединять в единый класс. Итак, к классу банок мы относим исключительно плоскодонные сосуды небольших размеров ($H < 10-12$ см), лишенные ручек и имеющие прямые вертикальные или слегка разложистые стенки, а также сосуды с незначительно профилированными стенками, у которых широкое открытое устье, диаметр которого меньше наибольшей высоты сосуда или, что реже, равен ей.

Характеризуемые баночные сосуды найдены в основном в катакомбе №3. Из них к типу I отнесены сосудики с слегка профилированными («S»-образными) стенками и невысоким вертикальным или чуть отогнутым венчиком (рис. 10, 3-4). Аналогичные по форме сосудики, но имеющие уступчато оформленную шейку (рис. 13, 5), составляют тип 2. И, наконец, 3-й тип объединяет сосудики (рис. 10, 6-7; 11, 4; 13, 14), очень близкие к последним, но отличающиеся большей приземистостью ($Dв, Dг > H$). Почти все образцы баночных сосудов характеризуются гладкой лощеной, иногда заглаженной поверхностью. Незначительная часть сосудиков этого класса орнаментирована. Среди орнаментальных мотивов можно упомянуть одиночные рельефные

пишечки, беспорядочно нанесенные врезные линии-штрихи, сплошные зоны из накопчатых ямок треугольной формы или же зацепов, а также горизонтальных валиков, рассеченных округлыми вдавлениями.

Сосуды баночного типа довольно характерны для памятников куро-аракской культуры, особенно формы, для которых свойственны прямые или вогнутые стенки и лощеная поверхность. Самые разнообразные баночные сосуды встречаются и на памятниках гинчинской культуры эпохи средней бронзы [Магомедов Р.Г., 1998, с. 99-100, рис. 130].

Итак, проведенный анализ керамики показывает, что глиняная посуда, обнаруженная в катакомбе №3, находит многочисленные прямые аналогии среди инвентаря катакомб поздней группы Великентского могильника I; особенно близки им сосуды, найденные при раскопках катакомб №№ 1-2, 11-12. Что касается керамики из катакомбы №4, то она несколько отличается от них (отсутствие обмазанных сосудов, наличие большого количества мисок и чаш и т.д.), но, вполне вероятно, что это может быть результатом сильного разрушения и ограбления этого комплекса.

Орудия труда и оружие. Совместное рассмотрение орудий труда и предметов вооружения объясняется затруднениями, возникающими обычно у специалистов при анализе и функциональной идентификации этих категорий археологических находок. Действительно, трудно дать однозначную трактовку того, чем является, например, бронзовый топор. Он, с одной стороны, очевидно, является орудием труда; с другой стороны, топор вполне могли использовать как эффективное боевое оружие. А что касается каменного топора, рассматриваемого обычно в ранге боевой принадлежности, то известно, что он не лишен и знаковой нагрузки в определенных культово-обрядовых действиях древних людей. Тем не менее, мы придерживаемся традиционной схемы анализа и классификации инвентаря.

В нашем распоряжении имеется довольно большая и разнообразная коллекция орудий труда и предметов вооружения, происходящая из двух разрушенных и ограбленных погребальных комплексов. Анализ этих находок, на наш взгляд, удобно дать в рамках категорий материалов, из которых они изготовлены.

Камень. В хозяйстве и быту древнего человека камень и в эпоху бронзы не потерял своего значения. Разумеется, в эпоху средней бронзы

ассортимент орудий труда и предметов вооружения, изготавливавшихся из различных пород камня, довольно беден по сравнению с предшествующими периодами. К этому следует добавить, что мы в данном случае имеем дело с инвентарем погребальных памятников, который всегда бедно представлен по отношению к камню. Итак, здесь можно сказать о трех классах находок: наконечники стрел, сверленные топоры и навершия булав.

Наконечники стрел обычно очень слабо представлены в коллекциях находок великентских катакомб. Не являются исключением в этом плане и катакомбы №№ 3 и 4. Мы можем говорить только об одном экземпляре наконечника стрелы треугольной формы (похоже, это полуфабрикат – задняя часть стрелы не обработана) из катакомбы №3 (рис. 15,7). Редкие наконечники стрел, обнаруженные в других катакомбах, обычно имеют выемчатое основание.

Каменные сверленные топоры из поздних катакомб Великентского могильника I происходит целая серия сверленных топоров. В великентских катакомбах (могильник I) найдено 7 сверленных топоров, из них 1 топор – в катакомбе №1, 2 – в катакомбе № 3 (рис. 15,10-11) и 4 – в катакомбе № 11. Большая часть великентских топоров изготовлена из змеевика (серпентина), поверхность их тщательно заполирована. Особенно изящны топоры из катакомб №№ 3 и 11. По своей форме топоры довольно различны, но в целом относятся к кругу сверленных топоров т.н. кабардино-пятигорского облика. По известной классификации топоров кабардино-пятигорского типа все великентские топоры могут быть определены как гладкие. По характеру изогнутости корпуса топоры различаются – слабоизогнутые, среднеизогнутые и сильноизогнутые. Слабоизогнутым является массивный топор-молот из катакомбы №11. К среднеизогнутым относятся образцы, у которых обушная часть поставлена под углом к лезвийной и центральной частям (рис. 15,11). Сильноизогнутым является единственный топор из катакомбы № 3 (рис. 15,10), у которого и лезвийная часть и обушная часть одинаково отходят под углом от центральной части, где расположена проушина топора. Два топора с среднеизогнутым корпусом из катакомб №№ 3 и 11, в отличие от основной массы топоров, украшены в одном случае врезными линиями (рис. 15,11), а в другом – выступающим рельефным валиком (нервюра) вдоль ребра лезвия. Кстати, оба

этих топоров снабжены грибообразной шляпкой, а у топора из катакомбы №3 кроме того на шляпке имеется выступ в виде шишечки.

Аналогии этим топорам многочисленны среди древностей эпохи средней бронзы Юга Восточной Европы, в основном в инвентаре северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1960, с. 100, рис. 44, 15-17; 1994г, с. 282, рис. 77, 12-14; 80, 57-61]. Среди топоров особо выделяются два среднеизогнутых топора вытянутых конфигураций из катакомбы №11. Раньше такие топоры были склоны относить к позднему (третьему) этапу развития северокавказской культуры [Марковин, 1960, с. 100-101]. После обнаружения топоров кабардино-пятигорского типа в комплексах куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, усилиями М.Г. Гаджиева [1975, с. 24-26; 1988, с. 14-19; 1991, с. 186-189] изменился подход к классификации и датировке северокавказских сверленных топоров. Новые данные свидетельствуют о необходимости ранней датировки т.н. топоров михайловского типа, к которым относятся и два вышеупомянутых топора из катакомбы № 11, по всей видимости, в пределах III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1991, с. 188; Гей А.Н., 1986, с. 13-32].

Традиционно топоры кабардино-пятигорского типа трактуется в качестве боевого оружия, хотя многие обращали внимание на отсутствие на них каких-либо следов утилитарного использования. По мнению В.И. Марковина, «тщательность отделки и полировки, относительно небольшой вес, мягкость материала не позволяют считать подобные топоры орудиями производства» и являются, скорее всего, «знаками власти и почета, а также личным оружием» [Марковин В.И., 1960, с. 101]. Оригинальную точку зрения высказал С.Н. Кореневский, который считает, что «каменные топоры являлись специфическим оружием проламывающего воздействия», а нахождение в могилах образцов, «не имевших существенных поврсждений лезвий», объясняет ролью топоров в качестве предметов-символов [Кореневский С.Н., 1990, с. 62]. Общеизвестна ритуально-сакральная и знаковая функция каменных сверленных топоров в духовной культуре древних людей [Мерперт Н.Я., 1975, с. 163-172; Антонова Е.В. 1998, с. 5; Никулина Н.М., 1999, 218-228].

Навершия булав. Пожалуй, на Кавказе нет другого района, где встречается такое большое количество наверший булав, датируемых эпохой ранней и средней бронзы, как Приморский Дагестан. По нашим подсчетам, только в великентских катакомбах обнаружено более 70 наверший булав: 30 из них было найдено в катакомбе №1 [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 9], из катакомбы №11 происходит 33 экземпляра, 5 наверший булав – из катакомбы №2, 4 наверший из катакомбы №3 (рис. 15, 5-6, 8-9), 2 наверший – из катакомбы №4, по 2 испорченных и плохо сохранившихся* наверший булав – из катакомб №№ 7 и 9. В небольшом количестве навершия булав представлены среди инвентаря Великентского поселения I [Котович В.Г., 1959, табл. 1, 3; Гаджиев М.Г., 1979а, рис. 1, 8], Мамай-кутан и Геметубе I [Круглов А.П., 1958, рис. 3, 4]. Встречаются булавы и на других памятниках эпохи бронзы Приморского Дагестана, в первую очередь, на могильниках – Манас [Смирнов К.Ф., Мунчаев Р.М., 1956, рис. 3а, 2-3; 5, 2], Гентал [Магомедов М.Г., 1977, табл. II, 5] и Утамыш [Котович В.Г. и др., 1980, рис. 7, 11].

Подавляющая часть наверший булав по известной классификации, разработанной еще Е.И. Крупновым [1951, с. 44], делится на два типа: 1) шаровидные и 2) грушевидные. Считается, что эволюция этого типа оружия идет от шаровидных образцов к грушевидным. Среди великентских наверший булав преобладают шаровидные. В катакомбах №№ 1 и 11 найдены булавы обоих типов. И шаровидные и грушевидные навершия булав делятся по оформлению верхней площадки на два вида: а) булавы с выступающей окантовкой вокруг отверстия; б) навершия без окантовки.

Изготавливались навершия булав из самых различных пород камня – известняка, мергеля, арагонита, змеевика, диабаз, мрамора и т.д. Как заметил, М.Г. Гаджиев, в Великенте «встречаются булавы-заготовки с грубой, еще не шлифованной поверхностью, недосверленными отверстиями, что говорит о местном их изготовлении» [Гаджиев М.Г., 1991, с. 185]. По-видимому, какая-то часть наверший булав доставлялась в Приморский Дагестан и из сопредельных территорий, т.к. они изготавливались часто из материалов, не имевших природное распространение на Северо-Восточном Кавказе.

Процесс изготовления великолепно полированных и зачастую идеально симметричных наконечников булавы таит в себе еще много неясного. Об этом свидетельствует осмотр в 1984 г. сотрудниками Кафедры общей исторической геологии Ростовского гос. университета небольшой коллекции булавы (10 экз.) из катакомб №№ 1-3 Великентского могильника I. По предварительному заключению, данному ст. научным сотрудником кафедры, канд. геол.-мин. наук М.Р. Рыжковым, комплекс различных по петрографическому составу пород (альбитофиры, катаклазированные гранито-гнейсы и диабазы), из которых изготовлены данные булавы, «не характерен для близлежащих (от места раскопок) частей Дагестана. Предположительно для изготовления наконечников булавы использовались горные породы более западных частей Кавказа (Осетия, Грузия?)».

Одно из наконечников булавы более подробно было рассмотрено под бинокулярным микроскопом доцентом кафедры, канд. геол.-мин. наук В.В. Закруткиным. Согласно его определению, наконечник «сложено из гранито-гнейса (катаклазированный гранито-гнейс; минеральный состав – кварц, белый плагиоклаз, розовый ортоплаз и черная слюда-биотит). Структура породы – поликристаллическая. Сверху булава покрыта коркой толщиной 1 мм темно-коричневого цвета. Контакт корки с ядром булавы – неровный, извилистый, а в зоне соприкосновения видна тончайшая пленка «закалки». Состав корки – минералогический; определить без шлифа невозможно. Для точного определения состава корки необходимо сделать шлиф и химический силикатный анализ. Предположительно поверхностная корка представляет собой искусственное покрытие, которое наносилось на булаву в пастообразной форме с последующим обжигом и, возможно, полировкой. На существование обжига указывает присущая этому процессу каолинизация шпатов».

Металл. На рубеже эпох ранней и средней бронзы, как и на всем Кавказе, на Северо-Восточном Кавказе фиксируется резкий подъем металлургии и металлообработки, в первую очередь, связанных с бронзой. Материалы раскопок свидетельствуют о широком ассортименте изделий, изготовленных из бронзы. Среди них следующие орудия труда и предметы вооружения: шилья, долота, универсальные клинки, топоры-тесла и топоры втульчатые.

Шилья, одни из простейших металлических орудий труда, найдены в большом количестве на памятниках Приморского Дагестана. В комплексах Великентского могильника I их найдено более 30 экз. (катакомба №1 – 4 экз., №2 – 2 экз., №3 – 2 (рис. 15, 1-2), №4 – 2 экз. (рис. 20, 7-8), №5 – 2 экз., №7 – 1 экз., №11 – 18 экз., №12 – 1 экз.). Самые маленькие шилья имеют длину примерно 5-8 см, наиболее крупные образцы достигают длины 12-15,5 см. На Великентском поселении I (верхний слой) обнаружено 1 бронзовое шило; единично шилья отмечены также в комплексах могильников Манас, Гентал и Утамыш эпохи средней бронзы. Все шилья, найденные в Приморском Дагестане, отличаются прямоугольным стержнем. Шилья можно разделить на два типа: 1) шилья с упором для ручки (рис. 15, 1) и 2) шилья без упора.

Долота с кованой втулкой и сомкнутыми краями найдены в Приморском Дагестане в комплексах Великентского могильника I (катакомба №1 – 3 экз., №4 – 1 экз. (рис. 20, 9), №11 – 1 экз.); по одному подобному долоту происходит из Манасского могильника [Федоров Г.С., 1977, с. 24, табл. I, 10] и разрушенного подкурганного захоронения у пос. Даг.Огни [Исаков М.И., 1966, с. 19, табл. 3, 8]. Все упомянутые долота однотипны и различаются между собой только размерами (длина их колеблется в пределах 7,5-11 см). Долото совершенно другого типа в виде длинного стержня с круглым сечением, четырехгранным насадом и желобчатым рабочим концом, датируемое временем более ранним по сравнению с предыдущими долотами, было найдено в хозяйственной яме на Великентском поселении II.

Довольно многочисленными и обычными находками для памятников Приморского Дагестана в эпоху ранней и средней бронзы являются т.н. универсальные плоскочерешковые клинки, несколько образцов которых были найдены в катакомбах №3 (рис. 15, 3-4) и №4 (рис. 20, 10). Общее их количество, например, в составе инвентаря великентских поздних катакомб достигает до 35 экземпляров, причем только в одной катакомбе №11 их найдено 22 экз. (в других погребениях их поменьше: катакомба №1 – 9 экз., №2 – 2 экз.). Представлены универсальные клинки и на других памятниках Приморского Дагестана – Даг. Огни [Исаков М.И., 1966, с. 19, табл. 3, 10], Утамыш [Котович В.Г. и др., 1980, рис. 7, 8], Манас [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956,

рис. 5,1; Федоров Г.С., 1977, табл. I,12], Гентал [Магомедов М.Г., 1977, табл. II,3]. Встречены клинки и на более ранних памятниках Приморского Дагестана, относящихся к куро-аракской культуре – поселения Великент I, нижний слой; Великент II; Геме-тубе II. Несколько образцов клинков было обнаружено в комплексах Карабудахкентского могильника № 2 [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958, рис. 3,5; 7,12-13].

До сих пор среди ученых нет единого мнения о функциональном назначении этого типа бронзовых изделий. Их относят то к ножам, то к кинжалам, то к наконечникам дротиков и копий, а чаще всего называют универсальными клинками. По всей видимости, разнообразие типологических разрядов внутри клинков объясняется их полифункциональностью. Нет также общепринятой единой классификации клинков. Существующие типологии [Кореневский С.Н., 1978, с. 33-48; Он же, 1985, с. 10-24; Магомедов С.М., 1974, с. 65-71, рис. 19; Мирзосов Р.Н., 1977, с. 39-41; Бритюк А.А., 1996, с. 9-11 и др.] универсальных клинков исходят из разных принципов классификации и особо не стыкуются между собой. По характеру оформления черешка клинки из великентских катакомб делятся на две группы: а) клинки с четко выделенными плоскими черешками (сюда относятся все клинки из рассматриваемых комплексов Великента); б) клинки с плавным переходом лезвийной части в черешок. Последних среди клинков значительно меньше; по своему облику они близки ранним образцам подобных изделий, найденных в культурных напластованиях куро-аракской культуры Приморского Дагестана. По характеру лезвия клинки подавляющим большинством относятся к группе изделий, у которых имеется острый рабочий конец. Лишь один клинок из катакомбы №11 имеет широкое полукруглое окончание. Случайно ли такое оформление лезвийного конца трудно сказать без дополнительного накопления материалов.

Группа бронзовых орудий труда из Великентского могильника I относимых к *теслам*, не так многочисленна и разнотипна как бронзовые клинки. Всего в катакомбах найдено 9 тесел (катакомба №1 – 4 экз. [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 10, рис. 2,12-15]. №4 – 2 экз. (рис. 20,13-14), №11 – 3 экз.), и все они относятся к т.н. привольненскому типу подобных изделий (по общепринятой классификации А.А. Иессена): у них наблюдается заметное расширение

лезвийной части по отношению к пяточной. Подобные тесла широко распространены на Северном Кавказе в материалах северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1960, с. 91, рис. 41,1-5; 1994б, с. 279-280], встречаются в Закавказье [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, табл. XXXVIII,1] и на Украине [Нечитайло А.Л., 1991, с. 81, рис. 34,1-4,7-9]. Бронзовые тесла известны и на некоторых куро-аракских памятниках Северо-Восточного Кавказа (Галгалатли, Тад-Шоб) [Гаджиев М.Г., 1991, с. 191-192, рис. 61,14-15].

Втульчатые топоры помимо катакомбы №4 (рис. 20,15-16) найдены еще в двух катакомбах Великентского могильника I – в катакомбе №1 – 3 экз. [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 9, рис. 2,1-3] и катакомбе №11 – 2 экз. Как установили М.Г. Гаджиев и С.Н. Кореневский, великентские топоры отлиты в литейную форму через литник в спинку предмета [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 9] и по своим типологическим особенностям (круглое или слегка овальное отверстие для ручки, короткая шейка клина, плоская спинка и острое брюшко клина, расширенное в виде лопасти лезвие) не имеют прямых аналогий среди бронзовых втульчатых топоров сопредельных областей [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 9; см. также: Кореневский С.Н., 1981, с. 20-41]. В Дагестане топоры, очень близкие великентским, были найдены в разрушенных подкурганных комплексах у пос. Даг. Огни [Котович В.Г., Котович В.М., 1973, с. 73, 80, рис. 1,2] и ст. Манас [Федоров Г.С., 1977, с. 23, 25, табл. I,14]. Случайные находки подобных топоров также известны из сел. Мекеги, Каякент и Сарларкент, правда, у них отверстие втулки более вытянуто-овальное [Котович В.Г., Котович В.М., 1973, с. 80, рис. 2,1-2]. В миатлинской курганный группе VI (курган 1, погр. №1) был найден миниатюрный бронзовый топор, совершенно отличный от великентских [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, с. 81, табл. III,1]. Из катакомбы №1 Великентского могильника II, относящейся к ранней группе великентских погребальных комплексов, происходит втульчатый топор майкопского облика [Gadzhiev M.G. et al., 1997, fig. 8,4; 18]. Таким образом, мы видим специфичность топоров из поздних великентских катакомб на сравнительном фоне втульчатых топоров Кавказа, – поэтому предлагаем впредь называть их *топорами великентского типа*.

Украшения, принадлежности костюма, предметы культа и искусства. Функциональная принадлежность рассматриваемых здесь артефактов, происходящих из катакомб №№ 3-4, не столь очевидна и вызывает некоторые затруднения при ее идентификации.

Булавки. Бронзовые булавки *прямоствержневой* формы из катакомб №№ 3 (рис. 16,9-10) и 4 (рис. 20,6) имеют многочисленные близкие аналоги по материалам раскопок великентских катакомб. Наибольшее количество (более 30 целых экз.) их найдено в катакомбе №1; по одной такой булавке было найдено в катакомбах №№ 2, 7 и 11; 6 булавок – в катакомбе №11. В катакомбе №8 Великентского могильника подобных булавок не было найдено, а вот в катакомбе №1 могильника II, относящейся также к группе ранних комплексов великентских катакомб, была обнаружена одна булавка *прямоствержневой* формы. В разрушенных погребальных комплексах Великентского могильника III также были найдены подобные булавки (не менее 4 экз.).

Отличительной особенностью анализируемых булавок является прямой стержень с круглым сечением, центральная часть которого расплющена и в ней пробито отверстие. По терминологии М.Г. Гаджиева и С.Н. Кореневского [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 12], такие булавки именуются как «булавки с прямой головкой». По наблюдениям первых публикаторов великентского металла, «отверстие делит булавку как бы на две части: длинную, нижнюю с подостренным концом и верхнюю – головку, более короткую», что вызвано якобы «стремлением удержать украшение головкой верх, когда оно прикреплялось к детали костюма» [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 12-13]. Длина булавок варьируется в пределах от 8,0 до 24,5 см. Вокруг отверстий у многих булавок имеется кратеровидное углубление. Сами отверстия самые разные: у части булавок отверстие круглое аккуратное, у других – подпрямоугольное, у третьих – вытянуто-овальное, у четвертых – щелевидно-пробитое. Интересно, что в некоторых булавках сохранились остатки крученного шнура, сохранившегося, по видимому, благодаря процессу окисления металла. Нижние концы всех булавок – заостренные, а верхние у большей части булавок – округлые. Некоторые крупные экземпляры булавок характеризуются наличием тупых верхних концов. Некоторые булавки имеют искривленный стержень, но не похоже, что это сделано преднамеренно. Подавляющая

часть булавок не носит орнаментации. Несколько булавок из катакомбы №1 украшено: две булавки носят узор выше отверстия, а у одной булавки украшен низ булавки.

Булавки *прямоствержневого* типа пока не имеют практически никаких аналогий на Кавказе, но имеются многочисленные параллели им в древностях эпохи средней бронзы из Восточного Средиземноморья (Газа, Иерихон, Мегиддо, Фара и т.д.) [Schaeffer Cl., 1948, fig. 119, 1-31; 123, 6, 10, 25, 29; 125, 15, 17; 133, 2-6, 19-24; 142; 143; 207, 26, 27].

Другая многочисленная группа великентских бронзовых булавок – это *посоховидные булавки*. Они отличаются от предыдущих украшений тем, что верхняя часть булавки изогнута в дугу (по Гаджиеву М.Г. и С.Н. Кореневскому, они названы как «булавки с изогнутой головкой»). Общее количество подобных булавок, обнаруженных в катакомбах, доходит до 30 с лишним экз., правда, не все булавки сохранились полностью. Большинство булавок относится к катакомбе №1, 6 булавок найдено в катакомбе №11, 2 булавки – в катакомбе №12. Обломок одной подобной булавки был найден также при разрушении катакомбы №3, но ныне утерян. В ранней катакомбе №1 Великентского могильника II наряду с *прямоствержневой* булавкой найдена и одна *посоховидная* булавка. Средняя длина булавок равна 15-20 см, некоторые крупные экземпляры имеют длину до 23-24,5 см. Центральные отверстия на булавах оформлены аналогично *прямоствержневым* булавам. Дуговидные головки булавок, в отличие от их стержней, несколько уплощены, а самый конец заострен. По характеру изогнутых головок данные булавки делятся на несколько типов: а) с слабо-согнутой головкой; б) с сильно-согнутой головкой; в) с закрученной в колечко головкой. Первый тип булавок немногочислен – они найдены в катакомбах №№ 1, 11 и 12. Отличительной особенностью этих булавок является отсутствие на них, за исключением одного экземпляра из катакомбы №1, орнамента. Практически все булавки второго типа украшены рельефным узором в виде «линий-разделителей, зигзагов-змеек, а также спиралеобразно закрученных линий, наподобие широко известного мотива «бегущей эгейской спирали» [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 13]. Орнамент размещен на стержне выше отверстия и на дуговидной головке. Аналогично *прямоствержневым*, *посоховидные булавки* также иногда сохраняют в отверстиях обрывки крученного шнура.

Аналогии великентским посоховидным булавкам нам пока неизвестны. Т.н. «посоховидные» булавки новосвободненской группы памятников, а также северокавказской культуры принципиально отличаются от великентских и, по всей видимости, имеют другое происхождение.

Браслеты. Оригинальную группу украшений, обнаруженных на могильниках Приморского Дагестана в большом количестве, составляют бронзовые одновитковые браслеты. Незначительное количество браслетов сделано также из серебра довольно плохого качества. Однако в катакомбах №№ 3 и 4 браслеты представлены очень бедно (рис. 16, 27-28; 20, 3, 5).

В настоящее время одновитковых браслетов на памятниках Приморского Дагестана известно более 70 экз., значительная часть из них обнаружена при раскопках великентских поздних катакомб. Больше всего одновитковых браслетов найдено в катакомбе №1 (более 30 целых экз. и значительное количество обломков) и катакомбе №11 (14 целых экз. и фрагменты еще не менее 5 браслетов); в составе инвентаря катакомбы №2 — 4 целых браслетов и обломки нескольких экземпляров; в детской катакомбе № 12 найдено 8 браслетов. Концы браслетов бывают несомкнутыми, сомкнутыми впритык и заходящими друг за друга. У части браслетов концы имеют утолщения (рис. 20, 5), иногда оформленные копытцеобразно; у других они округлены или же заострены. По характеру стержня браслеты делятся на два варианта: а) браслеты из круглого или овального в сечении стержня и б) браслеты из плоского стержня. Браслеты последнего вида незначительны. Характерным признаком значительного количества великентских браслетов является наличие утолщения — своего рода бугорка на тыльной стороне симметрично концам браслета. Подобные браслеты — самые массивные среди одновитковых браслетов. Диаметр наиболее крупного экземпляра доходит до 7,8х8,3 см. Серия браслетов из катакомбы №12 отличается маленькими размерами — диаметр их в среднем в пределах 4-5 см. Среди одновитковых браслетов из великентских катакомб попадаются экземпляры, изготовленные из серебра. Интересно, что именно на подобных браслетах, правда, сохранившихся фрагментарно, имеется орнамент в виде параллельных насечек вдоль утолщения в центре браслета.

Вместе с булавками с выделенной головкой и полой перекладиной в качестве общих коррелирующих находок великентских катакомб и беденской группы ранних курганов М.В. Рысин указывает еще на бронзовые браслеты «в один оборот с утолщениями на корпусе» [Рысин М.В., 1996, с. 84, рис. (№1) к статье]. Действительно, в Цнорском кургане 2 были найдены два серебряных браслета, которые своим силуэтом очень напоминают великентские браслеты с утолщениями на концах и в середине корпуса [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 43, табл. XIV, 7]. На наш взгляд, цнорские браслеты все же не совсем аналогичны великентским браслетам, т.к. они совершенно другого типа — полые разъемные. Великентские же браслеты, обнаруженные в большом количестве и разнообразии в ряде катакомб поздней группы (№№1-2, 4-5, 11-12 — среди них есть и серебряные экземпляры и есть украшенные аналогично цнорским), изготовлены исключительно из сплошного прута различного сечения [см.: Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 17, рис. 8].

Подвески. Бронзовые подвески височные в 1,5 оборота из круглого стержня — наиболее распространенная форма мелких украшений, встречаемых не только в великентских катакомбах [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 17-19, рис. 8, 31-60], но и в других погребальных комплексах эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа [Магомедов Р.Г., 1998, с. 119-120, рис. 118, 1-48]. Среди огромной массы подобных подвесок из бронзы, найденных в Великенте, присутствуют и несколько образцов из золота (катакомба №11). В нескольких катакомбах Великента также попадались височные подвески в 1,5 оборота, обернутые поверх бронзовой основы тонкой золотой фольгой.

В трех великентских поздних катакомбах №№ 2, 4 (рис. 20, 2) и 5 найдены миниатюрные украшения — бронзовые лопаточкообразные подвески. Подобные подвески известны на некоторых памятниках гинчинской культуры [Магомедов Р.Г., 1998, с. 120, рис. 117, 26-28], но более характерны для северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1994б, с. 282; Кореневский С.Н., 1984, рис. 15-18].

Наиболее оригинальным видом украшений, обнаруженных при раскопках поздних великентских катакомб, являются бронзовые подвески якоревидной формы. Всего их найдено около 20 экз., большая часть в

катакомбе №1 [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 13-14, рис. 5]; одна подвеска происходит из катакомбы №4 (рис. 20,4) и 4 экз. — из катакомбы №11. По классификации М.Г. Гаджиева и С.Н. Кореневого, якоревидные подвески делятся на две неравные группы: 1 тип — якоревидные подвески с узким длинным стержнем (большая часть подвесок) и 2 тип — подвески с широким коротким стержнем (2 экз.). Подвески последнего типа не украшены и отличаются меньшими размерами по сравнению с подвесками 1-го типа.

Якоревидные подвески 1-го типа, один образец которых был найден при разрушении катакомбы №4, богато украшены рельефным узором в виде имитаций шнура вдоль стержня, змейки-зигзага под ними и спиральных кругов в сочетании шишечками по серповидной части подвески. Наиболее крупные подвески достигают до 10-11,5 см высоты и 7-8 см размаха крыльев серповидной части. Главный тип великентских якоревидных подвесок с их пышной орнаментацией и большими размерами практически не имеют аналогий за пределами Великентского комплекса памятников. Якоревидные подвески меньших размеров, в том числе украшенные, но по-другому, нежели великентские образцы, известны в материалах миатлинских курганов [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, с. 83, табл. IV,1; Костюченко И.П., 1959, с. 90, табл. I,8,9], памятников северокавказской к.и.о. [Нечитайло А.Л., 1978, с. 99, рис. 39,74], а в Закавказье они найдены в комплексах куро-аракской культуры [Чубинишвили Т.Н., 1963, рис. 14,17; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, рис. 43,13-14].

Пронизи. В ряде поздних катакомб Великентского могильника I найдены бронзовые литые длинные *трубчатые* *пронизи* с *трехгранным* сечением и с *утолщением в центре* [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 16-17, рис. 7,1-23]. Всего их найдено около 30 экз., причем более 20 происходит из катакомбы №1, остальные — из катакомб №№ 3 (рис. 16,29), 4 и 11. М.Г. Гаджиев и С.Н. Кореневский выделяют данные пронизи по принципу наличия у них прямых окончаний трубки; между тем, на наш взгляд, здесь более важны такие особенности этих украшений, как трехгранность трубки и утолщение в центральной части, а также орнамент в виде рельефной змейки-зигзага по граням. Размеры пронизей колеблются в пределах 7-10 см длины и 1,2-1,5 см диаметра трубки. Только одна пронизь из катакомбы № 1

выделяется меньшими размерами — она наполовину короче по сравнению с другими трубчатыми пронизями. За пределами Великента трубчатые трехгранные пронизи с орнаментом совершенно неизвестны.

В катакомбах № 3 и 4 найдены *пронизи-спирали*, скрученные из металлической (бронза) ленты (рис. 16,1-4,7-8) или круглой тонкой проволоки (рис. 16,5-7). Подобные украшения найдены почти во всех поздних катакомбах, но наибольшее количество их связано с комплексами катакомб №№ 1 [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 17, рис. 7,38-44] и 11. Спираль, изготовленные из широкой ленты, делятся на два варианта: а) из ленты с продольным ребром жесткости и б) из гладкой ленты. Размеры спиралей различны: некоторые крупные образцы имеют длину до 14-15 см, а диаметр — до 1,5 см.

В Приморском Дагестане спиральные пронизи обнаружены и в ранних катакомбах великентских могильников I-III, а также в слое поселения Геме-тубе II [Гаджиев М.Г., 1991, рис. 60,15]. Надо отметить, что для памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа спирали являются довольно типичными украшениями; они обнаружены на могильниках Манас [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, рис.3а, 10-14; Федоров Г.С., 1977, табл. I,7] и Карабудахкент [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1959, рис. 7,2-3], а также на памятниках гинчинской культуры [Магомедов Р.Г., 1998, с. 122-123, рис. 119,1-24].

Медальоны. В катакомбе №4 школьниками был найден и бронзовый медальон дисковидной формы, украшенный тремя концентрическими зигзагообразными линиями (к сожалению, находка утеряна). Следует отметить, что в коллекции украшений великентских катакомб медальоны особо выделяются, большая часть их найдена при расчистке катакомб №№ 1 [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 15, рис. 6,1-11] и 11 могильника I. По типологическим признакам великентские медальоны делятся на: 1) дисковидные; 2) кольцевидные и 3) кольцевидные с крестовидной перекладиной. Дисковидных медальонов найдено очень мало — помимо катакомбы №4, они известны по одному экземпляру в катакомбах №№ 1 и 11. Последние украшены пышным орнаментом. Образец из катакомбы №11 отличается очень большими размерами — его диаметр равен 8,5 см.

Великентские медальоны заметно отличаются по своим размерам и пышному орнаменту от подобных украшений, найденных

на памятниках гинчинской культуры [Магомедов Р.Г., 1998, с. 121-122, рис. 117, 11-16]. Бронзовые медальоны самых различных форм и размеров широко распространены на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы [Марковин В.И., 1960, с. 97; Он же, 1994б, табл. 77, 10-11, 18; 78, 9, 13-14 и др.; Нечитайло А.Л., 1978, с. 95; Кореневский С.Н., 1984, рис. 12, 15-16, 18, 24] на памятниках северокавказской к.и.о. По мнению А.Л. Нечитайло, дисковидные медальоны более древние, чем кольцевидные и их разновидности [Нечитайло А.Л., 1978, с. 69; 1991, с. 85].

Бусы. При раскопках погребальных памятников Приморского Дагестана пост куроаракского времени, особенно на Великентском комплексе, обнаружена огромная коллекция украшений – бус. Небольшая серия бус зафиксирована и в катакомбе №3 (рис. 17). Выше уже говорилось о том, что указанные бусы представляют лишь незначительную часть от общего количества подобных украшений, которых в данных катакомбах было первоначально положено. Обычно бусам, легко крошащимся в руках и быстро теряющимся в грудах могильной земли, уделяют мало внимания при разрушении и ограблении катакомб.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на характеристике всех типов бус, т.к. они составляют стандартный набор украшений подобного рода почти всех погребальных комплексов эпохи средней бронзы Северного Кавказа, да и Закавказья. Следует уточнить, что по сравнению с закавказскими наборами бус этого же времени дагестанские коллекции характеризуются некоторыми особенностями, такими как полное отсутствие бус из драгоценных металлов, превалирование украшений, изготовленных из *насты*, *гагата* и *сердолика*. Кроме последних, среди материалов, из которых делали бусы, можно перечислить еще *бронзу*, *сурьму*, *кость*, *горный хрусталь*, *керамику*, *раковину*, *янтарь* и т.д.

К сожалению, у нас очень мало данных о закономерностях размещения украшений относительно тела покойников, т.к. погребальные комплексы Приморского Дагестана, да и всего Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы из-за коллективности и многократности захоронений бывают сильно потревоженными; украшения редко остаются в *in situ*. Также у нас мало сведений о характере костюма и наборе его принадлежностей.

Итак, анализ показывает, что материалы обеих катакомб очень близки между собой, и, скорее всего, синхронны.

Датировка и культурная атрибуция комплексов

Вопросы датировки и культурной атрибуции материалов Великентского могильника I все больше приобретают определяющую значимость для решения проблем общей хронологии и периодизации раннего и среднего этапов бронзового века Северного Кавказа. Это объясняется несколькими важными обстоятельствами:

а) наличием в Великенте единого комплекса близкорасположенных и разнохарактерных объектов (3 поселения и 2 могильника), относящихся к одним и тем же культурно-хронологическим разрядам в иерархии памятников бронзового века Северо-Восточного Кавказа, и взаимно дополняющих друг друга;

б) исключительным разнообразием и богатством погребального инвентаря, позволяющим делать аргументированные формально-типологические и хронологические выкладки на основе обширной и репрезентативной подборки статистических данных;

в) узловым историко-географическим положением великентских памятников, где на фоне мощного местного куро-аракского субстрата и возникших на его базе среднебронзовых археологических образований зафиксированы самые различные инокультурные влияния и контакты (майкопской, северокавказской и предкавказской катакомбной культур Северного Кавказа; алазано-беденской, триалетской и, возможно, севано-узерликской культур Закавказья и т.д.).

Однако при определении хронологии Великентского могильника I, как и других могильников Великента, встречается и такая объективная трудность, как открытость погребальных комплексов – катакомб с коллективными захоронениями, подвергшихся сильным разрушениям и основательным ограблениям в древности и в наши дни.

Первоначально разнообразные случайные находки из разрушенных погребений Великента, в первую очередь, глиняные сосуды, воспринимались целиком сквозь призму известного Великентского поселения (I), относились к куро-аракской культуре и априори датировались в рамках эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.). С открытием богатейшей коллекции бронзовых изделий из катакомбы №1 могильника I в 1979 г. ситуация кардинально изменилась. На основе многочисленных кавказских, а также ближневосточных аналогий бронзовым предметам

Великентского могильника I дата всего комплекса была дана достаточно широко: в пределах конца III – начала II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 26-27]. Раскопки М.Г. Гаджиева на Великентском, а также других прикаспийских поселениях (Геме-Тюбе I, Мамай-Кутан), традиционно относившихся к куро-аракской культуре, показали, что верхние горизонты указанных памятников содержат очень близкий катакомбам материал. Это позволило выделить т.н. *великентскую группу памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа* [Магомедов Р.Г., 1985а, с. 221-223; см. также: Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 26]. Вместе с тем, на Великентском могильнике I, как уже указывалось, еще в 1983 г. была расчищена катакомба №8, содержащая огромное количество глиняных сосудов (около 500 форм), идентичных керамике нижних горизонтов вышеупомянутых прикаспийских поселений. В результате было предложено удревнить нижнюю дату Великентского могильника I до середины III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1984, с. 4] или даже считать ее в рамках первой половины III тыс. до н.э., а основную массу катакомб отнести ко второй половине III – началу II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990, с. 15-16].

Следует отметить, что такая датировка погребальных комплексов Великента удовлетворила не всех исследователей. Так, М.В. Рысин предложил укоротить «слишком, – на его взгляд, – «растянутую» датировку для материала из великентской катакомбы, противоречащую позднему облику украшений и внутреннему единству комплексов» [Рысин М.В., 1990а, с. 15-16; см. также: 1990б]. Однако вряд ли будет методически верным распространение даты (1900-1750 гг. до н.э.) бронзовых булавок стержневидной формы, аналогичных великентским, на весь комплекс находок катакомбы №1. Уже не раз обращалось внимание на искусственное сужение М.В. Рысином круга аналогов тех же булавок (сиро-палестинские памятники – Библ, Угарит, Рас-Шамра, Тарс, Газа и др., где известны подобные украшения, могут датироваться широко в пределах 2300-1600 гг. до н.э.), несколько странное омоложение датировки алазанско-беденской культуры с привязкой к «узкой» дате великентской катакомбы №1, а также игнорирование очень ранних комплексов на самом Великентском могильнике I [см.: Корневский С.Н., 1992, с. 96-101; Магомедов Р.Г., 1993, с. 9-10].

Недавно М.В. Рысин развил далее свою старую концепцию «синхронизации культурно-хронологических периодизаций памятников обоих склонов Кавказа», основанную «на выявлении импортов и их подражаний» и по существу пересмотрел собственную датировку великентских катакомб в сторону ее удревления в рамках 2200-1900 гг. до н.э. [Рысин М.В., 1996, с. 83-84, рис. 1-2]. Новая дата великентских катакомб получена автором при помощи сопоставления, с одной стороны, импортной керамики, бронзовых булавок с грушевидной головкой и бронзовых браслетов с утолщениями на корпусе с инвентарем беденской культуры, а, с другой стороны, бронзовых кольцевидных медальонов, якоревидных и ложечковидных подвесок, литого полусферического колпачка с двумя отверстиями, литых пронизок с манжетовидными утолщениями, подвесок-разделителей с аналогичными изделиями ранней и поздней фаз развития металлообработки средне-бронзового века Кабардино-Балкарии (по схеме С.Н. Корневского). Хотя и такие временные рамки, на наш взгляд, «тесны» для обширных и открытых коллекций подавляющей части великентских катакомб, но все же они более реальны по сравнению со старой точкой зрения М.В. Рысина на эту проблему. По видимому, общекавказская тенденция удревления ранних этапов периодизации бронзового века, наиболее выпукло и, может быть, небесспорно поданная в работах Г.Л. Кавтарадзе [1987, с. 10-16; 1992] и В.А. Трифонова [1996, с. 43-49], повлияла и на хронологические разработки М.В. Рысина. Напомню, что В.А. Трифонов предлагает датировать ранние великентские катакомбы в пределах 2900-2500 гг. до н.э., а поздние катакомбы (в ранге великентской культуры) в рамках следующего хронологического горизонта – 2500-2100 гг. до н.э. [Трифонов В.А., 1996, 47-48]⁸.

К сожалению, не все исследователи воспринимают великентские катакомбы как очень сложное культурное явление, развивавшееся на протяжении длительного времени в рамках нескольких этапов археологической периодизации бронзового века Северо-Восточного Кавказа. В качестве примера можно привести синхронистическую таблицу

⁸ Однако в синхронистической таблице, приложенной к тезисам доклада В.А. Трифонова, великентские катакомбы отнесены наряду с гинчинской культурой к 2750-2100 гг. до н.э. [см.: Трифонов В.А., 1996, табл.].

в статье Л.И. Авиловой, Е.В. Антоновой и Т.О. Тенейшвили, в которой Великент включен в среднебронзовый век Северного Кавказа с временными границами 2800/2600 – 1900/1700 гг. до н.э. [Авилова Л.И. и др., 1999, с. 52, табл. I]. Здесь не очень понятно, какой Великент авторы имеют в виду, т.к. Великентский комплекс включает 5 памятников. Правда, по логике построения таблицы, видно, что в данном случае речь может идти о великентских катакомбах: во-первых, «Великент» выведен за рамки «Куро-аракса»; во-вторых, статья посвящена металлургическому производству в южной зоне Циркумпонтийской провинции и, естественно, авторы, прежде всего, опирались на великентские катакомбы, известные большим количеством и разнообразием бронзовых предметов.

Датировку великентских поздних катакомб второй половиной III – началом II тыс. до н.э. подкрепляют калиброванные радиоуглеродные даты, полученные в различные годы по великентским образцам проб в лаборатории Аризонского университета (США). Некоторые из них относятся к верхним слоям Великентского поселения I, синхронным материалам великентских поздних катакомб: 1) (AA-15103) 3900±65 л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2865-2505 гг. до н.э., 2 сигма – 2576-2200 гг. до н.э.); 2) (AA-21283) 2578-1923 BC (с калибровкой, 2 сигма); 3) (AA-21286) 2335-1870 BC (с калибровкой, 2 сигма) [Гаджиев М.Г. и др., 1996б, с. 50; Gadzhiev M.G. et al., 1997, p. 218]. По костным материалам из катакомбы №11, очень близкой по инвентарю катакомбам №1 и 3, получена также дата, лежащая в аналогичных временных пределах: (AA-27353) 3980±50 л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2577-2463 гг. до н.э.; 2 сигма – 2851-2367 гг. до н.э. [Гаджиев М.Г. и др., 1998, с. 61].

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

В настоящее время все известные великентские катакомбы делятся на две группы: ранняя и поздняя. К *первой (ранней) группе* относятся катакомба №8 (могильник I, раскопки 1983 г.), катакомба №1 (могильник II, 1994-1995 гг.) и катакомба №1 (могильник III, 1994 г.) [Гаджиев Ш.М., 1999, с. 45-46.]. Несмотря на различное состояние сохранности этих катакомб в момент их раскопок, можно выделить некоторые общие черты их конструкций: а) «Т»-образное соединение входной ямы и камеры; б) ступенчатое соединение входного лаза (дромоса) с камерой. Две катакомбы (№8 могильника I и №1 могильника II) близки между собой одинаковой меридиональной ориентацией оси входной ямы, дромоса и камеры (третья катакомба из этой группы отличается ориентацией по линии СВ-ЮЗ), а также наличием своеобразных выступов-углов у входа в камеру. Входные лазы закрывались каменными плитами (не потревоженной найдена только одна). К сожалению, о погребальном обряде, характерном для этой группы погребений, мы можем судить только с учетом сильных изменений и разрушений, которым они подверглись в древности и в наше время. Как и для всех великентских катакомб, для выделяемой группы свойственны массовые человеческие захоронения, производившиеся в течение длительного времени; они сопровождались большим количеством погребального инвентаря, в особенности керамики.

Точное количество погребенных не известно: в катакомбе №8 (могильник I) зафиксировано 48 человеческих черепов, – при этом надо отметить, что разрушенные и перемешанные костяки были обнаружены во входной яме катакомбы; в катакомбе №1 могильника II найдено не менее 20, а в третьей катакомбе (№1, могильник III) – не менее 3 черепов. Для всех великентских катакомб, в том числе и для описываемых, типично отсутствие строго выдержанной позы и ори-

ентации покойников. Возможно, это является следствием не только длительного использования катакомб в качестве коллективных родо-семейных усыпальниц с постоянными передвижениями по камере скелетов с их инвентарем, но и последующих ограблений и разрушений, не оставляющих в *in situ* последних покойников, погребенных, как правило, в скорченном положении.

Ранние катакомбы отличаются очень большим количеством и разнообразием керамической посуды, которая в двух катакомбах (№8 могильника I и №1 могильника III) как бы «складирована» вдоль стен. Следует также отметить использование в погребальном обряде катакомб органических подстилок, после которых фиксируется коричневатый тлен, присыпку захоронений угольками, мелом, реже кусочками охры, а также засыпку пола мелкой щебенкой. Инвентарь данной группы катакомб состоит в основном из керамики (причем, в катакомбе №8 могильника I найдено около 500 сосудов, в катакомбе №1 могильника II – более 40 сосудов, а в катакомбе №1 могильника III – около 80), а также небольшого количества украшений (бусы, подвески, пронизки, браслеты, булавки и т.д.), оружия (булавы, ножи-кинжалы и топор), орудий труда (шилья) и предметов культового характера (модель колеса) из пасты, камня, раковины, кости, керамики и бронзы (единичны вещи из золота и серебра). Керамические коллекции из всех трех катакомб очень близки друг другу по составу и характеру представленных сосудов. Вся посуда отличается выработанностью пропорций и стандартностью форм, характерных для ранних памятников куро-аракской культуры Северо-Восточного Кавказа (Мекеги, Галгалатли, ранние слои Великента I, Геме-тубе I-II и т.д.). Обращает на себя внимание полное отсутствие обмазанной керамики, что также говорит о возможной датировке этой группы катакомб временем ранее середины III тыс. до н.э. (в поздних катакомбах такая керамика отмечена). Не встречен в описываемых погребениях и алазано-беденский импорт, присутствующий в коллекциях находок поздней группы великентских катакомб. Теперь чисто археологическая датировка ранних катакомб может быть дополнена и радиоуглеродной датой – AA-15104, полученной для катакомбы №1 могильника III – 4079 ± 74 л.н. (с калибровкой: 1 сигма – 2865-2505 гг. до н.э.; 2 сигма – 2879-2474 гг. до н.э.) [Гаджиев М.Г. и др., 1996б, с. 50].

Картография погребений ранней группы особой информацией нам не дает. Открыты они на всех трех великентских могильниках по одной, причем на двух могильниках (II и III) они пока что являются единственными зафиксированными погребальными конструкциями. Но на обоих могильниках есть много материала из разрушенных погребений, которые показывают, что и на этих могильниках вполне могут быть открыты катакомбы поздней группы.

Катакомбы поздней группы представлены более многочисленно по сравнению с ранней группой. К сожалению, только 6 из них располагают более или менее полными планами, которые позволяют анализировать адекватно особенности погребального обряда. Это – катакомбы №№ 2 (1983 г.), 3 (1982 г.), 5 (1984 г.) и 11-12 (1997 г.). Из них одна катакомба (№5) сохранилась очень плохо – исследована только камера. Наши попытки корреляционного анализа конструктивных деталей этих катакомб показали, что особых закономерностей в этом плане трудно уловить, видимо, из-за слишком малого количества представленных катакомбных конструкций. Тем не менее, считаем полезным привести здесь некоторые наблюдения (рис. 21). Все катакомбы поздней группы, за исключением катакомб №9 и №5 (нет данных), отличаются «Т»-образным соединением подпрямоугольных колодцев с погребальными камерами яйцевидной или почковидной формы посредством входного арочного лаза (дромоса). Выше мы уже отмечали, что все катакомбы ранней группы также имели «Т»-образное соединение входных ям (колодцев) с камерами.

Анализ ориентации осевой линии катакомб, проведенной через колодец, дромос и камеру, показывает, что наиболее преобладающей осевой ориентацией катакомб поздней группы является северо-восточный сектор азимутального круга (3 катакомбы – №№ 2-3 и 5), на юго-восточный сектор приходится одна катакомба (№11) и две катакомбы (№№ 9 и 12) – на юго-западный сектор. Напомним, что две ранние катакомбы (№8 могильника I и №1 могильника II) имели близкую ориентацию осевой линии в северо-западном секторе азимутального круга, а 3-я ранняя катакомба (№1 могильника III) располагалась в северо-восточном секторе. Итак, большая часть великентских катакомб ранней и поздней групп отличается северной ориентацией осевых линий.

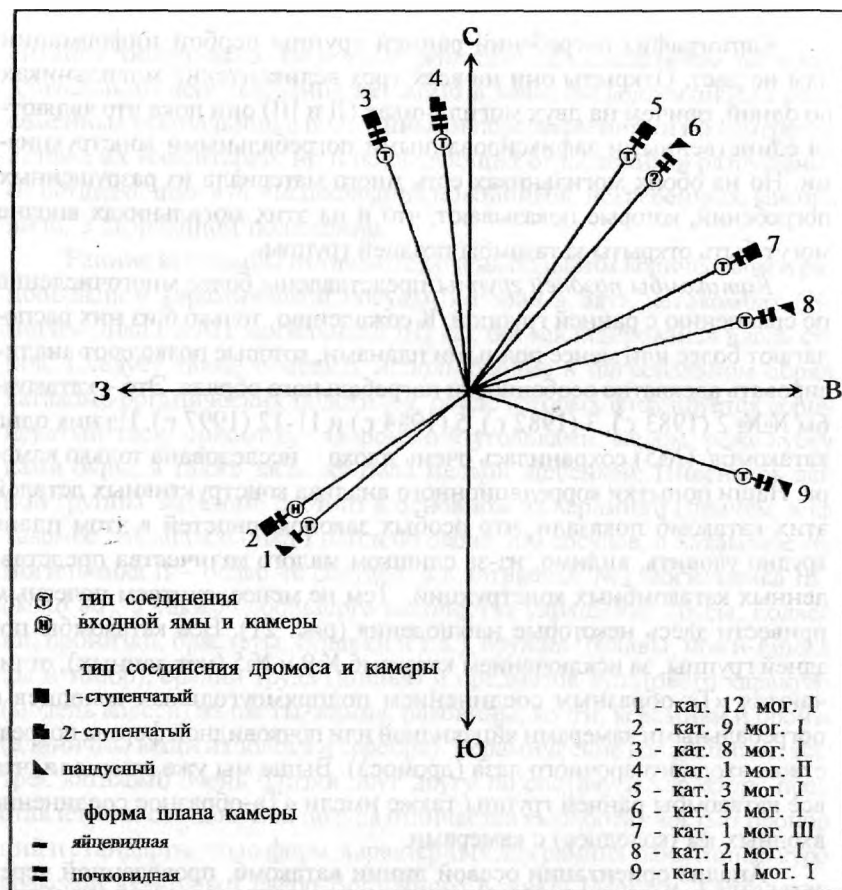

Рис. 21. Корреляция параметров (азимут осевой линии входной ямы, дромоса и камеры; тип соединения входной ямы и камеры; тип соединения дромоса и камеры; форма плана камеры) катакомбных конструкций великентских могильников I-III

Рассмотрим еще два параметра анализа катакомбных конструкций – способ соединения входного лаза (дромоса) с погребальной камерой (ступенька, пандус) и форма плана камеры. По первому параметру большая часть поздних катакомб (4 из 6) характеризуется пандусным спуском в камеру (катакомбы №№ 2, 5, 11 и 12), две катакомбы (№№ 3 и 9) имеют одноступенчатое соединение дромоса и камеры.

По форме плана камеры все катакомбы, включая и ранние, делятся на две группы: а) катакомбы с яйцевидной формой плана камеры и б) катакомбы с почковидной формой. Из ранней группы две катакомбы, которые характеризовались северо-западной ориентацией осевой линии, имели камеры почковидной формы, а третья (катакомба № 1 могильника III) – яйцевидной формы. Из поздних катакомб половина имеет яйцевидные камеры, а остальные – почковидную, но среди последних больше конструкций, сочетающих такую форму плана камеры с пандусным соединением дромоса и камеры (катакомбы №№ 2, 5 и 11).

В заключение описания и анализа погребальных конструкций добавим, что только две катакомбы из поздней группы (№№ 3 и 11) сохранили в неповрежденном состоянии закладную плиту, но практически во всех остальных катакомбах и в колодцах, и лазах (дромосах) и камерах находили каменные плиты (иногда от 2 до 5), которые, по всей видимости, были предназначены для закрытия входных лазов, но в процессе ограблений, разрушений оказались сдвинутыми с места.

Классификация катакомб по размерам (максимальная ширина – максимальная длина) их погребальных камер дала три группы (рис. 22):

I группа – камеры маленьких размеров. Сюда относятся катакомбы №1 могильника III (1,13х1,70 м) и №9 могильника I (1,68х2,18 м).

II группа – камеры средних размеров: катакомбы №12 могильника I (2,30х2,95 м), №3 могильника I (2,25х3,4 м), №1 могильника II (2,75х3,90 м), №8 могильника I (2,85х4,25 м).

III группа – камеры больших размеров: катакомбы №2 могильника I (4,0х6,15 м), №11 могильника I (4,38х6,40 м) и №5 могильника I (5,20х7,45 м).

Как видно из графика, есть прямая пропорциональная связь между шириной и длиной камер. Интересно, что такое распределение катакомб на различные группы коррелируется с некоторыми другими параметрами катакомб. Например, в группу III попали исключительно катакомбы, характеризующиеся почковидной формой камеры и пандусным соединением входного лаза (дромоса) и камеры (катакомбы №№ 2, 5 и 11 могильника I). Все эти катакомбы, помимо этого, сближаются преобладающей ориентацией осевых линий в восточную сторону азимутального круга. В группе II тоже есть заметная закономерность: в нее попали три катакомбы (№№ 3 и 8 могильника I и №1 могильника

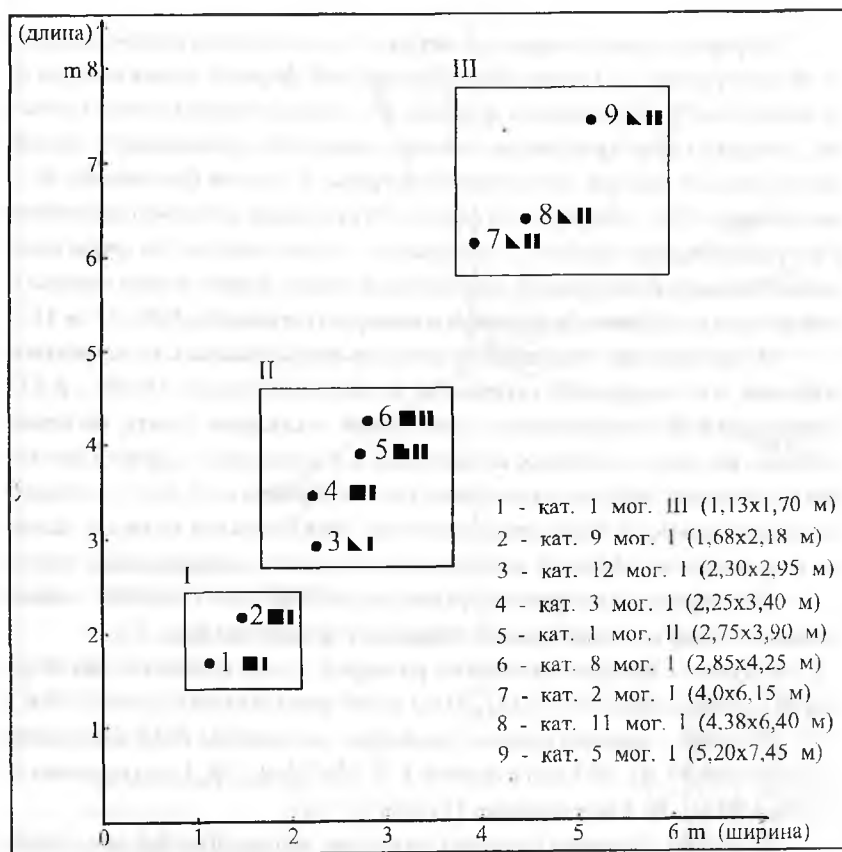

Рис. 22. Классификация погребальных камер великентских катакомб по их размерам (соотношение «длина – ширина»)

II), которые на азимутальном круге ориентированы осевыми линиями на СЗ и СВ и характеризуются ступенчатым соединением входного лаза (дромоса) и камеры. Две катакомбы из этой тройки имели почковидную форму камеры, а катакомбы №№ 3 и 12 – яйцевидную форму камеры. В группе I мы видим две катакомбы – №9 могильника I и №1 могильника III, которые имеют одинаковую форму (яйцевидную) камеры и ступенчатое соединение входного лаза (дромоса) и камеры. Правда, по ориентации осевых линий эти катакомбы прямо противоположны

(катакомба №9 – ЮЗ, №1 могильника III – СВ). Еще одна закономерность, вытекающая из классификации катакомб по размерам их камер: все известные катакомбы, имеющие яйцевидную форму, выстроились в нижней части графика, а катакомбы с почковидной формой камеры сконцентрировались в верхней части графика.

Катакомба №3 Великентского могильника I среди других катакомб отличается тем, что, во-первых, именно по ней установлена катакомбная форма погребальной конструкции на Великентском могильнике I, и, во-вторых, она является единственной катакомбой, где в более или менее хорошем состоянии сохранились костяки последних захороненных в камере людей, позволяя восстановить в общих чертах погребальный обряд, практиковавшийся в Великенте в эпоху бронзы⁹.

Катакомба №3 относится к типу «Т»-образных конструкций, осевая линия ориентирована в СВ секторе азимутального круга. Контур входной ямы-колодца подпрямоугольной формы с заметно округленными углами был выявлен на глубине 0,25-0,30 м от дневной поверхности. Размеры ямы: длина – 1,90 м, ширина – 0,90-1,10 м, зафиксированная глубина – 0,90-1,00 м.

Итак, катакомбы №№ 3 и 11 Великентского могильника I, наиболее сохранившиеся погребальные конструкции поздней группы, дают достаточно полное представление о характере функционирования могильника в целом и особенностях погребального обряда. Несмотря на отсутствие курганных насыпей поверх катакомб, очевидно, что длительное использование этих конструкций в качестве родо-семейных усыпальниц невозможно было без определенных обозначений на дневной поверхности. Кроме того, в пользу этого говорит и картография катакомб: ни в одном случае могильные конструкции не накладывались друг на друга. По всей видимости, входные ямы (колодцы) катакомб после закрытия лазов закладными плитами оставались пустыми. Стенки колодцев большинства катакомб имеют относительно ровные

⁹К сожалению, в описаниях данной катакомбы в разных публикациях допущены досадные ошибки. Например, в тезисах доклада «Великентские катакомбы» на Всесоюзном семинаре «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности» в г. Запорожье, размеры входной ямы-колодца и камеры увеличены ровно в 2 раза [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990, с. 14]. План катакомбы № 3, опубликованный В.И. Марковым в соответствующем разделе тома «Ранняя и средняя бронза Кавказа» 20-томной «Археологии», искажен и дает неадекватное представление о погребальной конструкции катакомбы [Марковин В.И., 1994в, табл. 97,Б].

поверхности, которые, видимо, были невозможны в случае постоянной засыпки землей входных ям после водружения закладных плит дромосов. Сейчас трудно сказать, какого характера были перекрытия входных ям. Возможно, они представляли собой деревянные навесы, а может быть, были сделаны с использованием каменных плит.

Для закрытия входных лазов катакомб, как показывают материалы раскопок, подбирались большие каменные (известняк, ракушечник) плиты, которые в необходимых случаях подвергались легкой обработке. Так, плита из катакомбы №3 имела вдоль одного края профилированное углубление в виде желоба, а углы с задней стороны были округлены. Обработке была подвергнута и плита из катакомбы №11 – она имела правильную подпрямоугольную форму, хорошо подходившую к размерам и пропорциям проема входного лаза в камеру. Все щели вдоль закладных плит тщательно закрывались мелкими камнями, замазывались глиной.

Как уже говорилось выше, великентские катакомбы отличаются большим количеством захороненных. Охарактеризованные катакомбы показывают некоторые особенности процесса захоронения. Покойников укладывали, в первую очередь, вдоль стенок камеры в скорченном положении без преобладающей ориентации в сопровождении определенного набора инвентаря. По мере наполнения камеры вдоль задней и боковых стенок, как показывают данные, умерших клали в центральной части камеры и далее ближе к входу в камеру. Систематическое перемещение покойников внутри камеры с последующим освобождением места для новых захоронений создавало сплошные завалы человеческих костей вперемешку с инвентарем, особенно вдоль задней и боковых стенок камеры. В некоторых случаях (катакомбы №№ 2, 5, 11) отмечалось стремление складывать отдельно человеческие черепа. Только в одной катакомбе (№3) удалось зафиксировать в *in situ* костяк последнего захороненного – он был помещен в скорченном положении лицом к входу в камеру. Видимо, такое положение умершего в данной катакомбе объясняется тем, что остальная площадь камеры уже была занята ранее умершими и многочисленным сопровождающим их инвентарем. В последующем, по всей видимости, и этот костяк был бы смещен со своего места и передвинут вглубь камеры, освобождая место для последних умерших. Как показывают

материалы раскопок катакомбы №11, пока в камере оставалась более или менее пустая площадь, то часть камеры, примыкающая непосредственно к входу в камеру, оставалась незанятой. Следует обратить внимание и на то, что именно в этой катакомбе впервые в практике раскопок великентских могильников установлен факт захоронения покойников попарно вдоль стенок камеры. К сожалению, при этом не было возможности выявить точное количество погребенных по ярусам и расчлениить найденный инвентарь по определенным скелетам из-за сильного разрушения катакомбы еще в древности.

Как и в катакомбах ранней группы, в поздних погребальных комплексах захоронения совершались на каких-то подстилках, возможно, органического происхождения, от которых сохраняется обычно коричневатый тлен. Обряд захоронений предполагал активное использование огня – в ходе расчистки заполнения попадает большое количество угольков. На полу камер многократно отмечались и кусочки мела, реже попадаются следы охры. Интересно, что в катакомбе №11 зафиксированы участки с обильным скоплением массы охры. В этой же катакомбе, как отмечалось выше, были найдены и куски битума. В целом следует обратить внимание на то, что в великентских катакомбах охрана играла значительно меньшую роль по сравнению, например, с тем как она активно использовалась в погребальных обрядах эпохи бронзы на Северном Кавказе и в степях Юго-Восточной Европы [см.: Балабина В.И., 1983; Балабина В.И. и др., 1990; Санжаров С.Н., 1989].

До недавнего времени исследователи не могли различать специфику погребальных конструкций относительно половозрастных особенностей покойников: в катакомбах встречались костяки мужчин и женщин, младенцев, детей, подростков и взрослых. Однако, катакомба №12, раскопанная в 1997 г. [см.: Гаджиев М.Г., 1998, с. 60-61], внесла неожиданный момент в этот план: оказалось, что она предназначена исключительно для детских захоронений. Примечательно, что в данной катакомбе отсутствуют предметы вооружения и орудия труда; инвентарь характеризуется лишь украшениями, как правило, имеющими миниатюрные размеры.

Уже многократно, в том числе и в этой работе, указывалось на такую характерную особенность погребального обряда, зафиксированного при

Таблица 2.

**Количество погребенных (минимальное) в катакомбах
Великентского могильника I**

№ катакомбы	Год раскопок	Минимальное количество выявленных человеческих черепов
1	1979	?
2	1983	80
3	1982	16
5	1984	136
7	1984	31
8	1983	48
9	1984	50
11	1997	40
12	1997	45
Общее количество черепов		446

раскопках великентских катакомб обеих хронологических групп, как большее количество погребенных. Эти данные приведены в таблице № 2.

Следует сразу оговорить, что приведенные данные могут быть использованы лишь для учета минимального количества выявленных скелетов, вернее черепов. Сильное разрушение катакомб и сложный характер коллективных захоронений с последующим постоянным перемещением антропологических материалов по камне создают серьезные препятствия для более точного установления количества покойников по конкретным катакомбам.

Коллективный характер захоронений в великентских катакомбах и большое количество покойников в сопровождении многочисленного инвентаря находят близкие аналогии, в первую очередь, в таких погребальных конструкциях как склепы, распространенных на Северо-Восточном Кавказе в эпоху ранней и более всего средней бронзы. Речь идет о склепах могильников Шебоха и Гоно эпохи ранней бронзы [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 23-28; 1991, с. 168-169], а также средне-бронзовых могильников Гинчи, Галгалатли, Ирганай и др. в Дагестане, Гатын-кале, Бельты и др. в Юго-Восточной Чечне [Гаджиев М.Г., 1969, с. 109-112; Магомедов Р.Г., 1998, с. 65-70].

Довольно близки великентские катакомбы в этом плане и манасским подкурганам катакомб эпохи средней бронзы. К последним мы еще вернемся, а тут кратко рассмотрим вопрос о соотношении грунтовых (не имеющих специальных курганных насыпей поверх конструкций) и подкурганных могильников эпохи средней бронзы в Приморском Дагестане. К первой группе относятся пока что поздние погребения Великентского могильника I (выше уже говорилось, что есть основания предполагать наличие погребальных комплексов эпохи средней бронзы и на других великентских могильниках). Более представительна группа подкурганных памятников (Манас, Утамыш, Даг. Огни, Ачису и др.), расположенных сравнительно равномерно по территории Приморского Дагестана. Однако мы не думаем, что великентские грунтовые могильники были единственными в этой части Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы. В пользу этого говорит сам факт относительно широкого распространения здесь грунтовых могильников в предшествующую эпоху. Наряду с великентскими могильниками I-III, круг подобных погребальных памятников эпохи средней бронзы составляют, по нашему мнению, такие объекты как известный Карабудахкентский могильник №2 [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958, с. 148-162, рис. 2; 6], разрушенные комплексы вышерассмотренного Каякентского могильника VI, а также, возможно, могильник у сел. Джемикент, выявленный в свое время В.Г. Котовичем [1957, л. 92, 93, табл. XXXI, 2]. Более того, есть большая вероятность, что погребальные конструкции этих могильников, сильно разрушенные и плохо исследованные, представляли собой катакомбные сооружения.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КАТАКОМБНОГО ОБРЯДА В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

С открытием в Великенте на трех могильниках катакомбных захоронений эпохи бронзы стало ясно, что в погребальном обряде куро-аракских племен Северо-Восточного Кавказа, как и в других ареалах этой культуры, использовались различные погребальные конструкции. Строго говоря, в Приморском Дагестане катакомбный обряд в эпоху бронзы был известен задолго до 1982 г., когда в Великенте впервые была выявлена катакомбная конструкция. Еще А.П. Круглов установил, что в XIX в. в подкурганных захоронениях, вскрытых у Дербента и Дешлагара (нынешнее Сергокала) А.А. Русовым, следует видеть непознанные тогда катакомбные могилы [Круглов А.П., 1958, с. 48].

В 1948-1951 гг. у ст. Манас Северокавказской археологической экспедицией был исследован ряд курганных насыпей, под которыми были обнаружены различные погребальные конструкции, в том числе катакомбные. По мнению К.Ф. Смирнова и Р.М. Мунчаева, манасские подкурганные катакомбы были связаны с проникновением в середине II тыс. до н.э. в Приморский Дагестан племен - носителей катакомбной культуры [Мунчаев Р.М., 1953, с. 11-12; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 187-188; Мунчаев Р.М., 1965, с. 96]. Точка зрения авторов о появлении в Приморском Дагестане в эпоху бронзы катакомбного погребального обряда как следствие активного вторжения степных племен - катакомбников Юга Восточной Европы получила широкое признание в литературе [Марковин В.И., 1960, с. 105; Он же, 1982, с. 28-29; Погребова М.Н., 1961, с. 123; Эрднеев У.Э., 1976, с. 51-52; Котович В.Г., 1978, с. 55-56; Нечитайло А.Л., 1978, с. 137-138; Трубаев О.Н., 1999, с. 188]. Предполагалось, что пришлые племена, активно взаимодействуя с местными племенами, внедрялись во многие элементы его материальной культуры (так, обращалось внимание на сугубо северо-восточнокавказский облик керамики в манасских катакомбах), но затем были ассимилированы и растворены в местной этнической среде. Довольно категорично в этом плане высказался В.И. Марковин:

«Для жителей Северного Кавказа их (катакомбников - Р.М.) вторжение не было прогрессивным. Пожалуй, они ничем не обогащали культуру местных племен. Передвигаясь в горы, сами степняки растворились в среде аборигенов. Обнаруженные памятники указывают на то, что они окружили себя местными предметами, исключение составляют курильницы и редкие на Северном Кавказе бронзовые ножи - «карасики». Горный Дагестан оказался недосыгаемым для степняков, и здесь продолжался последовательный путь развития культуры» [Марковин В.И., 1982, с. 28; см. также: 1984, с. 4-5].

Однако по вопросу о миграциях катакомбных племен на Северном Кавказе была и противоположная точка зрения. Например, В.А. Фисенко отстаивал южное происхождение катакомбной культуры и предполагал, что «в конце III тыс. до н.э. группа племен в известной мере, видимо, близких по культуре племенам Анатолии и Северной Месопотамии через Закавказье продвинулись в степи Северо-Западного Прикаспия и Предкавказья. В дальнейшем их материальная и духовная культура развивалась в тесном взаимодействии с населением куро-аракской, майкопской и ямной культур» [Фисенко В.А., 1967, с. 18; см. также: 1966а, с. 63-83; 1966б, с. 9, 36]. Идея В.А. Фисенко о южных генетических корнях катакомбной культуры, в том числе и из среды куро-аракской культуры, была подвергнута критике Р.М. Мунчаевым [1975, с. 54], но имела и своих последователей в лице В.Н. Даниленко [1969, с. 228 и др.] и других. В.И. Марковин не раз высказывался, что «нельзя пренебрегать мнением В.А. Фисенко, что эти племена (катакомбной культуры - Р.М.) связаны с населением Анатолии и Юго-Западной Азии» [Марковин В.И., 1976, с. 199; см. также: 1994а, с. 312]. После открытия великентских катакомб точка зрения о спорности интерпретации манасских катакомб как результат культурной экспансии катакомбной (предкавказской) общности находит новых сторонников [Державин В.Л., 1991, с. 123].

Как видим, великентские катакомбы внесли как бы «новую струю» в развитие устоявшейся старой научной гипотезы. Главное отличие их от манасских, дербентских, дешлагарских катакомб - это отсутствие над ними курганных насыпей. Великентские катакомбы вырублены в толщах великентских холмов - останцев второй каспийской террасы. Всего, как уже не раз говорилось, в Великенте на трех близкорасположенных могильниках выявлено и изучено около полутора

десяток катакомбных могил, — к сожалению, большей частью ограбленных и полуразрушенных. Великентские катакомбы отличаются большим разнообразием конструктивных особенностей и в то же время бесспорным единством погребального обряда.

Естественно, после широкомасштабных исследований великентских могильников проблема генезиса катакомбного обряда на Северо-Восточном Кавказе стала для исследователей еще более актуальной, чем прежде. Здесь следует отметить, что она, хотя и находится в русле проблемной ситуации зарождения катакомбной культурно-исторической общности в степной зоне Юго-Восточной Европы, все же обладает внутренней самостоятельностью и присущими только ей особенностями.

С этой точки зрения интересно проследить насколько новые материалы раскопок великентских катакомб соотносятся с мнениями о появлении катакомбного обряда в Приморском Дагестане. Сравнение данных великентских могильников с известными катакомбными комплексами Северного Кавказа и Восточной Европы показывает, что общими для них являются сам катакомбный тип могильной конструкции, деформация черепов покойников, близкие формы бронзового инвентаря (но они имеют очень широкий географический «разброс» и вне рамок «катакомбной территории») и это, пожалуй, все. Обращает на себя внимание тот факт, что такие важные «индикаторы» катакомбной к.и.о. как шнуровой орнамент на сосудах, характерные керамические формы, и, в первую очередь, курительницы отсутствуют в Великенте.

В то же время великентские материалы дали повод для аргументации южных, может быть, северо-восточнокавказских, корней генезиса катакомбного обряда в степном мире. Например, по мнению А.Л. Нечитайло и М.Г. Гаджиева, нахождение во многих катакомбных захоронениях Северного Кавказа, Подонья и Украины фрагментов обмазанной керамики объясняется несомненным культурным влиянием Северо-Восточного Кавказа [Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г., 1990, с. 50-52; Нечитайло А.Л., 1990, с. 47-48; Она же, 1991, с. 64]. Более того, как полагают они, есть «основание предположить, что население степного мира Причерноморья познакомилось с ... идеей (катакомбы - Р.М.) именно отсюда» [Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г.,

1990, с. 50]. Однако, на наш взгляд, вряд ли пока есть достаточное основание однозначно связывать появление катакомбной погребальной конструкции в степях Восточной Европы только с культурным импульсом Северо-Восточного Кавказа, и тем более причислять «великентскую группу катакомбных памятников» по существу к одному из локальных вариантов катакомбной к.и.о. как это, например, делает в своей книге А.Л. Нечитайло [Нечитайло А.Л., 1991, с. 65]. Здесь более правильной представляется точка зрения М.Г. Гаджиева «о весьма сложных процессах взаимодействия оседлоземледельческого населения Кавказа и подвижных скотоводческих племен Юго-Восточной Европы, приведшего к формированию такого симбиозного культурного явления, каким является предкавказская катакомбная культура» [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 35]. Как видим, такая осторожная формулировка очень близка к известным мнениям как В.А. Фисенко, так и других ученых (М.И. Артамонов [1949, с. 332-333], С.В. Киселев [1965, с. 34]) о кавказском составляющем элементе в генезисе катакомбной культуры.

Датировка наиболее ранних катакомб Великента в пределах первой половины III тыс. до н.э., исключив северный путь появления катакомб в Дагестане, одновременно активизировала другие направления поисков их генетических корней. Наиболее интересной оказалась точка зрения М.Г. Гаджиева, по которой катакомбы в Приморском Дагестане органически связаны со строительной традицией, господствовавшей здесь в эпоху ранней бронзы, и сложились в подражание куро-аракским круглоплановым жилищам с прямоугольными прихожими [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 36; 1991, с. 170-171]. Как известно, теория о множественности путей происхождения катакомбного обряда в Старом Свете довольно популярна, и одним из аргументов полицентризма в появлении катакомб считается их сооружение наподобие реально существовавшим жилищам, а также таким транспортным средствам кочевников, как кибитки-повозки [Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982, с. 48; Хлопин И.Н., 1983, с. 119-120; Марковин В.И., 1994а, с. 312 и др.].

Признавая большую перспективность версии М.Г. Гаджиева, мы в то же время вполне солидарны с В.И. Марковиным в том, что нельзя исключить и другой вероятный вариант («южный») привнесения катакомбной погребальной конструкции на Северо-Восточный Кавказ «на

заре бронзового века» [Марковин В.И., 1994а, с. 312]. Действительно, одни из самых ранних катакомбных сооружений Старого Света, если не считать халафских [Мерперт Н.Я., Мунчасв Р.М., 1982, с. 46-48, рис. 8-9], известны в Восточном Средиземноморье [см.: Kenyon Kathleen, 1971, p. 3-30; Walter Peter, 1998, p. 143-167]. В данном ракурсе, на наш взгляд, до сих пор должным образом не оценена близость краниологических серий из Библа и Великента, установленная антропологом Е.А. Шепель [1995, с. 110, 112, табл. 7], хотя автор и допускает трактовку этого явления «не только влиянием исходного антропологического типа с территории Передней Азии, но и последующим развитием данного типа в сравнительно одинаковых условиях среды (равнинная область приморья)» [Шепель Е.А., 1995, с. 112]. Нити, связывающие великентские могильники, да и весь Великентский комплекс памятников, с ближневосточным миром, многочисленны, но это тема специального рассмотрения.

Допуская вероятность южного проникновения идеи катакомбы в Приморский Дагестан, следует иметь в виду огромный территориальный разрыв между Великентом и, допустим, Восточным Средиземноморьем [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 36]. По нашему мнению, в данном случае нельзя упускать из виду фактор археологической изученности Кавказа. Разумеется, Закавказье исследовано несравненно лучше по сравнению с Северо-Восточным Кавказом, но и здесь, наверное, нельзя исключить открытис в будущем очень ранних катакомб, как это случилось произошло двадцать лет тому назад в Приморском Дагестане. В настоящее время катакомбы эпохи средней и поздней бронзы известны в Армении [Хачатрян Т.С., 1979, с. 3-18; Арешян Г.Е., 1980, с. 423]; отдельные сведения о бытовании в куро-аракское время погребальных конструкций, близких к катакомбам, имеются и в Грузии [Пицхелаури К.Н., 1982, с. 56].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая работу, можно отметить, что ее главная цель – возможно полная публикация материалов неординарных погребальных комплексов эпохи ранней и средней бронзы, разрушенных в разное время в окрестностях ст. Каякент и сел. Великент в Приморском Дагестане – достигнута. При этом мы постарались дать сравнительный анализ инвентаря и погребального обряда, зафиксированных на этих объектах, а также затронуть вопросы их хронологии. В заключение работы есть необходимость более подробно остановиться на проблеме культурной идентификации анализируемых памятников.

Начнем, однако, с краткой оценки самой проблемы выделения археологических культур эпохи бронзы всего Северо-Восточного Кавказа. Как известно, понятие «археологическая культура» – один из наиболее продуктивных исследовательских инструментов классификации, анализа и интерпретации археологических источников. Долгое время «археологическая культура» воспринималась априори как однозначно трактуемый и безотказно действующий методический прием, перекидывающий мост от вещеведческого подхода к источникам к их утерянной историко-социальной и этнокультурной сущности. Этим, своего рода первоначальным романтизмом, навеяны многие обобщающие работы археологов 30-50-х, реже 60-70-х гг., в которых широкими мазками даны «исторические картины» древних племен, названных при отсутствии данных письменной истории «ямниками», «катакомбниками» и т.п. По мере разрастания базы источников (особенно после новостроечных раскопок), усовершенствования теории и методологии археологии, а также общего развития гуманитарных наук, «археологическая культура» превратилась в сложное понятийное явление. Несмотря на это, дискуссии вокруг критериев выделения «археологической культуры» и ее трактовки все еще продолжаются. При этом преобладает понимание «археологической культуры» как полиструктурного понятия, способствующего достижению репрезентативных результатов научных работ, но не приводящего к однозначным историческим выводам.

Обратившись к некоторым аспектам выделения археологических культур на материалах эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа, следует сказать, что памятники бронзы в своей массе были выявлены, полноценно исследованы и интерпретированы после того, как уже сложились устойчивые концепции синхронных археологических культур Юга России. Это обстоятельство, а также придание особой роли Транскавказскому проходу обусловили то, что в работах первопроходцев археологии Северо-Восточного Кавказа (А.А. Иессен, А.П. Круглов, Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.Г. Котович, В.М. Котович и др.) памятники эпохи бронзы изучаемого региона осмысливались во многом сквозь призму археологических культур сопредельных территорий. Понимание местных генетических корней выделяемых археологических культур приходило постепенно, по мере накопления новых источников и новых знаний.

Первые куро-аракские памятники на Северо-Восточном Кавказе были открыты в 80-х гг. XIX в., но только после работ А.П. Круглова стало ясно, что они имеют близкое сходство с т.н. «закавказским энеолитом». Р.М. Мунчаев, В.Г. Котович, Е.И. Крупнов и другие отнесли поселения Приморского Дагестана (Великент, Каякент, Мамай-кутан и др.) сначала к куро-аракскому энеолиту, а середины 60-х гг. — к куро-аракской культуре эпохи ранней бронзы. Появление памятников такого типа на территории Северо-Восточного Кавказа объяснялось как результат миграции южного (куро-аракского) населения на север, предполагая при этом, что местные племена, обитавшие преимущественно в горных районах, долгое время сосуществовали с пришельцами, а затем ассимилировали их. Надо сказать, что такой точки зрения придерживались очень многие археологи, и это нашло широкое отражение в учебниках, сводных обобщающих трудах по археологии и древней истории Северного Кавказа и Дагестана. Хотя Р.М. Мунчаев обращал внимание на синкретический характер северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры [Мунчаев Р.М., 1961, с. 147-161], но все же в историографии превалировало мнение о чужеродной, пришлой природе памятников куро-аракской культуры к северу от Главного Кавказского хребта. В.Г. Котовичем даже делались попытки обозначения в Дагестане местной т.н. «культуры обмазанной керамики» с широкими хронологическими рамками

- от неолита-энеолита до эпохи раннего железа [см.: История Дагестана, т. I, 1967, с. 84]. После выявления полноценных куро-аракских памятников не только в приморской полосе, но и в предгорье и в горах Дагестана, а также открытия здесь памятников предшествующих эпох, имеющих несомненную связь с куро-аракской культурой, стало ясно, что Северо-Восточный Кавказ входит в зону первоначального возникновения и развития куро-аракской культуры [Гаджиев М.Г., 1987, с. 62-68, табл. XXII-XXIII; 1991, с. 127-214].

Не все просто и с идентификацией куро-аракских древностей региона. Открытие великентских катакомб в конце 70-х - начале 80-х гг., например, заставило пересмотреть прежние датировки прикаспийских куро-аракских поселений, т.к. поздние катакомбы Великентского могильника I, датируемые концом III - началом II тыс. до н.э., содержали инвентарь, схожий с материалами верхних слоев поселений Великент I (Земовар-тепе), Каякент (Геме-тубе I), Мамай-кутан. А ведь последние до этого целиком вписывались в рамки дифференцирующих критериев куро-аракской культуры с датировкой в пределах III тыс. до н.э. Значит, не так безупречны эти критерии. Если бы в 1979 г. не случилось «случайное» обнаружение местными жителями катакомбы №1 на Великентском могильнике I, до предела насыщенной инвентарем, и, в первую очередь, из бронзы, Великентское поселение I так, наверное, и осталось бы целиком в рамках интерпретации как классический памятник северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры.

Новая ситуация в изучении ранних этапов бронзового века Дагестана, возникшая в связи с открытием и первоначальным осмыслением великентских катакомб, вызвала необходимость выделения наряду с гинчинской культурой, присулакской и манасской группами памятников эпохи средней бронзы [см.: Гаджиев М.Г., 1974] еще одной группы, наиболее сохранившей традиции куро-аракской культуры — *великентской* [Магомедов Р.Г., 1985а, с. 221-223; см. также: Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 25-26]. По мере развертывания исследований на Великентском комплексе памятников М.Г. Гаджиев стал использовать по отношению к поздним материалам прикаспийских поселений и великентских катакомб понятие «археологическая культура», получившее развернутый вид в «Истории Дагестана» [Гаджиев М.Г.,

Давудов О.М., Шихсаидов А.Р., 1996, с. 75-77]. Мы пока придерживаемся термина «*великентская группа памятников*», т.к. считаем возможным выделить отдельной великентской культуры только после всестороннего анализа и публикации материалов раскопок всех великентских памятников.

Кризис куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, первые признаки которого стали появляться начиная с середины III тыс. до н.э., привел к постепенному вымиранию в ее недрах элементов новых археологических образований эпохи средней бронзы. Изменения коснулись практически всех сторон материальной и духовной культуры местного населения. Причины этих явлений не имеют однозначного объяснения. Скорее мы сталкиваемся с целым комплексом причин, среди которых наиболее выразительными являются истощение ресурсов внутреннего развития быта и хозяйства населения; наступление конца природного оптимума и дальнейшая аридизация климата; мощное давление подвижных скотоводческих племен на земледельческий мир Северо-Восточного Кавказа и Закавказья; коренное изменение векторов и масштабы связей внутри Циркумпонтийской суперконтактной зоны.

Определенный кризис куро-аракской культуры во второй половине III тыс. до н.э., сопряженный с процессом становления новых археологических культур эпохи средней бронзы, однако, не означает, на наш взгляд, системный регресс во всех сферах культуры населения, полный откат общества назад, хаотический распад существовавших многосторонних связей внутри культуры. Разумеется, нельзя отрицать некоторое падение темпов развития раннеземледельческого общества во второй половине III тыс. до н.э., но оно, по-видимому, было растянуто по времени, в особенности на территории Приморского Дагестана.

О том, что в конце III тыс. – начале II тыс. до н.э. в Приморском Дагестане культура, связанная с великентским кругом памятников, испытывала не только кризисные явления, но и находилась в системе многозначных изменений, в том числе и прогрессивного характера, свидетельствуют данные исследования великентских поздних катакомб и верхних слоев ряда прикаспийских поселений. В качестве примера можно взять, взрывной скачок в развитии металлургии и

металлообработки, очевидно происшедший на рубеже эпох ранней и средней бронзы на всей территории Циркумпонтийской зоны, в том числе и на Северо-Восточном Кавказе [Черных Е.Н., 1989, с. 24]. Заметные движения происходят и в других сферах культуры местного населения (строительное дело и архитектура, керамическое производство, ткачество и т.д.). Комплексное изучение проблем заката куро-аракской культуры в целом и ее северокавказского локального варианта, в частности, а также сложения на базе последнего новых археологических образований эпохи средней бронзы – это отдельная исследовательская тема, имеющая большие перспективы.

Великентский комплекс памятников эпохи ранней и средней бронзы, расположенный в Приморском Дагестане, издревле связывающем степи Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы наиболее удобной дорогой с культурами и цивилизациями Закавказья и Передней Азии, в настоящее время выступает ключевым объектом для системного изучения культурно-исторических явлений этой части Старого Света. Дальнейшие исследования Великентского комплекса очень важны для понимания сущности и исторических судеб куро-аракской, майкопской, катакомбной, северокавказской, алазано-беденской и других археологических культур. К сожалению, перманентное разрушение великентских памятников, недостаточность финансовых возможностей для полноценных спасательных работ здесь – эти и другие факторы сильно осложняют дело изучения Великента.

Актуальной задачей дагестанской археологии остается необходимость быстрого введения в научный оборот результатов раскопок предыдущих лет на Великентском комплексе памятников. Выход в свет данной книги – один из небольших шагов в ознакомлении широкой научной общественности с уникальной источниковой базой, накопленной здесь российскими учеными при активном содействии американских, английских, испанских и грузинских коллег.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. - Археологическая карта Дагестана. М.: Наука.
- Авилова Л.И. и др., 1999. - Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. № 1.
- Антонова Е.В. 1998. - Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V-IV тыс. до н.э. // ВДИ. № 3.
- Артамонов М.И., 1949. - Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. Т. XI
- Атаев Г.Д., 1987. - Чиркейские курганы бронзового века // СА. №1.
- Арешиян Г.Е., 1980. - Норабац - новый памятник эпохи бронзы // АО 1979. М.: Наука.
- Балабина В.И., 1983. - К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции М.: Наука.
- Балабина В.И. и др., 1990. - Балабина В.И., Борисенко Л.А., Яхонтова Л.К. Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона // РА. №1.
- Бритюк А.А., 1996. - К вопросу о типологии бронзовых ножей ямного и катакомбного времени // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Мат-лы междунар. науч. конф. Волгоград: Перемена.
- Гаджиев М.Г., 1969. - Из истории Дагестана в эпоху бронзы (Могильник Гинчи). Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1975. - К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1979. - Отчет о работе Прикаспийской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1977 г. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп. 3. Д. 600.
- Гаджиев М.Г., 1980а. - Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане // АО 1979. М.: Наука.
- Гаджиев М.Г., 1980б. - Новые данные о бронзовом веке Дагестана // МСПИЭИ в Дагестане в 1978-1979 гг. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1983а. - Великентский склеп - памятник древней металлургии // Природа. №8.

- Гаджиев М.Г., 1983б. - Поселения Горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1986а. - О древней металлообработке в Дагестане // Studia praehistorica. 8. София.
- Гаджиев М.Г., 1986б. - Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1987. - Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. Вып.192. М.
- Гаджиев М.Г., 1988. - Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1991. - Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука.
- Гаджиев М.Г. и др., 1998. - Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Исследование Великентского могильника II // XX Юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (ТД). Железноводск, 1998 г. Ставрополь.
- Гаджиев М.Г. и др., 1999. - Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Исследования Дагестанско-Американской археологической экспедиции в 1998 г. // Археологическая конференция Кавказа. II. Кавказ и степной мир в древности и средневековье: Мат-лы междунар. науч. конф. Махачкала.
- Гаджиев М.Г. и др., 1995. - Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Исследования Дагестанско-Американской экспедиции // АО 1994. М.: Наука.
- Гаджиев М.Г. и др., 1998. - Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Итоги полевых археологических исследований в Прикаспийском Дагестане в 1997 г. // ТД конф. «Интеграция фундаментальной науки и высшего образования: (Состояние и перспективы)». Самара.
- Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р., 1996. - История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН.
- Гаджиев М.Г. и др., 1999. - Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Исследования в Великенте // АО 1997. М.: Эдиториал УРСС.
- Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984. - Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1984. - Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы Дагестана // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1982-1983 гг. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990. - Великентские катакомбы // ТД Всесоюз. семинара «Проблемы» изучения катакомбной культурно-исторической общности». Запорожье.

- Гаджиев М.Г. и др., 1998. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.М., Гогочури Г., Кол Ф.Л. Великентский могильник - раскопки 1997 г. // Археологическая конференция Кавказа - I: КСД. Тбилиси.
- Гаджиев М.Г. и др., 1996а. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л. Новые катакомбные могильники эпохи бронзы в окрестностях сел. Великент // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). ТД. М.
- Гаджиев М.Г. и др., 1996б. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана / // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). ТД. М.
- Гаджиев М.Г. и др., 1997. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л. Исследования международной Дагестанско-американской экспедиции на поселении Великент II (1994-1995 гг.) // Археология Кавказа: Новейшие открытия и перспективы. КСД международной науч. сессии. Тбилиси.
- Гаджиев М.Г. и др., 1998. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л., Хейнч М.Ф., Петерсон Д.Л., Чиковани Г. Исследования на поселении Великент II в 1997 г. // Археологическая конференция Кавказа - I: КСД. Тбилиси.
- Гаджиев М.Г., Маммаев М.М., 1978. - Исследования Прикаспийской экспедиции // АО 1977. М.: Наука.
- Гаджиев Ш.М., 1999. - Древнейшие катакомбы Северо-Восточного Кавказа // Археологическая конференция Кавказа. II. Кавказ и степной мир в древности и средневековье: Мат-лы междунар. науч. конф. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш., 1961. - Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.
- Гей А.Н., 1986. - Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа: (Мат-лы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М.: Наука.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1980. - Бедени - культура курганных погребений. Тбилиси. (На груз. яз. с рус. яз.).
- Давудов О.М., 1984. - Отчет об итогах археологического исследования Великентского могильника летом 1983 г. Махачкала // Архив ИА РАН. Р. I. Д. 9585.
- Давудов О.М., 1985. - Новые исследования Центральнodaгестанской экспедиции // АО 1983. М.: Наука.
- Даниленко В.Н., 1969. - Неолит Украины: Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев: Наукова думка.
- Дедабришвили Ш.Ш., 1979. - Курганы Алазанской долины. Тбилиси.
- Державин В.Л., 1991. - Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.

- Исаков М.И., 1948. - Дневник по проведенной разведочно-полевой работе по выявлению археологических памятников по плоскостной и предгорной части Южного Дагестана в течение мая-июня 1948 г. Махачкала // Архив ДГОИАМ. Ф. Оп. 1. Д. № 249.
- Исаков М.И., 1959. - Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте) // МАД. Т. I. Махачкала.
- Исаков М.И., 1966. - Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте). Махачкала.
- Кавтарадзе Г.Л., 1987. - Некоторые вопросы хронологии Грузии эпохи энеолита-ранней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: Мат-лы I симп. «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла». Телави- Сигнахи, 1983. Тбилиси: Мецниереба.
- Кавтарадзе Г.Л., 1992. - Вопросы этнической истории Кавказа и проблема хронологизации и периодизации: Дис. ... докт. ист. наук. (Науч. доклад). Тбилиси.
- Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. - Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. I. Махачкала.
- Киселев С.В., 1965. - Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.
- Кол Ф.Л. и др., 1999. - Кол Ф.Л., Гаджиев М., Магомедов Р.Г. Связи Кавказа со степями Восточной Евразии в IV-III тысячелетиях до н.э. // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Мат-лы к междунар. конф. Челябинск - Аркаим.
- Кореневский С.Н., 1978. - О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. №2.
- Кореневский С.Н., 1981. - Втульчатые топоры - оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Кореневский С.Н., 1984. - Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Кореневский С.Н., 1985. - Ножи и кинжалы горной Северной Осетии докобанского времени // Археология и традиционная этнография Сев. Осетии. Орджоникидзе.
- Кореневский С.Н., 1990. - Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья: (Неженские курганы эпохи бронзы) района Кавказских минеральных вод. М.
- Кореневский С.Н., 1992. - К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя эперских дольменов Абхазии // РА. №2.
- Костюченко И.П., 1959. - Раскопки Миатлинского поля в 1955 г. // МАД. Т. I. Махачкала.

- Котович В.Г., 1953. - Разведка у с. Великент (Дербентский район). Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 7.
- Котович В.Г., 1959. - Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т.1. Махачкала.
- Котович В.Г., 1961. - Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Т. II. Махачкала.
- Котович В.Г., 1978. - Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Сб. статей в память М.И. Аргамонова. Л. Вып. 2.
- Котович В.Г., Котович В.М., 1973. - Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука.
- Котович В.Г. и др., 1980. - Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука.
- Круглов А.П., 1958. - Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68.
- Крупнов Е.И., 1940. - Каякентский могильник - памятник древней Кавказской Албании // Тр. ГИМ. Вып. XI. М.
- Крупнов Е.И., 1951. - Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода: (Опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. №23.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. - Древние культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л.
- Магомедов М.Г., 1977. - Гробницы эпохи бронзы в урочище «Гентал» // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1983. - Историко-культурная характеристика памятников, выявленных Археологической службой Дагестана. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 558.
- Магомедов Р.Г., 1984а. - Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (ТД). Майкоп.
- Магомедов Р.Г., 1984б. - Орнаментация керамики Великентского катакомбного могильника эпохи бронзы // ТД VI науч. - практ. конф. молодых ученых и спец-тов Дагестана «Молодежь и обществ. прогресс». Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1985а. - К выделению памятников великентской группы эпохи средней бронзы // Всесоюз. археологическая конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: ТД. Баку.
- Магомедов Р.Г., 1985б. - Отчет об археологических исследованиях Великентского могильника летом 1984 г. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 603.
- Магомедов Р.Г., 1986а. - Культовые сосуды из Великентского катакомбного могильника // Обряды и культы древнего и средневекового населения

- Дагестана. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1986б. - Охранные раскопки Великентского могильника // АО 1984. М.: Наука.
- Магомедов Р.Г., 1986в. - Раскопки на Великентском могильнике // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1993. - К вопросу о датировке комплексов Великентского катакомбного могильника // ТД Респ. науч. конф. молодых ученых Дагестана по проблемам гуман. наук. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1994. - Об открытии нового катакомбного могильника эпохи бронзы у сел. Великент // ТД НСПИЭИ ИИАЭ и ИЯЛ в 1992-1993 гг. Махачкала.
- Магомедов Р.Г., 1996. - Материалы к изучению погребального обряда эпохи ранней бронзы в Приморском Дагестане // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб.
- Магомедов Р.Г., 1998а. - Великент на рубеже эпох ранней и средней бронзы (к вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры) // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (ТД VII Донской археол. конф.). Ростов-на-Дону.
- Магомедов Р.Г., 1998б. - Гинчинская культура: (Горы Дагестана и Юго-Восточной Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН.
- Магомедов Р.Г., 2000. - К вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Магомедов Р.Г., Гаджиев Ш.Г., 1997. - Великентские катакомбы эпохи ранней бронзы // Археол. Кавказа: Новейшие открытия и перспективы. КСД междунар. науч. сессии. Тбилиси.
- Магомедов С.М., 1974. - К вопросу о культурных связях населения Дагестана Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. МАД. Т. 5. Махачкала.
- Марковин В.И., 1960. - Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. №93.
- Марковин В.И., 1969. - Дагестан и горная Чечня в древности: (Каякентско-хорочоевская культура) // МИА. №122.
- Марковин В.И., 1976. - Степи и Северный Кавказ: Об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Марковин В.И., 1982. - Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюз. симп., посвящ. 60-летию образ. СССР. Ереван.
- Марковин В.И., 1984. - Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1971-1972 гг. Т. 1. Нальчик:

Эльбрус.

- Марковин В.И., 1994а. - Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука.
- Марковин В.И., 1994б. - Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука.
- Махарадзе З.Э., 1994. - Поселение куро-араксской культуры Цихиагора. Тбилиси: Мецниереба. (На груз. яз. с рус. рез.)
- Мерперт, 1975. - Ритуальные модели топора из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982. - Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.
- Мирзоев Р.Н., 1977. - К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Мунчаев Р.М., 1953. - Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III-II тыс. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Мунчаев Р.М., 1958. - Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. М.
- Мунчаев Р.М., 1961. - Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М.
- Мунчаев Р.М., 1965. - Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М.
- Мунчаев Р.М., 1975. - Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука.
- Мунчаев Р.М., Смирнов Р.М., 1956. - Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. - Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР) // МИА. № 68. М.
- Мусаев Д.Л., 1992. - Локальные разновидности керамики куро-араксской культуры // Материалы науч. конф., посвящ. последним результатам археологической и этнографической наук в Азербайджане. Баку: Билик.
- Нечитайло А.Л., 1978. - Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка.
- Нечитайло А.Л., 1990. - Распространение керамики с «обмазкой» в культурах Северного Кавказа и Украины // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: (ТД). Ставрополь.
- Нечитайло А.Л., 1991. - Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка.

- Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г., 1990. - Традиции древних культур Дагестана в катакомбных памятниках Украины // ТД Всесоюз. семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». Запорожье.
- Никулина Н.М., 1999. - Ритуальные молоты-топоры из Троянскогоклада L: (К вопросу о датировке данного археологического комплекса) // ВДИ. №2.
- Пицхелаури К.Н., 1982. - Археологические исследования в зонах новостроек Иоро-Алазанского бассейна (1975-1979 гг.) // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба.
- Погребова М.Н., 1961. - Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т. 2. Махачкала.
- Русов А.А., 1882. - Отчет о летних и осенних археологических работах (1980 г.) в Южном Дагестане // V Археологический съезд: Тр. Предварительных комитетов. М.
- Рысин М.В., 1992а. - Датировка комплексов из Эшери // КСИА. Вып. 199. М.
- Рысин М.В., 1992б. - Датировка комплексов из Эшери // СА. №2.
- Рысин М.В., 1996. - К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб.
- Санжаров С.Н., 1989. - Охра в изобразительной деятельности племен средней бронзы Донетчины // СА. №2.
- Трифонов В.А., 1996. - Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб.
- Трубачев О.Н., 1999. - Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука.
- Федоров Г.С., 1977. - Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Фисенко В.А., 1967. - Племена катакомбной культуры Северо-Западного . Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Фисенко В.А., 1966а. - Погребальный обряд катакомбной культуры Юго-Востока // АС. Саратов.
- Фисенко В.А., 1966б. - Учебное пособие по курсу истории СССР. Лекции по археологии. Саратов.
- Хачатрян Т.С., 1979. - Арктический некрополь: Каталог. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та.
- Хлотин И.Н., 1983. - Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука.
- Черных Е.Н., 1989. - Металл и древние культуры: Узловые проблемы

исследования // Естественные научные методы в археологии. М.: Наука.
 Чубинишвили Т.Н., 1963. - Амиранис гора: Материалы к древнейшей истории
 Месхет-Джавахети. Тбилиси [на груз. яз.].
 Шенель Е.А., 1995. - Антропологическая характеристика черепов из
 Великентского могильника // Алародии: (Этногенетические
 исследования). Махачкала.
 Эрднеев У.Э., 1976. - Калмыцкая степь - центр катакомбной культуры //
 Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре:
 (ТД). М.

Gadjiev M. et al., 1995. - Gadjiev M., Kohl Ph., Magomedov R. and Stronach D.
 The 1994 Excavations of the Daghestan-American Archaeological Expe-
 dition to Velikent in Southern Daghestan, Russia // Iran. XXXIII.
 Gadzhiev M. et al., 1997. - Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R. and D. Stronach.
 The 1995 Daghestan-American Velikent Expedition: Excavations in
 Daghestan, Russia // Eurasia Antiqua. Band 3. Berlin.
 Kenyon Kathleen, 1971. - Burial Customs at Jericho // ADAJ. Amman. 16.
 Kohl Ph.L. et al., 2000. - Kohl Ph.L., Gadzhiev M.G., Magomedov R.G. Between
 the Steppe and the Sown: Cultural Developments on the Caspian Littoral
 Plain of Southern Daghestan, Russia, C. 3600-1900 BC // Late Exploita-
 tion of the Eurasian Steppe. Vol. I. Cambridge.
 Sagona A.G., 1984. - The Caucasian Region in the Early Bronze Age // BAR. Inter-
 national Series. №214. Oxford.
 Schaeffer Cl.F.A., 1948. - Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie
 Occidentale (III-e et II-e mil.). L.
 Walter Peter, 1998. - Shaft-chambered Tombs of the Fourth Millenium B.C. in the
 Mediterranean // Beirytus: Archaeological Studies. Vol. XXXVI. Beirut.

**Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИИ РАН**

instituteofhistory.ru

список сокращений

АС	- Археологические открытия. М.
АС	- Археологический сборник. Саратов.
ВДИ	- Вестник древней истории.
ГИМ	- Государственный исторический музей.
Даг. ФАН СССР	- Дагестанский филиал Академии наук СССР.
ДГОИАМ	- Дагестанский государственный объединен- ный историко-архитектурный музей.
ДНЦ РАН	- Дагестанский научный центр Российской академии наук.
ИА РАН	- Институт археологии РАН.
ИИАЭ ДНЦ РАН	- Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.
ИЯЛИ ДНЦ РАН	- Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН.
КСНА	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КСИМК	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материаль- ной культуры АН СССР.
МАД	- Материалы по археологии Дагестана. Махач- кала.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МСПИЭИ	- Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ис- тории, языка и литературы Даг.ФАН АН СССР. Махачкала.
РА	- Российская археология. М.
РФ ИИАЭ	- Рукописный фонд Института истории, архео- логии и этнографии ДНЦ РАН.
СА	- Советская археология. М.
СКАЭ	- Северокавказская археологическая экспеди- ция Института археологии АН СССР.
ТД	- Тезисы докладов.
ТД ИСПИЭИ	- Тезисы докладов научной сессии, посвящен- ной итогам полевых археологических исследо- ваний.
ADAJ	- Annual of the Department of Antiquities of Jor- dan. Amman.
BAR	- British Archaeological Reports. Oxford.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Рис. 1. Карта-схема Северо-Восточного Кавказа с указанием расположения рассматриваемых памятников.
2. Рис. 2. Карта низовья р. Гамри-Озень.
3. Рис. 3. Каякентский могильник VI. Керамика (по Гаджиевой С.Ш., 1961).
4. Рис. 4. Каякентский могильник VI. Керамика.
5. Каякентский могильник VI. Керамика.
6. Каякентское поселение V. Керамика (подъемный материал).
7. Карта Великентского комплекса памятников.
8. Великентский катакомбный могильник I (вид с юга).
9. Великентский могильник I. Катакомба №3, общий план (I), разрезы входной ямы и погребальной камеры (II-III), заклад входного лаза (IV) и основная плита заклада (V).
10. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика.
11. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика.
12. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика.
13. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика.
14. Великентский могильник I. Катакомба №3: керамика.
15. Великентский могильник I. Катакомба №3. Орудия труда и предметы вооружения: из бронзы (шилья – 1-2, клинки – 3-4) и камня (наконечник стрелы – 7, напершия булавы – 5-6, 8-9, топоры – 10-11).
16. Великентский могильник I. Катакомба №3. Украшения из бронзы (спирали – 1-8, булавки и их обломки – 9-12, височные подвески и их обломки – 13-20, 23-26, кольца – 21-22, браслет – 28, обломок браслета – 27, трубчатая пронизь с трехгранным сечением – 29).
17. Великентский могильник I. Катакомба №3. Украшения: бусы из пасты (1-14, 18), бронзы (15-17), камня (19), гагата (20-27); кольцо из гагата (28).
18. Великентский могильник I. Катакомба №4: керамика.
19. Великентский могильник I. Катакомба №4: керамика.
20. Великентский могильник I. Катакомба №4: украшения из бронзы (височная подвеска – 1, лопаточкообразная подвеска – 2, якоревидная подвеска – 4, булавка – 6) и серебра (фрагменты браслетов – 3, 5); орудия труда и предметы вооружения из бронзы (шилья – 7-8, долото – 9, клинок – 10, тесла – 13-14, топоры – 15-16) и камня (напершия булавы – 11-12).
21. Корреляция параметров (азимут осевой линии входной ямы, дромоса и камеры; тип соединения входной ямы и камеры; тип соединения дромоса и камеры; форма плана камеры) катакомбных конструкций великентских могильников I-III.
22. Классификация погребальных камер великентских катакомб по их размерам (соотношение «длина – ширина»).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
КАЯКЕНТСКИЙ МОГИЛЬНИК VI	5
ВЕЛИКЕНТСКИЙ МОГИЛЬНИК I	20
Катакомба №3	31
Катакомба №4	52
Анализ инвентаря	59
Датировка и культурная атрибуция комплексов	83
ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ	87
К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КАТАКОМБНОГО ОБРЯДА В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	103
ЛИТЕРАТУРА	108
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	117
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	118

Научное издание

instituteofhistory.ru

Рабадан Гаджиевич
МАГОМЕДОВ

**МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ
КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ**

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН
(Прот. № 7 от 23 июня 2000 г.)

Компьютерный набор, верстка
и техническая редакция
З.Г. Магомедова

Подписано в печать 10.10. 2000 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная № 1
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 7,5
Тираж 300

Издательско-полиграфический Центр ДГУ
г. Махачкала, ул. Яракского, 59^с